

Евгений ЯСЕНОВ

Город, который придумал Юз

Рассказы о прошлом Донецка:
из глубины веков до 1945 года

Евгений ЯСЕНОВ

**Город,
который придумал Юз**

**Донецк
2009**

ББК 63.3 (4 Укр - 4 Дон)

Я 80

Ясенов Є. Місто, яке вигадав Юз. – Донецьк: «Донецчина», 2009. – 272 с. – з іл.

ISBN 978-966-556-893-3

Донецьк – молоде місто. Як ні полічи його історію – як звикли, з 1869 року, чи новаторськи, з 1779-го, все одно вийде небагато. Але місьць без минулого не існує. У цій книзі надані розповіді про минуле Донецька, що назвався спочатку Юзовкою, а потім – Сталіним. Автор збирав їх, розмовляючи с земляками, досліджуючи історичні документи та підшивки старих газет. «Книга вийшла суб'єктивною та небезсторонньою – шоправда, суб'єктивизм цей розподіляється на безліч компонентів. Автору здається, що саме в цьому калейдоскопічному різноманітті особистих оцінок та міркувань швидше побачиш реальну картину минулого, ніж у солідній монографії», – так формулює Є. Ясенов концепцію свого видання.

ББК 63.3 (4 Укр - 4 Дон)

Я 80

Ясенов Е. Город, который придумал Юз. – Донецк: «Донетчина», 2009. – 272 с. – с ил.

ISBN 978-966-556-893-3

Донецк – молодой город. Как ни посчитай его историю – традиционно, с 1869 года, или новаторски, с 1779-го, все равно получается немного. Но городов без прошлого не бывает. В этой книге представлены рассказы о прошлом Донецка, называвшегося сначала Юзовкой, а затем – Сталино. Автор собрал их, беседа с земляками, изучая исторические документы и подшивки старых газет. «Книга получилась субъективной и пристрастной – правда, субъективизм этот дробится на множество составляющих. Автору кажется, что в этом калейдоскопическом многообразии личных оценок и суждений скорее увидишь реальную картину прошлого, чем в солидной монографии», – так формулирует Е. Ясенов концепцию своего издания.

© Ясенов Е., 1992-2008

© Сапельникова О., дизайн, 2009

Содержание

От автора	4
Предыстория	
Глава первая Донецкие при дворе короля Артура	7
Глава вторая Новая правда о Диком Поле	14
Глава третья Была ли жизнь до Юза	23
XIX век	
Глава четвертая Призрак нашего городка	35
Глава пятая Бесценные книжки в степях Украины	41
Глава шестая «Приехала мировая звезда!»	51
Глава седьмая Железнодорожный триптих	58
Глава восьмая «Ну-ка, мечи стаканы на стол!»	66
Начало нового века	
Глава девятая Юзовский модерн	77
Глава десятая Пять шагов к городу	86
Глава одиннадцатая Век большой игры	94
Глава двенадцатая От Бахмута до Новой Каледонии	103
Глава тринадцатая Его звали Никита	110
1917-1930	
Глава четырнадцатая Белая армия, черный шахтер	119
Глава пятнадцатая Батька и Левка	126
Глава шестнадцатая 1920-й: ЗК, ЦК и ГубЧК	135
Глава семнадцатая Городок наш о-го-го!	142
Глава восемнадцатая Интеллигенция, понимаешь!	150
Глава девятнадцатая Огонек в степи	158
Глава двадцатая Трамвайчик тронулся	165
Глава двадцать первая Драйзер смотрит на Донецк	174
30-е	
Глава двадцать вторая Сталино меняет лицо	183
Глава двадцать третья	
Парк культуры имени отдыха (товарища Щербакова)	193
Глава двадцать четвертая Крещение «Бастилисей»	202
Глава двадцать пятая Привокзальный соккер	210
Глава двадцать шестая 1937-й: «Ежовый» год	218
Глава двадцать седьмая Что-то стало холодать	228
Война	
Глава двадцать восьмая Drang nach Osten	237
Глава двадцать девятая За Родину! За Сталино!	246
Глава тридцатая Холодная осень 43-го	257
Bonus	
Игра в классики	265

Ничто не ценится так дорого и не искажается так легко, как история человечества. Давайте вспомним, в качестве первого подвернувшегося под руку примера, как менялся за последнюю сотню лет в оценках специалистов российский император Петр I. Он успел побывать великим государем, худшим представителем реакционного царизма, основателем современной России, тоталитарным деспотом и опять же, как это ни парадоксально – великим государем. Значит ли это, что в отношении Петра возобладала, наконец-то, некая объективная оценка? Конечно же, нет. Через 10 лет колесо истории может вернуться еще раз, и тогда солидный ученый достанет из-за пазухи очередной ярлык и с удовольствием прилепит его к образу царя. Подкрепляя свой вывод серьезнейшими источниками – уж в этом не сомневайтесь!

История – одна из самых пристрастных наук, придуманных человеком. Из этого исходил автор, формируя эту книжку.

Не будучи ни историком, ни писателем, автор ставил себе целью дать как можно более живую картину прошлого нашего города. Для этого он прибег к помощи людей, которым есть что сказать по этой теме. Людей самых разных – от профессионалов из краеведческого музея и Национального университета до энтузиастов-коллекционеров и графоманствующих мечтателей. Их объединяло одно: каждый много лет занимается прошлым Юзовки – Сталино – Донецка. Именно это, в представлении автора, давало им право на свое печатное слово.

Кроме того, автор изрядно покопался в архивах и подшивках старых газет. Некоторые главы – плод чисто бумажной работы. И все же, по большей части, эта книга – результат бесед автора со знатоками нашего города. Поэтому, если к ней и можно применить слово «история», то история это рассказанная. Со всеми вольностями, присущими рассказчику. Корректируя собеседников, если их версия прошлого расходилась с безусловными фактами, автор по возможности старался оставить их трактовку событий. В итоге, книга получилась субъективной и пристрастной – правда, субъективизм этот дробится на множество составляющих. Автору кажется, что в этом калейдоскопическом многообразии личных оценок и суждений скорее увидишь реаль-

ную картину прошлого, чем в солидной монографии или в исследовании, всерьез претендующем на некую объективность.

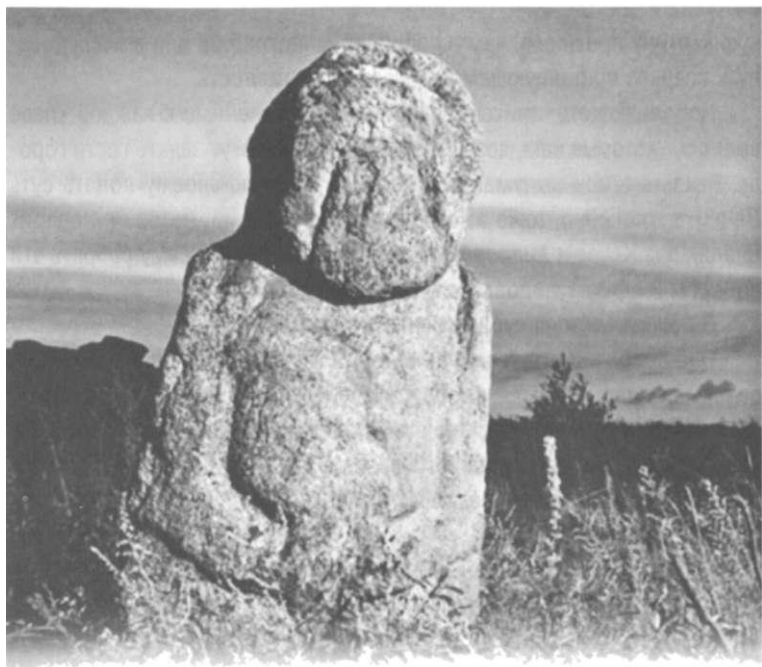
Дополняют это многообразие присовокупленные к каждой главе вопросы, которые нам, дончанам, задают или могут задать гости города. Реальные или выдуманные, они помогают по-своему понять суть Донецка – конечно, тоже в авторском преломлении. Автор благодарит Владимира Коссе и Андрея Зимоглядова, помогавших ему собрать эти вопросы и сформулировать ответы на них.

В общем, ужасно субъективная книга получилась...

Она сочинялась в течение 16 лет. Ее главы публиковались как отдельные статьи в газетах «Город», «Теленеделя», «Салон Дона и Баса», «Газета по-донецки». Книга из этого стала вырисовываться постепенно: в итоге вырисовалось многосложное издание, первую часть которого автор имеет честь представить сейчас.

Приятного вам чтения!

Евгений ЯСЕНОВ

Предыстория

Донецкие при дворе короля Артура

Сарматы (греч. Σαρματῶν, лат. Sarmatae) – общее название кочевых скотоводческих ираноязычных племен (аланы, роксоланы, языги и др.), расселившихся в III веке до н. э. – IV веке н. э. в степях от Тобола на востоке до Дуная на западе (Сарматия).

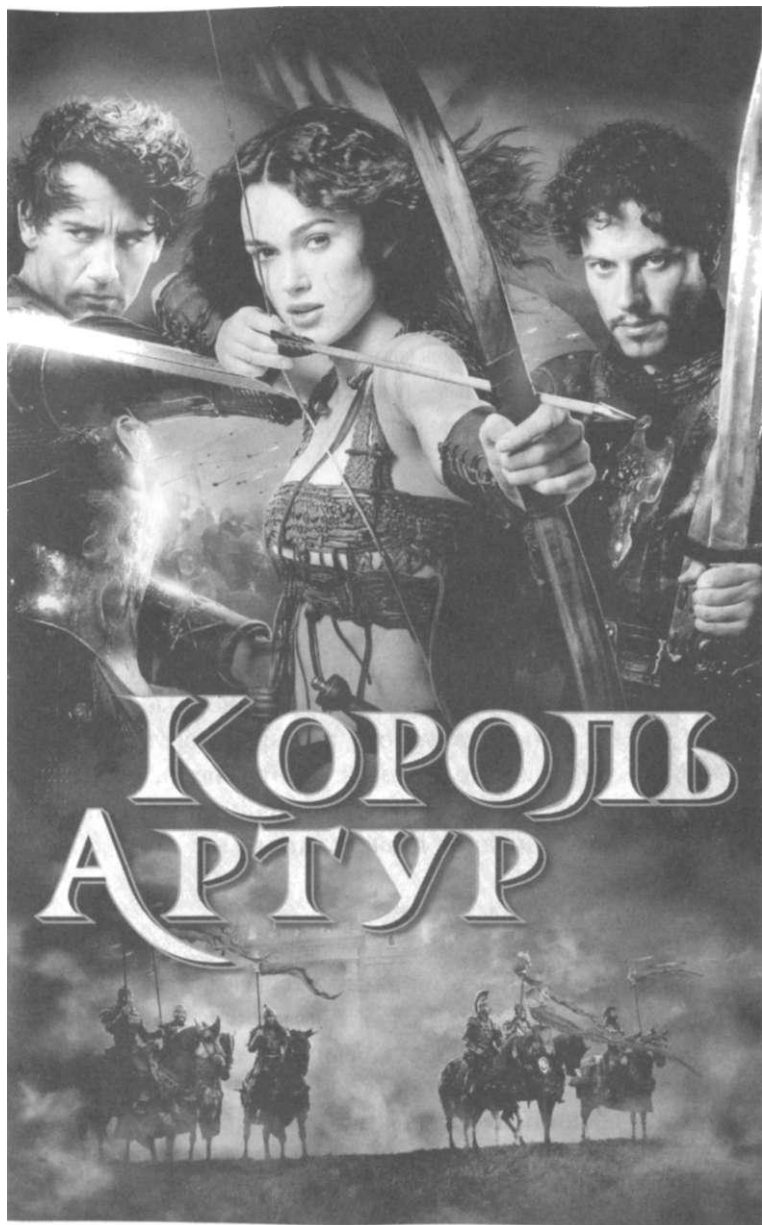

В американском фильме «Король Артур», вышедшем в 2004 году, все начинается с карты Украины. Точнее – с карты тех мест, где сейчас находится Донбасс. Отсюда, по версии авторов сценария, двинулись в сторону Британских островов будущие придворные кельтского короля, которого, вполне вероятно, и не существовало никогда. И эти люди, жившие в донецких степях, стали одними из зачинателей западной цивилизации.

Артур из донецких степей

Надо сказать, что версия эта – не совсем бред безумного продюсера, для которого между гунном и чукчей нет принципиальной разницы. Сюжет фильма опирается на теорию, обнародованную в 2000 году. Ее автор – Говард Рейд, ученый (что ободряет!), но по совместительству – режиссер (что однозначно настораживает). Суть теории – в том, что легендарный король Артур был кочевником-сарматом из русских степей.

Подтверждением своей теории Рейд считает сарматские предания, которые перекликаются с английскими легенда-

Плакат к фильму «Король Артур»

ми об Артуре и его странствующих рыцарях. Говард Рейд выдвигает теорию, что кочевник Артур был вывезен из родных степей римлянами и доставлен в Великобританию, где благодаря своим выдающимся качествам быстро «пошел в гору» и в конце концов стал королем. Оригинальные теории на Западе, как правило, не пропадают: при киностудиях содержится целый штат шакалов, отлавливающих подобные экстравагантности ума. Потом их переплавляют в сценарии, окончательно убивающие всякую наукообразность...

В общем, теория Говарда Рейда была замечена и взята в разработку шакалами киностудии Touchstone Pictures.

Ознакомившись со смелой гипотезой, вдохновились многие народы, отброшенные на обочину истории. Например, казахи, которые теперь полагают, что ядром сарматской империи являлась территория именно их государства. Ощущать себя единокровной, хоть и отдаленной, родней легенды – согласитесь, приятно! Всерьез обсуждаются общие корни короля Артура и осетинского народа, который, как считается, произошел от аланов – одного из сарматских племен. В общем, труд господина Рейда нашел отклик в сердцах.

И то, что до сих пор его фанатов не обнаружено в Донбассе, – просто недоразумение. Надеюсь, после выхода этой книги вряд ли у кого останется сомнение в том, что эпицентр мировой цивилизации находится где-то в районе Ларинки.

Донецкие рыцари и амазонки

Наши края стали для сарматов идеальной средой обитания. Народ кочевой, старавшийся не сбиваться в города, а хранить верность простору и воле, нашел здесь все, чего могла пожелать душа степняка. Для того чтобы утвердиться в Приазовье, сарматам пришлось выбить отсюда скифов. Это удалось без особого труда: лучшие дни великого царства, которое когда-то побеждало армию персидского царя Дария, уже прошли. К тому же сарматы совсем не были неотесанными кочевниками, наоборот, их военная организа-

Сармат по версии Говарда Рейда

ция на тот момент была в каком-то смысле самой передовой. По крайней мере, в том, что касалось конницы. У сарматов впервые в истории появляется тяжелая кавалерия – так называемые «катафрактары»: воины в доспехах (тогда еще кожаных, а позже – в кольчужных), в шлемах, с длинными мечами и копьями. Все это вооружение несколько столетий спустя станет отличительной особенностью западноевропейского рыцарства. А значит, сарматы имеют с королем Артуром еще более глубинную связь, чем мог себе представить месье Говард Рейд.

Они появились в наших краях в III веке до нашей эры. Греческие историки сразу начинают писать о сарматах всякие интересные вещи. Например, об особой роли, которую в жизни этого народа играли женщины. Знаменитый Геродот свидетельствует, что сарматский слабый пол совсем не был слабым: «Женщины их одеваются, как и мужчины, ездят верхом на охоту и на войну или вместе с мужчинами, или одни».

Гиппократ, современник Геродота, сообщает и такую интимную деталь: «Воинственность сарматских женщин выражалась, между прочим, в том, что девушка не могла выйти замуж прежде, чем не убьет хоть одного неприятеля». Правило соблюдалось неукоснительно, в итоге некоторые женщины оставались девственницами до старости.

На основе описания Геродота и прочих ученых греков, появилась мода возводить происхождение сарматов к амазонкам – полумифическому племени женщин-воительниц, живших, согласно легенде, тоже где-то в Приазовье.

Сарматский характер такой

Послушаем известного поэта Овидия, видевшего сарматов в период своей знаменитой ссылки: «Между ними нет ни одного, кто не носил бы налучья, лука и синеватых от змеиного яда стрел. Грубый голос, свирепое лицо – истинный образ Марса; ни волосы, ни борода не подстрижены ничьей рукой».

Историк Аммиан Марцелин не столь поэтичен, но более скрупулезен в деталях: «Они не имеют домов и не пользуются плугом, но они питаются мясом и обильно имеющимся молоком, живут в повозках, которые они покрывают закругленными тентами из коры, и ездят по бескрайним пустошам... Почти все высоки и симпатичны, их волосы скорее светлы, свирепостью своего взгляда они внушают страх, как бы они ни сдерживались. Они легки и активны в использовании оружия. Во всех отношениях они подобны гуннам, но в своем стиле жизни и в своих привычках они менее дики».

В общем, характер получается не особо симпатичный – свирепый и воинственный. Да и внешность, прямо скажем, неоднозначно привлекательная. Впрочем, надо иметь в виду, что описания сделаны римскими подданными, для которых сарматы были врагами, а враг – почти всегда урод. Но если вычленить из многочисленных описаний главное, можно понять, что сармат – человек смелый, инициативный, динамичный, изобретательный, склонный к неожиданным решениям, внешне грубоватый, но не жестокий. Присмотрись к соседям и окружающим, читатель! Не узнаешь ли ты сармата среди них? Говорят, Донбасс обладает особой энергетикой, формирующей специфический характер. Наверное, так было и две тысячи лет тому назад...

Мог ли встретиться Артур с сарматами?

Зададимся теперь вопросом: насколько реальна теория товарища Рейда? Поразмышляв, поймем, что, в принципе, ничего невозможного в этом нет.

Римляне впервые столкнулись с сарматами в I веке до нашей эры, как только их легионы вышли на дунайские рубежи. Кроме того, римские гарнизоны располагались в греческих колониях Южного Причерноморья. Чуть позже империя предприняла решительную атаку овладеть всем Черноморским побережьем, высадилась на Северном Кавказе, где также столкнулась с сарматами – правда, не с привыч-

ными им по Дунаю язигами и роксоланами, а с аланами. Военная экспедиция окончилась неудачей, не смогли укрепиться римляне и в Приазовье.

В итоге отношения между Римом и Сарматией свелись к стычкам на дунайской границе. Это было шаткое равновесие: никто не мог одержать решительную победу, никто не хотел уступать. В любом случае, ни о каком господстве империи над сарматами не могло идти речи, а ведь именно из этого образуют свою историю создатели «Короля Артура» – киношные римляне налагают 15-летнюю воинскую повинность на подвластных им степняков, засылая группу таких вот призывников на Британские острова. Ситуация нереальная...

И все же в Британии сарматы вполне могли оказаться. В III веке у римлян появилась привычка нанимать соседние «варварские» племена для охраны собственных границ на других участках. Вот именно такой наем был возможен. И в качестве британской «погранзаставы» вполне могли числиться «донецкие пацаны» – сарматы Ланцелот, Галахад или Персиваль.

Есть вопрос:

*почему донецкое пиво называется
«Сармат»?*

Приезжие этим интересуются по-прежнему живо. В последнее время, правда, реже – наше пиво перестало пользоваться популярностью, такой вот обидный парадокс. Ответ простой: сарматы жили на территории Донецкой области. Теперь к объяснениям можно приплетать еще и гипотезу о короле Артуре. Заодно объяснить гостям города, что в на-

ших степях обитали скифы, болгары, хазары (то есть, почти евреи), половцы... В общем, представители всех мировых религий, а также рас (кроме негров). Можно ли выводить из этого, что Донбасс – пуп мировой цивилизации? Зависит от вашей раскованности и степени патриотизма. В общем, как разговор пойдет...

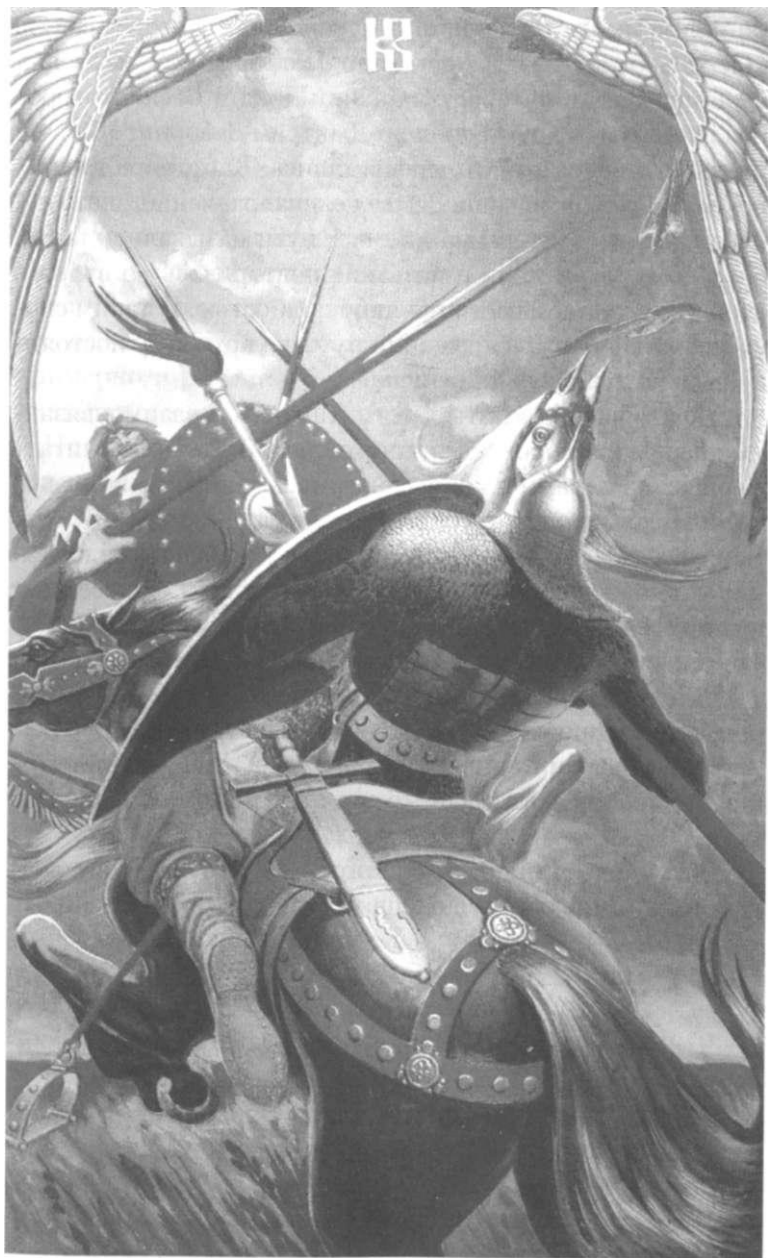
Новая правда о Диком Поле

Дикое Поле – историческое название слабозаселенных причерноморских и приазовских степей между средним и нижним течением Днестра на западе, нижним течением Дона и Северским Донцом на востоке, от левого притока Днепра – Самары и верховьев притоков Южного Буга – Синюхи и Ингула на севере, до Черного и Азовского морей и Крыма на юге. Стихийно осваивалось в XVI-XVII веках беглыми крестьянами и холопами, а также заселялось служилыми людьми в условиях борьбы против турецко-татарской экспансии. На территории Дикого Поля, при противостоянии татарам возникло и сформировалось казачество.

Вы, может быть, и не догадываетесь, но расположение легендарной Атлантиды известно. Исчезнувший континент, описанный Платоном, находился между нынешними Сардинией и Балеарскими островами. «Расшифровал» его донецкий ученый Александр Петрович Черных. По крайней мере, версия Черных является доказательной. В основе ее – строгий метод, который может показаться немного эксцентричным, но есть у него странное свойство: он все объясняет! Если, конечно, принять на веру его главный принцип.

Speak English, please!

Метод изложен в книге Черных «Древний мир сквозь призму звуко смысла». Он опирается на толкование глу-

бинного смысла того или иного географического названия. Несколько лет назад Александр Петрович так объяснял свой принцип в интервью «Салону Дона и Баса», которое брал у него мой друг и коллега Дмитрий Заборин: «Люди в древности очень много передвигались. Карт, естественно, не было, и чтобы идти по Земле целенаправленно, знать куда идешь, реки и горы на древнем пути назывались таким способом, чтобы первое название повторялось во втором, второе – в третьем частично либо полностью. И таким способом устанавливался древний путь, по которому постоянно шли потоки людей, племена».

Но чтобы пользоваться этим «шифром», взаимоувязанные названия должен был понять любой. И здесь, считает Черных, на первый план выходит древнеанглийский язык, которым владели и легендарные царские скифы, и русы. Чаще всего Черных и расшифровывает древнейшие названия, когда соотносит их с английским. Например, всем известно греческое название Днепра – Борисфен. Переводим: «Bore's fence», где «bore» – «с трудом пробивать себе путь», а «fence» – «ограда, ограждение». Перед мысленным взором немедленно возникают днепровские пороги, а в «Плаче Ярославны» находим такие слова: «О, Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменные горы сквозе землю Половецкую».

Есть в изысканиях донецкого ученого и версии событий, разворачивавшихся в наших краях, в Дикой Степи.

Игоря били в Донбассе

Что такое «Слово о полку Игореве», известно всем, но до сих пор непонятно, где происходила трагическая битва князя с половцами. В древней летописи ясно говорится о походе 1185 года, который князь Игорь совершил в союзе с другими властителями Новгород-Северской земли. В первом бою русские разбили половцев, но, углубившись в степи, потерпели поражение у речки Каялы.

О том, что такое Каяла и где ее искать, спорят два с лишним века. К примеру, харьковский историк Дмитрий Багалея считал, что Игорь двинулся к Кальмиусу, Николай Карамзин полагал, что он пошел к Азовскому морю. Академик Борис Рыбаков «отправил» Игоря Святославича на юг – к днепровскому притоку Самаре. «Многие исследователи «споткнулись» о реку Сальницу, которая упоминается в походах князя Игоря и Владимира Мономаха. Была версия, что это приток Казенного Торца. Как все исследователи, я искал прямой путь и нашел Каялу примерно в районе нынешнего Карловского водохранилища, в верховьях реки Волчьей, – рассказывает ученый. – Но прошло время, и я доказал Сальницу – ей неожиданно оказалась Бахмутка».

В Дикой Степи работали свои законы передвижения. Время было напряженное, племен кочевало много, встреча с ними далеко не всегда сулила дружескую попойку, и люди ездили по межплеменным шляхам. Черных нашел такую дорогу: она шла вдоль Северского Донца до Бахмутки, а потом поворачивала на юг и выводила к Дону и Азову. Но главное – при толковании названий обнаружилась вторая Каяла! И тут же исчезла вся путаница в толкованиях: ведь в том же «Слове...» Каяла находится то у моря, то у Дона. Оказалось, что другой путь, в обход днепровских порогов, проходил по рекам Волчьей и Кальмиусу – волоком соединяя верховья, а потому обе реки имели одно название. Тюркскими корнями это вполне объясняется: «кая-лы» – значит «скалистая, каменистая» и «кай-йал-лы» – «изобилующая скалистыми, каменистыми грядами». В первом случае можно узнать Кальмиус, русло которого усеяно валунами, во втором – Волчью с притоками Мокрые и Сухие Ялы (йал-лы), где имеются береговые «гривы» высотой до семи метров.

Черных старался учесть все детали: не только названия, но и скорость движения, календарь похода, праздники. Изучив древние свитки до последней буквы, он все расста-

вил по местам. Нашел даже места, где должны быть захоронены павшие русские (и нерусские) воины.

Битва за скифское золото

Другая тайна, связанная с нашими краями, – битва у реки Калка, первое столкновение славян с монголо-татарами. Место битвы теоретически находили множество раз, указывая легендарное «место каменисто», но – никаких материальных доказательств. Один энтузиаст из Запорожья указал место сражения после разговора с сельскими пастухами о том, как однажды на холме нашли старинный якорь. В результате, у Каменных Могил появился крест с надписью: «Путник, мы здесь лежим, честно сложив свои головы за веру и Отечество. Помяни нас, Господи, во царствии Твоем».

Александр Черных считает, что авторы памятника оказались довольно близки к истине: «место каменисто» – это именно Каменные Могилы.

Вот как рисуется картина битвы в одном из художественных текстов: «Князь Мстислав Удатный, его зять Даниил с десятком дружинников поднимались на крутой каменистый холм. Под копытами скрипела и осыпалась дресва... Вершину холма занимал со своими воинами-кирянами князь Мстислав Романович. Окружив стан телегами, воины вбивали в землю заостренные колья – дополнительное укрепление. Вбив же колья в неподатливую землю, они острили их вершины... Черниговцы Мстислава Святославича стояли внизу, под холмом, наособицу и от киян, и от галицких, наособицу же встали половцы Котян-хана. Не воинское хитроумие заставило князей так расставить свои силы, а все усиливающаяся распря между ними».

Оказались русские князья на месте своей гибели как раз по просьбе Котяна (тестя Мстислава Галицкого), у которого татары побили много народу и многое отняли. Тата-

Битва русских с монголами

ры, кстати, предлагали не драться, прислали послов, но князья послушали половца, сказавшего, что «сегодня нашу землю отняли, а вашу завтра придут и возьмут», послов порубили в капусту и выдвинулись в степь. Волынцы, галичане и половецкая конница ударили в центр вражеского построения. Но когда во фланг половцам ответила монгольская конница, киевляне и черниговцы не стали помогать отступающим союзникам. И в итоге людская лавина смяла и растоптала черниговский лагерь, а киевляне Мстислава Романовича оказались на своем холме в окружении и после недолгой осады, поверив парламентару, были убиты.

Но как отыскать это скорбное место? Черных предлагает ничего не выдумывать, а следовать за русским войском по Ипатьевской летописи. Первый ориентир на пути к Калке – древнерусский город-крепость Заруб, построенный для защиты Зарубского брода через Днепр. Остатками

его являлось городище у села Зарубинцы Черкасской области.

Второй ориентир – Олешье, где все русские князья переправились через Днепр и двинулись в поле Половецкое. Олешьем («болото, заросшее кустарником, жидким редкостойным лесом») предложено считать острый угол, образуемый рекой Орелью при ее впадении в Днепр. Тверская летопись утверждает, что путь от Олешья до Калки был пройден русскими полками за восемь дней (с 23 по 30 мая 1223 года) минус два дня на стычку с передовым отрядом монголов и саму битву: принимая скорость движения тяжелого конного войска в 50-60 километров в день, можно посчитать, что за шесть дней похода русичи должны были пройти 300-360 километров и выйти к нынешнему Кальчику у села Кременевка Волноваского района.

Но история эта имеет еще один контекст – возможно, более интригующий, чем сама битва. «Поражает не только жестокий драматизм событий и гибель лучших людей земли русской, включая великого князя Мстислава Романовича Киевского, но и загадочное бездействие последнего, – пишет Александр Черных в своей книге. – Придя в урочище Каменные Могилы и «огородившись кольями», он совершенно забывает и о преследовании монголо-татар и о сражении с ними. Носителем какой великой тайны являлся князь Мстислав, принявший за нее смерть в пытках?! Какую тайну русских князей наследовал Мстислав Романович Киевский, внук Ростислава, правнук Мстислава, который был сыном Владимира Мономаха?..»

Наиболее вероятным ответом Александру Черных представляется версия о нахождении в Каменных Могилах культового центра царских скифов, золотую сокровищницу которых унаследовали русские князья. Родоначальник царских скифов Колаксай нашел здесь свое последнее пристанище вместе со священными атрибутами власти – золо-

той чашей, секирой и плугом. А князь Мстислав забрал тайну усыпальницы с собой в Лету.

Донецкий ученый «разложил по полочкам» только два эпизода из истории нашего края. Но Дикое Поле, перекресток цивилизаций в течение многих веков, хранит столько сюжетов, что хватит на «прокорм» историкам нескольких поколений.

Есть вопрос:

почему символом Донецка считается пальма?

Вопрос возник не так давно, поскольку о шедевре юзовского кузнеца Алексея Мерцалова, потрясшем Всемирную выставку 1900 г. в Париже, общественности доложили лишь лет 10 назад. К сожалению, узнать, почему мастеру художественнойковки пришел в голову образ именно этого дерева, уже вряд ли удастся. Как и тайный ход мыслей отцов города, избравших металлическую пальму символом столицы шахтерского края. Поэтому в разговоре с гостями Донецка лучше уходить от прямого ответа на этот вопрос или, говоря образно, пытаться прыгнуть с

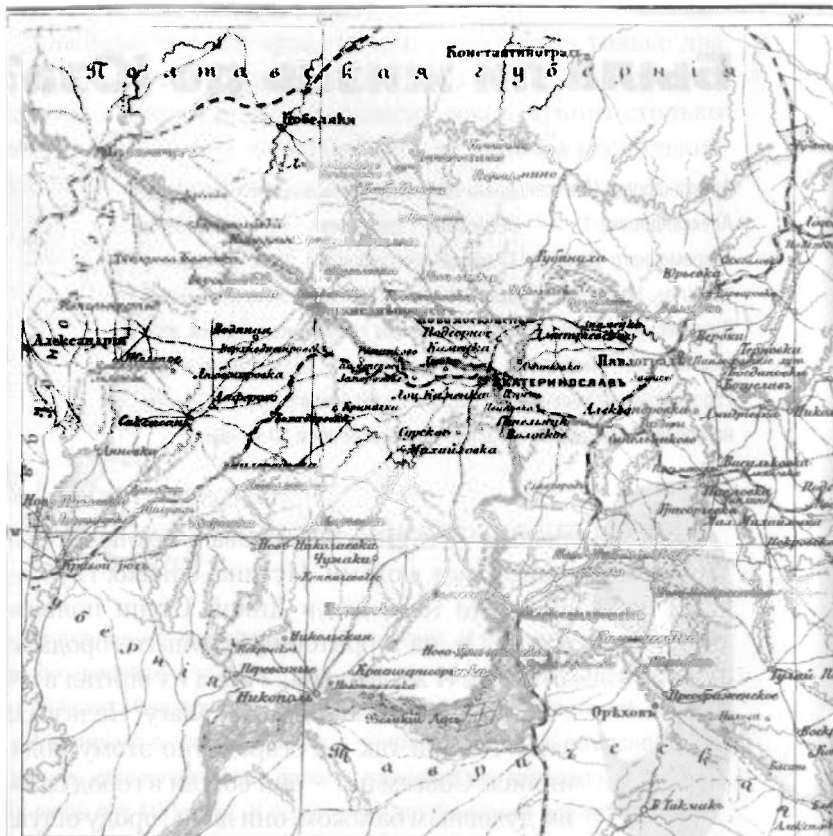
пальмы. А еще благодарить Бога за то, что товарищу Мерцалову не вздумалось выковать из рельсы жирафа. Тогда с объяснениями пришлось бы гораздо труднее. Если же приезжие все-таки проявят настойчивость, общность Донецка и пальмы можно объяснить внешней схожестью вышедших из шахты горняков с жителями Черного континента. Теория не ахти, но лучше липа в краеведении, чем пальма на гербе. Не рассказывать же им, что на самом деле никакая на гербе не пальма, а конопля, растение, весьма свойственное региону.

Была ли жизнь до Юза?

Александровка (Александровка-Шидловка, Александровка-Щегловка, Александровка-1) – старейшее поселение на территории современного Донецка. Слобода Александровка была основана в 1779 году. Основателем поселения стал поручик Евдоким Степанович Шидловский, которому была пожалована грамота на владение этой местностью. Поселение было названо в честь Александра Евдокимовича Шидловского, старшего сына основателя. В 1779 году население Александровки составляли 46 мужчин и 30 женщин.

Считают, что Донецк основан исключительно приезжими людьми. Истина, однако, глубже и шире. До того, как в Дикой Степи появился Джон Юз, на территории будущего города жили люди. И жили давно. Город их впитал в себя – легко, как губка впитывает влагу. Нельзя сказать, что они так уж безропотно этому подчинились. Совсем нет – они вошли в город со своим духовным багажом, они дали городу ощущение свободы, дали то, чего не имели пришлые люди, подрядившиеся работать на заводах и шахтах, продавшие себя в известную неволю. Зато «пришлые» несли другие ценные вещи – потрясающую работоспособность и здоровый консерватизм. Так вот и сформировался региональный характер – противоречивый, но тем и сильный.

Самая распространенная версия начала нашей истории выглядит не очень интригующе. Джон Юз высадился в голой степи, застолбил участок – ну совсем как Смок Беллью на Клондайке. И понеслось: на ровном месте возник поселок, за сто лет разбухший до масштабов миллионного города. Но

Поясненіє знаків:

— Границы Губерніи	1. Лѣсной знакъ
— Узкій	2. Каменюгоская копъ
--- Дороги Желѣзныя	3. Сѣвѣнныя копъ
— Поточныя	4. Солонныя варницы
— Приселѣнныя	5. Желѣзныя залежи
● Горды Губерніи	6. Желѣзныя залежи
○ Узкій	7. Рудныя залежи (железы)
□ Солонныя	8. Железные залежи
- Железные залежи	

Масштабъ
1:100,000

ведь была жизнь до Юза. И увидеть ее мне помогала сотрудница областного краеведческого музея Вера Мирошниченко.

Кто кого основал?

Но сначала – об одном научном споре, в котором, похоже, уже никто никогда не разберется.

В годы независимости возникла теория, главным пропагандистом которой выступал профессор исторического факультета Донецкого национального университета Василий Пирко. Согласно ей, основание Донецка следует датировать не 1869 годом (закладка металлургического завода «Новороссийского общества»), а 1779-м. Почему? Потому что именно в 1779-м было создано первое стабильное поселение на территории города, существование которого подтверждается документально: слобода Александровка. Это благое дело совершил поручик Евдоким Шидловский, которому царским указом был дарован надел земли в верховьях Кальмиуса.

Версия скорее понравилась городским властям, чем нет. Ну, в самом деле, приятно же стоять во главе города, которому не 100 с хвостиком, а 200 с лишним! Донецкая мэрия обратилась в Кабинет министров с просьбой официально передвинуть дату основания (такие вопросы не решаются на уровне громады – иначе местные патриоты завтра захотят быть древнее Рима). Киев посчитал, что оснований для переноса даты нет – потому что отсутствует проект и документ о начале строительных работ Александровки. А у поселка металлургического завода есть и то, и другое.

Нет ничего глупее, чем вступать в эту тему: как известно, из двух спорящих историков правы оба. Но помнить о том, что задолго до Юза на территории города существовало поселение – обязательно стоит! Причем поселение существовало даже не одно. Александровка просто была крупнее прочих. И надо понимать, что предприимчивый валлиец прибыл не в такую уж Дикую Степь, что с первых

*Такие домики были в Александровке
(реконструкция областного краеведческого музея)*

же дней пребывания на этой благодатной для него земле он стал контактировать с местными жителями, которые «слили» ему массу ценной информации, очень пригодившейся при постройке завода.

А значит, мы просто обязаны посмотреть, какой же она была – жизнь до Юза. Из уважения к самому Юзу. Да и к Донецку заодно, «портрет» которого в таком случае получается более объемным и чуточку более правдивым.

«Костюм» и «ездец»

Евдоким Шидловский, кстати, основал свою Александровку тоже не на пустом месте. До него в верховьях Кальмиуса были зимовники запорожских казаков, и есть основания полагать, утверждает Вера Мирошниченко, что их жители влились в состав Александровки. По данным переписи, проведенной уже в александровский период, мужское «поголовье» значительно преобладало над количеством женщин – это косвенное свидетельство присутствия запорожцев (в их зимовниках, как и в любых военных поселениях, с женщинами был дефицит). Приток «пионеров», конечно, облегчил задачу Шидловскому: он получал жизненно важные на первом этапе сведения о землях, погоде, нравах, угрозах, способах обогатиться.

Нормальных хроник о жизни и быте Александровки нет, но мы можем судить об этом по аналогии с другими казацкими поселениями. На территории области таких мест достаточно – Маяки, Казачья Пристань, даже в Славянске вела раскопки команда краснедческого музея в компании с местными коллегами. На территории Александровки археологией заниматься затруднительно – там сплошная застройка, частный сектор, свой огород никто не отдаст на растерзание группе вежливых энтузиастов, выясняющих обстоятельства давно минувших дней. Но вряд ли александровские реалии как-то отличались от того, что историки знают о быте других поселений того времени.

Наверняка жили в каких-то саманных хатах. Пользовались очень распространенной в крае керамической посудой, прошедшей несколько стадий эволюции: сначала вся семья угощалась из одного большого горшка, потом появляются миски для индивидуального пользования с красивым орнаментом. Причем, что характерно, уже тогда в оформительском стиле нашего края – пограничного, как ни крути – стала появляться пестрая смесь украинских и российских традиций. К нам ее занесли из Слобожанщины, откуда родом, кстати, вообще весь восточно-украинский сепаратизм...

Развитие технологий и рост достатка позволял приобретать в хозяйство сосуды, украшенные «поливой» – глазурью желтых, коричневых, зеленых оттенков. К началу александровского периода она из роскоши становится уже повседневным бытовым атрибутом. Большой популярностью пользовались «костюмы» – набор макитр, вставляемых друг в друга. Эта конструкция считалась очень хорошим подарком для хозяйки и на ярмарках уходила «на ура».

Внутри жилища украшались скупо, и одним из немногих ярких элементов интерьера были печные изразцы. Производили их, как правило, местные умельцы в гончарных мастерских. Из ряда изразцов складывали какое-то сюжетное изображение, в центре которого мог быть смачный композиционный акцент – чаще всего, всадник. Иногда – в виде Георгия-Победоносца с царской короной на голове (такая фигура называлась выразительно – «ездец»). На севере области удалось откопать даже керамическую плитку с изображением двуглавого орла – еще один пример смешения русских и украинских мотивов в наших Палестинах. Скорее всего, это не было свидетельством какой-то пропаганды или служебной показухи – просто в России, откуда присажали служить в военные городки, такие плитки считались модными. Как в советском мещанском быту – ковры с цветочно-лиственным узором или, скажем, фотообои.

Угольная прелюдия

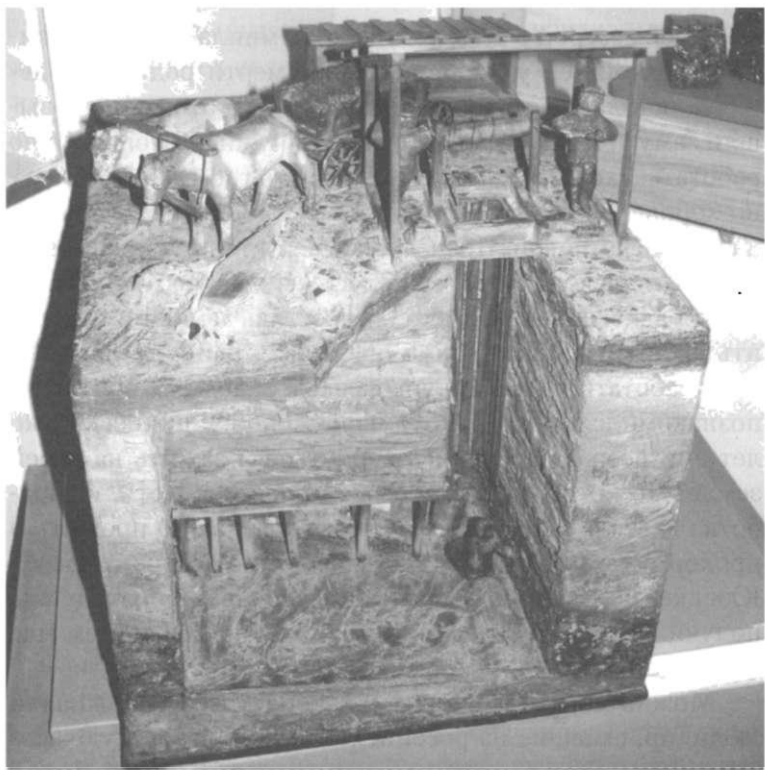
Задолго до Юза в Донбассе начали и уголь добывать. По нынешним временам, размах работ выглядит смешно: копальни на частных участках, рекордная глубина – двадцать пять метров. Добыча угля носила вспомогательный характер в хозяйстве – это был побочный промысел, типа охоты, пчеловодства, рыболовства. Дело, которым для «поддержания штанов» занимались в свободное от серьезных дел (земледелие, скотоводство) время. Но потребность в угле была – в каждом поселении функционировали кузни.

Чуть позже, в 1841-м, в Александровке возник уже и настоящий рудник. К тому времени у земли появился новый владелец – князь и Новороссийский губернатор Михаил Сменович Воронцов. Землю он арендовал у внука Шидловского, Ивана Ивановича, и, по договору, отдавал хозяйну с каждого добытого пуда угля 2 копейки серебром. Воронцов развил рудник до уровня одного из крупнейших на Юге России.

Но, несмотря на все это, без Джона Юза Александровка могла бы так и остаться каким-нибудь «поселком городского типа» вроде Марьинки или Курахово. Появление металлургического завода «Новороссийского общества» изменило не только ландшафт, но и социальный климат. Со всех концов необъятной империи в Дикую Степь потянулись люди, очень отличавшиеся от обитателей донецкого пограничья.

Свобода и осознанная необходимость

Впрочем, и свободолюбивый «пионерский» контингент наших степей тоже сильно изменился. В частности, запорожские казаки, откочевавшие сюда после разгрома Сечи, за полвека общения с плугом растеряли свои захватские навыки и все больше превращались в стандартных крестьян. Хотя свобода самовыражения на осваивае-

Копанка в разрезе (экспонат областного краеведческого музея)

мых территориях все-таки допускалась на порядок большая, чем в глубине империи. Во всяком случае, хозяйство селянам пограничья разрешали вести по своему усмотрению, и с повинностями не было так сурово.

Но по сравнению с новоприбывшими пролетариями – вот тут уже была большая разница. Приезжали ведь не от хорошей жизни. Приезжали те, кто почему-то отчаялся, выпал из системы, не мог получить у себя на родине земельный надел и надеялся заработать денег, чтобы поскорее вернуться домой победителем.

Пример классической юзовской семьи – предки моей собеседницы Веры Мирошниченко. Ее прабабушка была

младшей сестрой в семье. Отца не помнила, мать «служила» кормилицей у дворян. После смерти родителей девочка осталась на иждивении у сестер, которые уже вышли замуж, и оказалась не очень-то нужной. Пошла было работать к хозяевам, но услышала, что где-то на юге можно хорошо заработать. Приехала в Юзовку и устроилась на шахте ламповой. Прадедущка Веры тоже был сиротой, воспитывался у дядьки и имел классическую мечту: заработать денежку, вернуться, обзавестись землей и построить свое хозяйство. Узнал о Юзовке, двинул «на юга», стал работать на металлургическом заводе. В поселке и познакомился со своей будущей женой. Еще несколько лет они всерьез надеялись вернуться и зажить на своей земле. Но потом город засосал. Появились дети, и заработка хватало уже только на то, чтобы как-то прожить и прокормить малышей. Попытались было построить дом в Юзовке, но случилось несчастье: на заводе прадедущка получил тяжелую травму, долго болел и умер совсем еще не старым...

Можно себе представить, какой стресс переживали люди, приехавшие из российского села в юзовскую «молотильню». Деревенская жизнь – она ведь какая была? Все время занят какой-то работой, с утра до вечера. С позиций жизни духа тоже все четко – общинная мораль дает точные ориентиры, не позволяет выбиться за рамки и потерять себя. То есть, полная определенность по всем направлениям. В городе – совсем не так. Большое количество абсолютно незнакомых людей, собравшихся из разных земель с разным укладом. Изнурительная работа на износ, совершенно не похожая на то, чем занимался раньше. После работы – никакого досуга, никакой хотя бы возможности вести свое приусадебное хозяйство, чтобы ощущать связь с прошлым. В итоге, люди постоянно находились в состоянии стресса. Отсюда – и легендарное юзовское пьянство (о нем, впрочем – отдельный разговор).

Новоиспеченные пролетарии были изначально очень зависимы от тех денег, которые получали на производстве. А значит – зависимы от работодателей, властей, полиции, особенно в первые годы своего пребывания в Юзовке. Каждый из них понимал, что очень уязвим, что может быть лишен средств к существованию в любой момент. И человек на работе вел себя, как шелковый. А рядом, в степи, на расстоянии нескольких верст – люди совсем другого замеса, привыкшие сами решать свою судьбу. Пройдет несколько десятков лет – и они сольются, чтобы образовать тот странный психологический симбиоз, который называется «донецкий характер».

Есть вопрос:

а вы на чем вообще стоите?

Данный вопрос гости города задают, проезжая по одному из донецких мостов через реку Кальмиус, а вернее – через искусственно созданное на одном из ее участков водохранилище. Вопрос вполне логичный, поскольку на какой же еще реке может стоять Донецк, как не на Донце? Объяснять приезжим их ошибку – дело непростое, не у каждого хватит воображения связать родной город с рекой, протекающей в ста километрах севернее. Можно, конечно, ответить вопросом на вопрос: «А как, по-твоему, наш город называться должен? Кальмиусецк, что ли?», однако такой под-

ход к проблеме слишком примитивен. Для того чтобы любознательный приезжий отстал от вас навсегда, погрузите его ненадолго в пучину истории. Расскажите, как в суровые годы борьбы с культом личности Сталина перед местной партией была поставлена задача: в кратчайшие сроки изменить провокационное название города, носившего тогда еще имя отца народов. Впопыхах начальники региона ткнули на карте не в ту реку. Ошиблись, конечно, по-крупному – но лучше ошибаться географически, чем политически. Это гостью города любой дончанин скажет.

XIX **Bek**

Призрак нашего городка

Добрый Шубин, или просто Шубин – персонаж шахтерского фольклора в Донбассе, горный дух, похожий на гнома, «хозяин шахты» и покровитель шахтеров. Поверья о Шубине записали собиратели фольклора Борис Горбатов и Леонид Жариков. Известен только на шахтах Донбасса (шахты Макеевки, Горловки, Кадиевки, Краснодона).

«Легенды и мифы Донбасса» – согласитесь, звучит смешно. Казалось бы, ну какие у нас легенды и мифы, если до позапрошлого века мы были ничейной пустошью? Откуда взяться фольклору в месте, где никто постоянно не живет? На самом деле, есть у нас и легенды, и мифы. И есть свой, чисто донбасский призрак. В других краях он не живет. Каждый о нем слышал хотя бы раз. Некоторые даже видели. Имя его – Добрый Шубин.

Досье

Год рождения – точно неизвестен. Появился вскоре после возникновения в наших краях первых шахт.

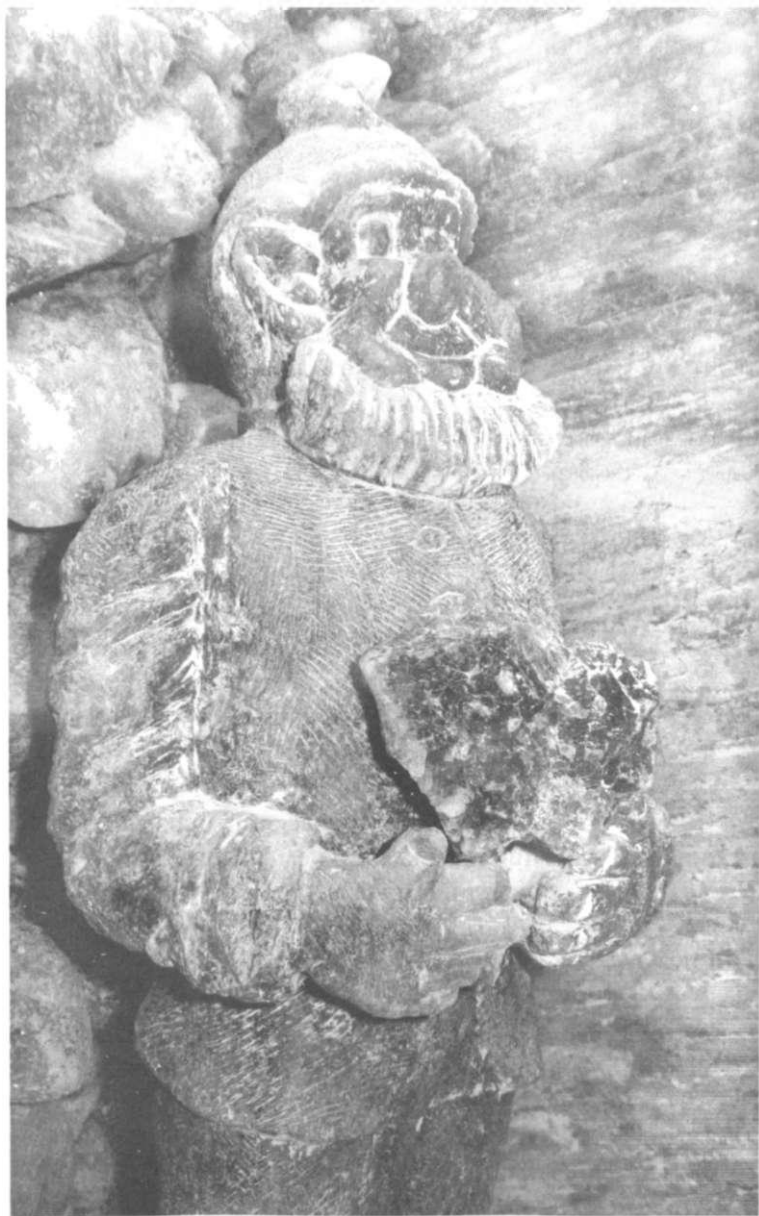
Место рождения – где-то в окрестностях Донецка.

Отец (коллективный) – пролетариат Донбасса.

Мать – молва, иногда – бутылка водки.

Происхождение – из шахтеров.

Приметы – стар, сед, крайне волосат. Иногда – с копы-

Добрый Шубин в соляных шахтах Артемовска

тами, иногда – в длинной шубе. Кашляет. Глаза – ярко горящие. В руках всегда – старый шахтерский фонарь, распространяющий тревожное и прекрасное голубоватое (как вариант – розоватое) свечение.

Место обитания – под землей, в дальних или давно заброшенных выработках.

Характер – переменчивый. Может быть очень добр и щедр, может – крайне раздражителен и злобен. Любит подшутить.

Откуда он взялся

О происхождении Доброго Шубина говорят разное. Большинство считает, что таинственный старичок возник из вполне реального шахтера. Что за шахтер – тут опять-таки разночтения.

Вот один вариант. Когда появлялись первые шахты, на одной из них работал молодой рабочий по фамилии Шубин. Однажды с ним случилось несчастье. В забое, где трудился Шубин и еще несколько рудокопов, произошел обвал. Погибли все, кроме нашего героя, которого владелец шахты и обвинил во всем случившемся. Спасаясь от гневных несправедливых криков родни погибших, тот скрылся в забое. И то ли повесился, то ли взорвал шахту вместе с собой. С тех пор и ходит по выработкам Донбасса сильно состарившийся призрак молодца.

Вот другой вариант. В конце XIX века на одной из донецких шахт работал горный мастер по фамилии Шубин. Он обладал сверхъестественным талантом предугадывать несчастные случаи. Перед каждой сменой Шубин спускался в шахту, чтобы прислушаться к ее недрам и предупредить о возможной опасности. Однажды он пропал – и с того дня ходит по выработкам Донбасса сильно состарившийся призрак горного мастера.

В общем, так или иначе, но с какого-то момента у подземных выработок Донбасса появился свой Хозяин. Он об-

ходит свои владения, он всегда где-то рядом с любым из работающих шахтеров. Подобно Хозяйке Медной Горы на Урале, он отвечает за все подземные сокровища Донбасса. Увидеть Шубина – значит получить или сказочную помощь, или «черную метку», предупреждение о том, что тебя ждет смерть.

Как он работает

Итак, Шубин появляется в ситуациях, когда жизни шахтеров грозит смертельная опасность. Как это бывает?

Вот история, описанная в свое время газетой «Донбасс». Один проходчик решил отдохнуть во время смены. Прилег на распилы и провалился в полудрему. Вдруг чувствует – его кто-то расталкивает. Открыл глаза – в темном мареве, где-то метрах в десяти, в розоватом ореоле видится сухонький, сгорбленный мужичок в старой шахтерской куртке. В одной руке держит допотопную лампу с тоненьким горящим фитильком, в другой – обушок. Попросил дать чего-то попить – мол, горло пересохло. Проходчик поднялся с распилов, пошел к старичку со своей флягой. Успел сделать несколько шагов, как вдруг на то место, где он только что лежал, обрушился огромный кусок породы.

Вот еще одна история, из книги «Вечная ночь подземелий», уже не совсем из шахтерской действительности. Однажды молодой и неопытный скалолаз Андрей заплутал в пещере. Через три дня и три ночи, когда ветер задул последнюю спичку и кончилась последняя шоколадка, Андрей совсем потерял надежду. К тому же его стали посещать видения – он слышал, что его зовет голос любимой девушки. «Я сойду с ума», – решил он. «Не сойдешь!» – вдруг услышал он рядом с собой голос. Оглянулся и увидел старика в длинной шубе. Старик повернулся и уверенно зашагал куда-то в темную глубину. И Андрей, будто бы против своей воли, поплелся за ним. Они продирались сквозь узкие ходы, взбирались по отвесным стенам, и каждый раз, когда Андрей ду-

мал: «Все! Больше не могу!» – он слышал голос: «Врешь! Можешь!» Наконец впереди забрезжило пятно света и потянуло чем-то таким родным и знакомым – землей, домом... Андрей оглянулся, но рядом уже никого не было.

Наконец история, описанная в книге «Легенды подземелий». Повздорился Шубин помогать шахтерам – гонял вагонетки с углем, а одному парню, за которого по его бедности не хотела выходить замуж местная красавица, под ноги обрушил целую гору угля – и парень вмиг озолотился. Все это очень не понравилось самодуру хозяину шахты, закричавшему: «Я главный! Я что хочу, то и делаю!» Разумеется, Шубин тут же доказал, кто тут на самом деле хозяин, совершенно разорив шахту взрывами рудничного газа, обвалами и наводнениями.

С научной точки зрения

Шубина нет ни в дореволюционной, ни в советской научной литературе, посвященной легендам и мифам. Нет его и в новейших фундаментальных изданиях типа двухтомника «Мифы народов мира. Энциклопедия». Хотя его изучали и писали об этом серьезные люди. Один из них – писатель Борис Горбатов, уроженец наших краев.

По его словам, поверья о Шубине известны практически на всей территории Донбасса. Видели его будто бы седым старым шахтером «с крючком в руках, каким таскают вагонетки». Обходя штольни, он по-стариковски кашляет. Шубин любит шутить: пугает шахтеров, внезапно разразившись во тьме смехом, или хватает за ногу, может защекотать до смерти.

В сущности, Шубин – это вариант прочих народных славянских духов (водяного, лешего, полевика, русалки, домового). Как и большинство из них, он крайне волосат (что, по науке, отражает его связь с могучими производящими силами земли, ее богатствами). Как и все они, подземный призрак одновременно добр, щедр (к честным тру-

женикам) – и злобен (к людям алчным, наглым). Варианты Шубина есть у других народов – в Польше (Скарбник), Чехии (Перкман). За Шубина могут сойти даже всем известные тролли из германской мифологии.

Каждый край имеет тех призраков, которых он заслужил. Добрый Шубин – стопроцентно донецкий персонаж. И не самый плохой среди духов.

Есть вопрос:

насколько безопасны донецкие окраины?

О донецких окраинах ходят всякие безосновательные слухи – будто бы там и шагу не ступишь, чтобы не нарваться на бандитов. Автор, проживший на одной из окраин почти 30 лет, свидетельствует: даже ночные прогулки в отдаленных местах Донецка не представляют собой непосредственной смертельной опасности.

Правда, есть предположение, что тут тоже не обходится без покровительства Доброго Шубина. Распространяется ли его охранная функция на гостей города? Безусловно, если они приезжают с открытым сердцем и чистыми намерениями. Таким людям на донецких окраинах бояться нечего.

Бесценные книжки в степях Украины

Джон Джеймс Юз (англ. John James Hughes) (1814, Мертир-Тидвил – 1889, Санкт-Петербург) – валлийский промышленник. Сын инженера, стоявшего во главе одного из металлургических заводов города Мертир-Тидвила. В 1869-м покупает землю у русского князя Кочубея в Екатеринославской губернии на берегу реки Кальмиус и начинает строительство металлургического завода с рабочим поселком. Для разработки угля он основывает «Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производств».

В 1868 году в донецких степях появился коренастый бородач-британец, имя которого войдет в историю этого края. Звали его Джон Юз (или, что правильнее с точки зрения английского произношения – Хьюз). Он был промышленником-металлургом. Он стал основателем нашего города. Все мы знаем его как эксплуататора-капиталиста. Реальный Юз оказывается намного интереснее.

«К нам приехал не какой-то голодранец, не какой-то мужик со сворой собак, как об этом принято рассказывать, – говорит кандидат исторических наук Александр Дынгес. – Это был состоявшийся бизнесмен. Но что вообще ускользает от авторов публикаций о Юзе, это был человек с громадным интересом к истории, к древним реликвиям».

Из этой страсти, неизвестной широким слоям, родилась уникальная коллекция, о которой и пойдет речь.

Джон Юз

Фамильная страсть

Как свидетельствует Александр Дынгес, стариной увлекалось все семейство Юзов. Удивляться этому не стоит: жили они в такой части Британии, где история выползает из всех щелей. Древние племена, кельты, римляне... Семья собирала старинные валлийские сказки, легенды, предания. Но никто из родственников не обладал такими финансами для удовлетворения душевных склонностей, какие образовались у него. Зарабатывая большие деньги, Джон тратил изрядную часть прибылей на всяческие реликвии. Личной выгоды он от этого не имел, но удовольствие получал огромное. Как знать – может быть, он вообще занимался не своим делом. Как-то, уже на склоне лет, он писал компаньону из Петербурга, что посетил совершенно потрясающий музей – и при виде уникальных экспонатов ощутил, как в душе вновь разгорается «моя старая страсть».

«Возможно, если бы он не жил напротив проходной металлургического завода, он занялся бы историческим собирательством профессионально. Может быть, стал бы выдающимся музейным работником, но, скорее всего, учитывая его энергичный характер, был бы поисковиком. И тогда мы могли бы получить нового Генриха Шлимана с конструктивным, очень системным умом. В результате, получили замечательного бизнесмена, но наверняка потеряли крупного исследователя в гуманитарной области», – предполагает Дынгес.

Агентура Юза

К тому моменту, как Юз обосновался в наших степях, у него уже была внушительная коллекция древностей. Время от времени британские газеты сообщали об очередной его покупке – и новый шедевр оседал в юзовских закромах. У кого брал он эти реликвии? У британских колониальных служащих, у собирателей, проходимцев, грабителей, авантюристов. Разномастные подданные ее величества короле-

вы Виктории тащили все, что могли, из Индии, Восточной Африки, с Дальнего Востока, из стран Карибского бассейна – со всего мира: империя простерла свои щупальца на все континенты.

Коллекционирование Юза не было бессистемным. Он дополнительно платил, если ему рассказывали, откуда взят предмет, что о нем известно. Не стеснялся фиксировать, сколько он отвалил за ту или иную находку и сколько бы это на самом деле стоило. Несмотря на то, что Юз был известен как довольно прижимистый мужик, описывают случаи, когда он существенно переплачивал. Привезут ему, скажем, какой-то уникальный меч из Хайдарабада и, как в народе говорят, «за бутылку продают». Юз не соглашается: за такую цену приличному человеку стоящую вещь брать просто «не по понятиям». И платит втридорога. Это создавало ему среди поставщиков древностей привлекательный и солидный имидж.

В результате, у Юза сложилась могучая агентура. Для него оставляли в Бристоле, Ньюпорте, Манчестере, реже – в самом Лондоне, в определенных антикварных магазинах предметы, которые могли его заинтересовать. «Нужно понять одну очень важную вещь: то, что называется «коллекцией Юза» – результат очень качественного отбора», – убеждает Александр Дынгес.

Наш ответ Британскому музею

В доме хозяина металлургического завода «Новороссийского общества», в английской части Юзовки под коллекцию было отведено целое крыло. Там хранилось, в основном, то, что можно было прочесть – книги, рукописи, свитки, манускрипты. Это впоследствии и стало называться «библиотекой Юза». За коллекцией следили несколько специалистов. Библиотекари, взятые хозяином «на контракт», систематизировали его собрание, составляли опись. Специалисты часто менялись – но такая «текучка кадров»

была связана не с самодурством хозяина, а с особенностью коллекции. Ее предметы были исполнены на многих редких языках, и с ними поочередно работали египтологи, тибетоведы, специалисты по древней Персии, Османской империи, древнеарамейскому языку...

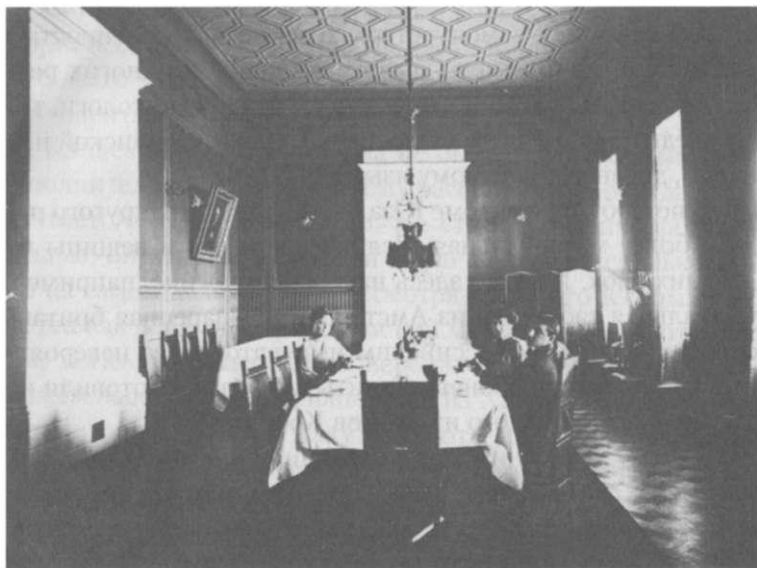
В петербургском доме Юза была коллекция другого рода – более материальная. Всякие предметы и вещицы из древних эпох. Именно здесь нашла успокоение, например, уникальная табакерка из Амстердама, подаренная британскому подданному российским императором за невероятные по прочности броневые плиты, которые изготовили на заводе Юза для одного из фортов Кронштадта.

Почему Юз занимался коллекционированием в таких масштабах? Александр Дынгес предполагает, что его целью было желание создать для общего пользования нечто такое, о чем после его смерти будут говорить не только в России, но и далеко за ее пределами. «Мне кажется, именно этим объясняется интернациональный характер его коллекции, – говорит донецкий историк. – Обратите внимание: в то время возникает поветрие – многие представители первого эшелона российского бизнеса, такие как Рябушинский, Мамонтов, добившись успеха в «материальной сфере», начинают делать что-то «для вечности» – строить театры, картинные галереи. У всех появляется желание остаться в истории, в памяти благодарных потомков. Джон Юз – из их числа».

В бизнесе он полностью самореализовался, зарекомендовал себя как первоклассный инженер и менеджер. Теперь он мог потягаться с Британским музеем, создав некое подобие альтернативы ему (пусть и в сильно уменьшенных размерах). И эта альтернатива могла возникнуть в Юзовке...

Следы в никуда

Собрание Юза не было публичным. Тем не менее, известны случаи, когда он позволял работать с ним посторонним в научных целях. Например, известный российский

Столовая в доме Юза

востоковед Виктор Романович Розен получил свободный доступ к его уникальной коллекции древних монет.

К сожалению, до полного описания коллекции Юза так и не дошло – слишком много всякого в ней было. Представление о ней можно составить по описям отдельных ее частей, а также по публикациям в российской и зарубежной прессе, где упоминались очередные шедевральные приобретения Юза. Некоторые фрагменты его собрания хорошо описаны, о них знают эксперты. Например, обширное собрание икон, представленное в специализированных каталогах.

В общем, какие-то следы прослеживаются. Но только до определенного момента. С осени 1917 года о коллекции ничего не известно. Куда же она девалась?

Миссия Агафангела

Пришедшие к власти большевики немедленно обратили внимание на семейство Юзов. Но, конечно, интересова-

до их прежде всего то, в чем ясно просматривались деньги: заводы, банковские активы... Ветхие рукописи на каких-то непонятных языках им были нужны в последнюю очередь. На них просто не обратили внимание.

В 1920-м для упорядочения налогообложения проводится первая при советской власти губернская перепись. К имуществу Юза подступаются опытные оценщики. Натолкнувшись на груды рукописей, эти опытные и грамотные люди честно доложили, что не могут оценить стоимость старых бумаг, но понимают, что это страшно дорого. Чтобы навести ясность в этом вопросе, обращаются в стольный тогда град Харьков с просьбой прислать специалиста. Единственным на всю Украину востоковедом с титулом был Агафангел Крымский. Правительство Украины дает ему поручение – разобраться с архивом Юза. Разобраться он так и не разобрался, но из его переписки с губернскими властями мы получаем первое свидетельство того, что опись существовала, что библиотека в начале 20-х еще была на месте.

Директива Луначарского

Дальше юзовская коллекция всплывает в различных интересных большевистских контекстах.

На Генуэзской конференции 1922 года, как известно, делегация Советской России во главе с товарищами Воровским и Литвиновым умудрилась заключить сепаратный мир с Германией, выйдя тем самым из международной изоляции. Берлин обязался помочь техникой и технологиями. Было принято решение – среди прочего, расплачиваться с немцами всякими предметами религиозного быта, как тогда считалось, совершенно ненужными. В обменный список попало кое-что из коллекции Юза – правда, из петербургской ее половины.

В марте 1926 года выходит директива народного комиссара просвещения товарища Луначарского, согласно кото-

рой требовалось навести порядок в бесхозном культурном наследии. Была создана масса комиссий. И вот тогда, в переписке Луначарского с местными культпросветовскими начальниками появляется тема библиотеки Юза – в списке архиважных объектов она значилась под номером семь. Из контекста этого диалога, продолжавшегося до 1928 года, можно понять, что существовала полная опись библиотеки: речь шла о том, что необходимо издать ее каталог с подробными аннотациями.

1928 год – последнее официальное упоминание о библиотеке Юза. Дальше – полный туман.

Запрос Ксенофонтова

В начале 30-х годов идет организация уездных и губернских библиотек. По логике, юзовские архивы должны были оказаться в новом областном книгохранилище. По рассказам очевидцев, юзовское собрание было еще «живо» (насколько ощищено – другой вопрос). Даже дискутировалась возможность передать его областной библиотеке. Но для этого надо было составить профессиональный библиографический указатель. Казалось бы – мелочь, но без наличия специалистов это становится грандиозной проблемой.

Накануне Великой Отечественной войны ректор Сталинского пединститута Сергей Ксенофонтов ставил вопрос о том, чтобы собрание Юза было передано в главный научный центр региона, каким он считал, конечно, свое заведение. Судя по тому, что рассказывал позже сам Ксенофонтов, пединституту отказали по той простой причине, что там не изучаются древние восточные языки и воспользоваться юзовскими рукописями будет просто некому.

То есть, библиотека Юза находилась в городе. Но где же она хранилась? Тут начинается область чистых предположений. Поговаривали, что было два больших закупоренных зала при кабинете партпросвещения – там могли хранить что угодно. Впрочем, есть более очевидная версия. Ведь по-

Дача Юза

мимо того, что старые рукописи требуют особого климатического режима, им нужна еще усиленная охрана. Где могла быть такая комбинация? Скорее всего, в заведении, известном при Советах как контора – тогда она называлась НКВД.

Зондеркоманда Штумпфа

Началась война. В первые дни стали эвакуировать архивы обкома партии, архивы НКВД. Это тогда было дороже всяких манускриптов. Но даже их не успели вывезти. Поэтому логично предположить, что до библиотеки Юза руки тем более не дошли, и что она осталась в городе.

Уже в конце 1941-го сюда прибыла особая команда СС с участием доктора культурологии и истории Карла Штумпфа, специалиста по вывозу архивов с оккупированных территорий. Он изъяс огромный массив ценных документов из Днепропетровска, Одессы, Пскова, Новгорода, других советских городов. Полномочия у него были широ-

чайшие, он мог требовать содействия от абвера, гестапо, других серьезных нацистских организаций. До самого сентября 1943 года ребята Штумпфа искали библиотеку Юза в Сталино. Они были совершенно уверены, что она спрятана здесь, но так ее и не нашли. Почти наверняка – не нашли...

Карл Штумпф умер в 1992 году. Раскаиваясь в своей деятельности «пособника темных сил», он очень много издал из того, что было награблено при его участии, как бы в искупление своих грехов. Но – ничего из библиотеки Юза. Более того, Штумпф неоднократно говорил о своих мечтах поддержать в руках хоть что-то из этой библиотеки. То есть, можно предположить, что опись предметов к нему в руки попала, но до самой коллекции он так и не добрался.

То есть, по всей логике событий, костяк библиотеки Юза сейчас – в закромах спецслужб. Или, как вариант, в частном хранении, на какой-то заграничной надежной вилле: в военной суматохе все могло уйти на Запад по дипломатическим каналам. Все эти рукописи при плотной упаковке могли поместиться в обычную нынешнюю фуру.

В любом случае, поиски стоят свеч.

Есть вопрос:

существует ли дом, в котором жил Юз?

В Донецке не так уж много истории. Дом, в котором жил Джон Юз со своим семейством, казалось бы, должны охранять как зеницу ока. К сожалению, этого не происходит. Гостям города лучше не показывать то, что осталось от дома Юзов. Эта полуразвалившаяся двухэтажная постройка находится возле «Шлаколечебницы», к юго-западу от металлурги-

ческого завода. При советской власти там поначалу жили руководители завода, потом сюда периодически вселяли роддом, артель по производству безалкогольных напитков, ячейку общества глухонемых. Наконец, этот кусок истории арендовала коммерческая структура. Будет ли существовать дом Юзов лет через пять, предсказать сложно...

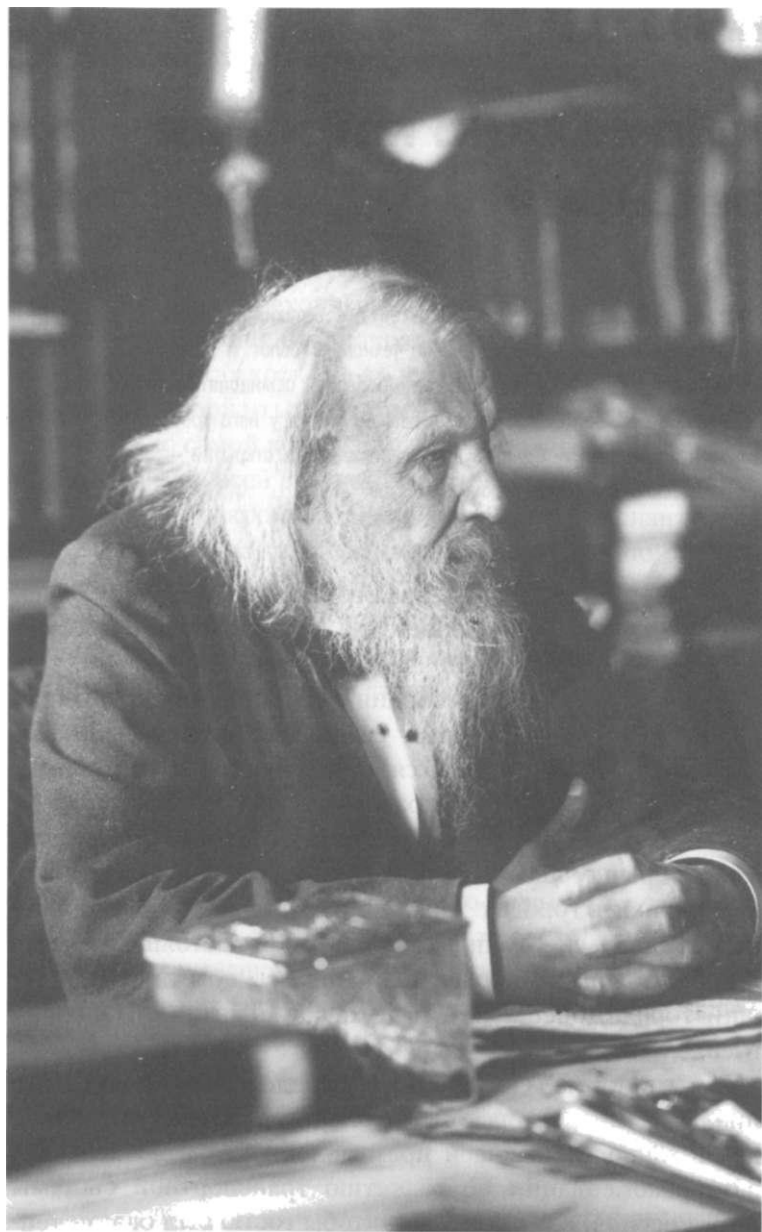
«Приехала мировая звезда!»

Дмитрий Иванович Менделеев (1834-1907) – великий русский ученый-энциклопедист, химик, физик, технолог, геолог и даже метеоролог. Родился в Сибири, в Тобольске, семнадцатым ребенком в большой семье. Он был дважды женат, у него трое сыновей и две дочери. Одно из наиболее известных открытий – периодический закон химических элементов.

23

февраля 1888 года, в день будущей Советской Армии, по улицам Юзовки шел 54-летний хорошо одетый господин с длинной бородой и космами седоватых волос, выбивающихся из-под шапки. Шел солидно, опираясь на трость. Вокруг себя смотрел не без содрогания. Приближаясь к рынку поселка, он не мог видеть особо радостных картин: центр города с характерным для наших краев грязным тающим снегом представлял собой настоящее болото. Это была первая мировая знаменитость, посетившая будущий город Донецк. Это был химик Дмитрий Иванович Менделеев.

Его принимал сам Джон Юз. Менделеев приехал с официальной инспекторской миссией (он изучал состояние дел в горнодобывающей промышленности и должен был дать рекомендации по развитию транспортной системы Юга России). Юз сделал все, чтобы гостю был оказан теплый прием.

Дмитрий Иванович Менделеев

«Пустыня ожила»

Менделеев прибыл в Юзовку накануне – 22 февраля. Высадился на станции Рутченково и отправился к металлургическому заводу «Новороссийского общества». Живи Юз при советской власти (или будь он славянином), наверняка гостя бы встретили уже на Рутченково и шагу не дали бы ступить без нашего всепроникающего хлебосольства. Но Юз родился и вырос британцем – они практикуют гостеприимство в очень щадящей форме, даже если оно нужно для дела. К тому же, Рутченково – не ближний свет, и вообще другой мир, в империю Юза не входящий.

Ну а на самом заводе Менделееву был оказан прием, достойный правительственного инспектора. Осмотрев цеха, изучив работу надземных служб заводской шахты, Дмитрий Иванович произнес знаменитые слова: «Вы совершили подвиг. Недавняя пустыня ожила. Результат очевиден, успех полный, возможность доказана делом». Последние слова очень любят повторять нынешние власти – в конце концов, они вынесены на официальный герб Донецкой области.

Выводы Менделеева после инспекции юзовского производства и прочих горнорудничных предприятий Донбаса были революционными: Российская империя может не только отказаться от импорта угля, но и экспортировать его. В отечественных недрах угля более чем достаточно. При соответствующей инфраструктуре и налаживании сбыта Россия полностью обеспечит себя этим сырьем. Именно так все и случилось. Менделеев просчитал, во что обходится снабжение Петербурга и Москвы польским (из Силезии – тогда в составе империи) и импортным английским углем, и определил, при каких условиях донецкий уголь окажется конкурентоспособным. Он разработал предложения по изменению таможенных тарифов на уголь, обосновал необходимость постройки специальной углевозной железнодорожной магистрали (дорога Москва – Дон-

басс была построена только в 1930-е), постройки шлюзов и проведения дноуглубительных работ на Донце, развития портов на побережьях Азовского и Черного морей... Неслабая программа, согласитесь!

Водочный миф

В Юзовке Менделеев провел всего одну ночь. Однако именно с этой ночью связана неизвестно откуда взявшаяся легенда о том, что в Юзовке Дмитрия Ивановича осенило насчет пропорции воды и спирта для «правильной» водки. То есть, на нашей земле случилось изобретение той самой 40-градусной водки, от которой впоследствии содрогнулся мир (в хорошем смысле этого слова).

Может быть, причина рождения мифа – горячий прием, оказанный Менделееву на заводе Юза? Ведь известно, что аскетом великий ученый не был. Под воздействием угощений, выставленных местным промышленником, вполне мог и «просветлиться» ночью. Тем более, мы знаем, что гениальные мысли частенько приходили Менделееву во сне.

На самом деле, 40-градусная водка была изобретена лет за 200 до Менделеева – коллективным русским разумом. Хотя к главному напитку России великий ученый таки имел отношение: он защитил диссертацию «Рассуждение о соединении спирта с водой». Правда, случилось это еще в 1865 году. Менделеев рекомендовал кощунственную 38-процентную пропорцию. Чуть позже он участвовал в работе правительственной комиссии, решавшей вопрос рационального «обращения» алкоголя на территории империи. Но ни о каких пропорциях там речь не шла: Дмитрий Иванович выступал по акцизным вопросам. Многогранный был специалист...

В общем, если и приснился Менделееву в Юзовке какой-то «водочный сон», то никаких последствий для истории отечества он не имел.

Завод «Новороссийского общества» и прилегающие кварталы

Рынок. Таким его мог видеть Менделеев

«Там страшно»

Но вернемся в день 23 февраля 1888 года, когда на раскисших улицах Юзовки появился бородатый господин в шубе и с тростью, продвигавшийся в направлении местного рынка. Дмитрий Иванович Менделеев смотрел вокруг себя – и приходил в полное расстройство чувств: «Базар в Юзовке на земле Ливена, и там страшно... Идти по Юзовке невозможно по причине болот».

Места, где он оказался, теперь – окрестности ЦУМа. Вот как изображает их автор публикации на сайте «Донецк: история, события, факты»: «Для сотен людей Юзовский базар был и биржей труда, и постоянным двором, и харчевней. Рыночная площадь была переполнена людьми. Рыночная площадь начиналась там, где сейчас проходная фабрики Володарского. Центр же базара, так называемые обжорные ряды, находился на месте, где сейчас располагается областной архив».

Мрачные впечатления от Юзовки Менделеев изложил в своем дорожном дневнике. Кроме того, из Юзовки он вывез несколько фотографий. На них – характерные пейзажи ранней истории нашего города: на заднем плане – трубы, копры, терриконы, на переднем – хибары, сараи, нужники. Ну что же, все как-то начинают... Самое главное – что за внешней юзовской непритязательностью великий ученый разглядел могучую энергию, бездну возможностей и блистательную перспективу. О чем впоследствии и написал в специальном отчете.

Обширный текст, который Менделеев представил на суд общественности после поездки по Югу России, назывался «Сила, покоящаяся на берегах Донца». «В поездках по донецкому краю, – писал Дмитрий Иванович, – я был поражен неисчерпаемыми его богатствами, которые превосходят все виденное ранее не только в России, но и в других частях Европы и Америки, которые посещал для изучения их промышленности».

Что нам это дало?

Для Юзовки визит Менделеева судьбоносен по двум параметрам. Во-первых, он открыл длинный перечень знаменитостей, побывавших у нас в гостях. Донецк вообще – город, обращенный к приезжим. Потому что, прежде всего, сформирован целиком из этих самых приезжих и лишен исторического снобизма, который присущ городам с многовековой историей.

Кроме того, визит Менделеева впервые показал: Юзовка интересна Центру как исключительное место. Уже тогда люди, видевшие тенденции развития промышленности и общества, поняли, что вокруг завода «Новороссийского общества» формируется нечто большее, чем обычный заводской поселок. К сожалению, та «бездна возможностей», о которой говорил Менделеев, реализована в виде чудовищной диспропорции. Мы имеем миллионный город, не лишенный своей прелести – но большие деньги, вращающиеся в нем, редко доходят до его окраин. Там застыла история если и не юзовских времен, то уж времен Сталино – точно!

Есть вопрос:
*правда ли, что в Донецке иногда идет
черный снег?*

Бывает. Правда, для этого надо достичь душевного состояния, при котором велосипед может показаться «Мерседесом», а унитаз – воротами в рай. Но можно. Достичь такого состояния можно с помощью напитка, авторство которого так настойчиво приписывают Дмитрию Ивановичу Менделееву. Легенда о черном донецком снеге

объясняется тем, что в нормальном, белом состоянии его трудно увидеть: выпав, он быстро покрывается налетом, создаваемым многочисленными предприятими нашего городка. Впрочем, после отмирания некоторых особо пакостных предприятий белый снег в Донецке перестал быть уникальным явлением.

Железнодорожный триптих

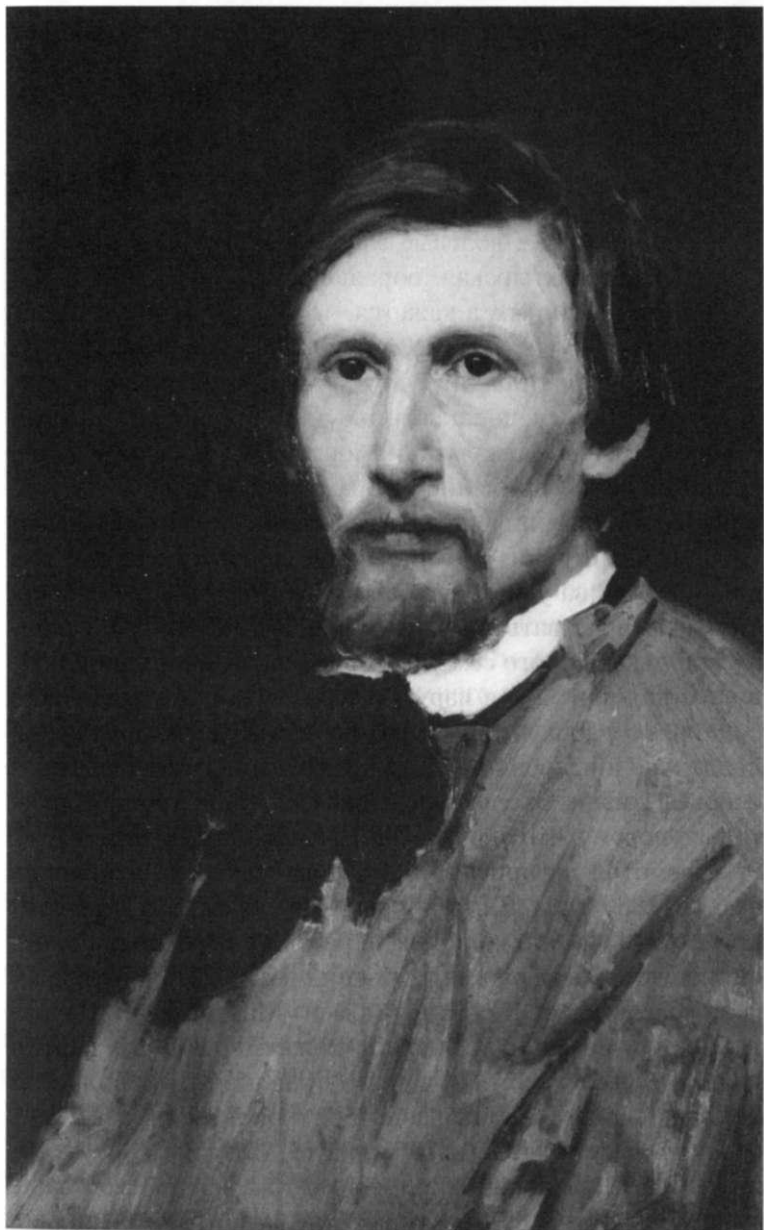
Виктор Михайлович Васнецов (3 (15) мая 1848, село Лопьял, Вятская губерния, Российская империя – 23 июля 1926, Москва, СССР) – выдающийся русский художник, мастер живописи на исторические и фольклорные сюжеты. Себя считал скифом.

Нельзя сказать, чтобы это была такая уж новость. Впрочем, и общеизвестной эту информацию тоже не назовешь. Вот вы, например, знаете о том, что известный российский художник Виктор Михайлович Васнецов написал аж три картины, посвященные Донецкому краю? Причем картины эти вы наверняка видели, и, скорее всего, не единожды. Только догадаться, что на них Донбасс нарисован, крайне сложно. Ну так что ж – настоящий художник имеет право на свой нестандартный взгляд.

Об этом взгляде мне рассказывали друзья-энтузиасты с сайта «Донецк: история, события, факты» (<http://infodon.org.ua>), а также известный популяризатор Донецка в Интернете Андрей Бутко.

Васнецов

Как говорил Остап Бендер: «В то героическое время я был еще крайне молод...» Молодой Виктор Васнецов, как это свойственно людям его профессии, крайне нуждался в материальной поддержке. Денег на жизнь не особенно хва-

Виктор Васнецов

тало. Нужен был меценат (проще говоря – спонсор). И вот в 1878 году более старый и опытный Илья Репин познакомил молодого коллегу со знаменитым промышленником (олигархом, чего уж там!) Саввой Мамонтовым. Это был, что называется – «мощный старик». Васнецов вспоминал: «Он поразил меня и привлек даже своей наружностью: большие сильные... волевые глаза, вся фигура... складная, энергичная, богатырская, обращение прямое, открытое – знакомишься с ним., а кажется, что уже давно был с ним знаком...»

Они понравились друг другу. От Мамонтова посыпались заказы. Васнецов делал рисунки для школы, которая была выстроена и открыта Мамонтовым в поселке Абрамцево, занялся оформлением Абрамцевской церкви. Художник хранил и любил перечитывать написанные ему Саввой Ивановичем строки: «Если ты бодр, здоров и весел, это все, что нужно, и за успехом в работе дело не станет. Если ты станешь... предаваться какой-то непонятной мировой скорби (сколько доброго семени сгорало на этой негодной почве), то напиши мне, я изругаю тебя... Знай, что ты прочно сидишь в сердцах людей, выразивших тебе свою дружбу неподдельно и искренно. А ведь это сознание – хорошее подспорье в жизни. Сколько людей на свете идут тропой злобы только потому, что окружающие равнодушны к ним».

Несмотря на призыв Мамонтова мыслить позитивно, весной 1880 года Виктор Васнецов переживал тяжелый кризис: творческий конфликт и разрыв с передвижниками, одиночество, безденежье, сомнения в собственной творческой состоятельности. В этот момент Мамонтов опять протянул руку помощи: предложил сюжеты для новых картин и оплатил их авансом. Речь шла о Донецко-Мариупольской железной дороге, которая вошла в строй в 1882 году. Ее построили на деньги Мамонтова. Затею нещадно критиковали, и Савва Иванович хотел какого-то позитивного пиара. Например, чтобы перспективы этой магистрали были раскрыты в соответствующих картинах-символах, которые по

«Битва русских со скифами»

его замыслу должны были украсить залы правления дороги. Это желание вылилось в заказ Васнецову на три картины-панно: «Битва русских со скифами» (прошлое Донецкого края), «Три царевны подземного царства» (богатство донецких недр) и «Ковер-самолет» (образ новой магистрали, символ новых скоростей).

«Битва русских со скифами»

На этой картине – некоторая терминологическая путаница. Со скифами русские никогда не дрались, во всяком случае, воинское облачение и физиономии действующих лиц скифскому периоду явно не соответствуют. Но если вспомнить блоковское «Да, скифы мы, да, азиаты мы!» – все сразу становится понятным. В васнецовские времена, действительно, сказать «скиф» значило, сказать «татарин».

Композиция картины прозрачна: русский широкоплечий воин как бы защищает нас с вами. Совершенно ясно, что стрелы и копыя узкоглазого противника его не достанут, а русская булава, напротив, попадет по назначению и скифскую голову разможжит обязательно. Схватка проис-

ходит в высокой траве, хорошо знакомой всякому донецкому любителю пикников.

«Три царевны подземного царства»

Картина предназначалась для кабинета правления железной дороги, но туда не попала. Члены правления не оценили васнецовский полет души, и картину приобрел брат Мамонтова. Теперь она находится в Третьяковской галерее.

Картина должна была олицетворять богатство недр пробужденного края. Васнецов за основу взял старинную сказку о том, как крестьянский сын Иван, спустившись под землю, нашел там царства золота, драгоценных камней и железа (в картине – каменного угля) и вывел на землю трех царевен этих царств. Васнецов представил их в роскошных убранствах, символизирующих богатства земли. Никаких событий в картине не происходит, но царевны, их наряды написаны с таким живописным мастерством, что это само по себе – сюжет. Считается, что художник отразил в картине поиск идеала женской красоты, который он нащупал в образе третьей, младшей царевны, «черненькой», как называл ее брат Виктор – Апполинарий Васнецов. Тоже художник, разумеется.

«Ковер-самолет»

Считается, что в этой картине Васнецов выразил мечту человека о свободном полете. В чудесном небе парит ковер-самолет. Герой – победитель в нарядном одеянии гордо стоит на ковре, держа за золотое кольцо клетку с добытой Жарптицей, от которой идет неземное сияние. Все исполнено в ярких тонах. Земля отходит ко сну. В реке отражаются прибрежные кусты. Все окутано туманом и легким светом луны.

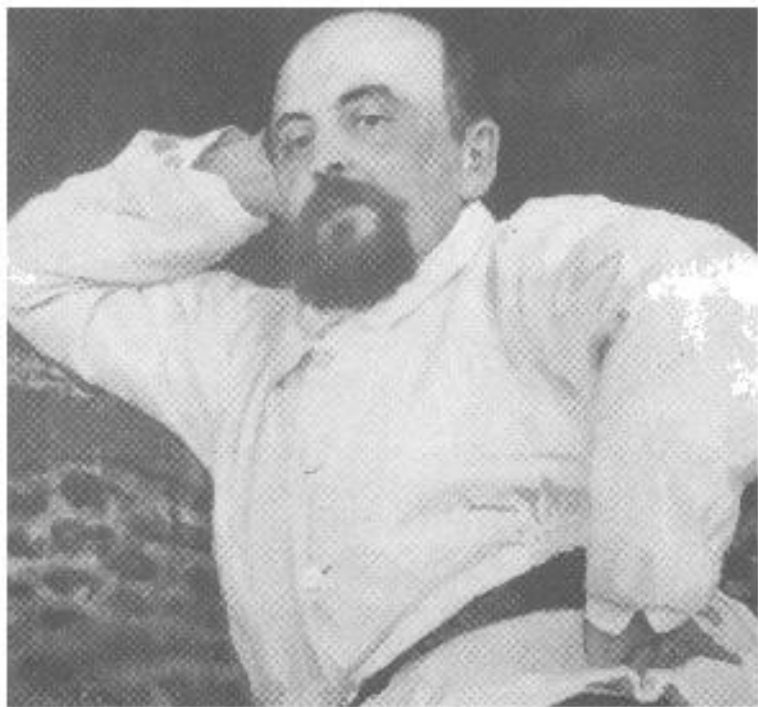
Пейзаж, который угадывается внизу, очень напоминает среднее течение Кальмиуса – между Старобешевом и Гранитным.

«Три царевны подземного царства»

«Ковер-самолет»

Савва Мамонтов

Вряд ли изображенный сюжет ныне ассоциируется с железной дорогой – но стоит помнить, что во времена Васнецова пассажирские перелеты были еще безумной фантастикой. «Ковер-самолет» приобрел Савва и повесил в столовой своего дома.

Мамонтов

Савва Мамонтов был человеком не только предприимчивым, но и крайне беспокойным. Донецкую железную дорогу он, в конце концов, продал. После этого начал грандиозную экономическую комбинацию – создание конгломерата связанных между собой промышленных и транспортных предприятий. Размах дел поглотил его – не просчитав

все риски, Мамонтов в итоге оказался в сложной финансовой ситуации. Слухи о неблагополучии в делах появились в июне 1899 года, когда он не погасил вовремя долг Международному банку. 11 сентября 1899 года в своем московском доме на Садово-Спасской Мамонтов был арестован и помещен в Таганскую тюрьму. В заключении он провел более пяти месяцев, занимаясь там скульптурой и лепил бюсты охранявших его тюремных служащих.

Суд Мамонтова оправдал, и умер он в 1918 году уважаемым человеком. Современники считали, что Мамонтову надо поставить четыре памятника: один – в Мурманске, другой – в Архангельске, третий – в Донецке, четвертый – в Москве, на Театральной площади. На сороковинах его памяти Виктор Васнецов сказал: «Нужны личности, не только творящие в самом искусстве, но и творящие ту атмосферу и среду, в которой может жить, процветать, развиваться и совершенствоваться искусство. Таковы были Медичи во Флоренции, Папа Юлий II в Риме и все, подобные им творцы художественной среды в своем народе. Таков был и наш почивший друг Савва Иванович Мамонтов».

Есть вопрос:
*правда ли, что в Донецке до сих пор
используют поезда XIX века?*

Чистейшая правда. Но, конечно, не для того, чтобы обеспечивать регулярное железнодорожное сообщение. Просто рядом с вокзалом станции «Донецк» расположен музей истории нашей железной дороги. Самый старый ее экспонат – вагон-салон генерала Ворошилова 1898 года выпуска. На здании, возле которого

«припаркован» этот агрегат – надпись: «1924. Паровозное депо станции Юзово». Музей работает с 2000 года благодаря энергии Виктора Николаевича Донченко, его создателя и директора. Экспонаты – в отличном состоянии, на их фоне любой приезд может сделать несколько незабываемых снимков.

«Ну-ка, мечи стаканы на стол!»

8 августа 1892 г. в ходе встречи горнопромышленников с Екатеринославским губернатором известный организатор промышленности Николай Авдаков приводил такие цифры: в Юзовском округе одна школа приходилась на 2040 жителей, одна церковь – на 509, а трактир – на 570 человек.

Валлийцы, приехавшие в Юзовку работать на металлургическом заводе «Новороссийского общества», были не дураки выпить. Городок Мертир-Тидвил, откуда происходил родом Джон Юз, представлял собой валлийский вариант Юзовки – стремительно растущий индустриальный центр, где производство стали требовало все нового и нового персонала. Своего населения не хватало – и мертир-тидвилские промышленники широко привлекали ирландцев. А уж эти парни могли перенять любого. Алкогольные традиции в валлийском городке росли и крепили. Но когда ребята из Мертир-Тидвила попали в Юзовку, оказалось, что их умение выпить просто меркнет перед настоящим славянским стилем.

Питейный вопрос в Юзовке тщательно изучал израильский историк Теодор Фридгут. Это вообще интересное дело. Известный на Западе ученый, он как-то задумал написать исследование о Хрущеве, точнее – о формировании его личности. Так сказать, откуда взялся этот «буйный тиран». Начал изучать городишко, где начина-

ГОЛОВНОЕ ВІНО

ОБЩЕСТВА
БЕКМАНЪ и К^о
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

лась карьера Никиты Сергеевича – и через какое-то время с удивлением обнаружил, что история этой самой Юзовки стала казаться гораздо более интересным предметом, чем судьба большевистского лидера. Тогда Фридгут плюнул на Хрущева и занялся Юзовкой. В итоге, родилась двухтомная монография, отрывки из которой перевел ныне покойный донецкий историк и журналист Дмитрий Корнилов. В конце 90-х они были опубликованы в газете «Донецкий кряж» и до сих пор служат для наших исследователей древностей неоценимым подножным кормом. И хотя книга Фридгута называется строго – «Юзовка и революция», нашему пьянству там уделено большое внимание. Впрочем, удивляться нечему: при ближайшем рассмотрении оказывается, что государственные перевороты в России редко совершались без обильных возлияний.

«Алкоголь притуплял ужас»

Фридгут не считает юзовское население каким-то особенно испорченным в алкогольном плане. Его объяснение всеобщей напасти – просто и фундаментально: «Алкоголь притуплял ужас от аварий на шахтах и выбросов газа, которых случалось так много, что они становились частью повседневной жизни. Алкоголь помогал рабочему не замечать той грязи, в которой жили он и его семья. Алкоголь скрывал от рабочего его безволие и тот жизненный тупик, в котором он оказался». Тот, кто хоть раз спускался в шахту, непременно поймет, как верно подмечено израильским ученым это парадоксальное стремление поскорее залить глаза при виде солнца, которое, может быть, видишь в последний раз.

Количество трактиров в Юзовке поражало. Фридгут отмечает, что до уровня столичных городов Юзовка все равно не дотягивала – там питейных заведений на душу населения было больше. Но в Питере и Москве, кроме

Трое юзовских пьяниц

трактиров, было где отвести душу. Юзовскому рабочему местная индустрия развлечений альтернативы не оставляла. Существовала, конечно, религия, но когда это русскому человеку вера в Бога мешала напиваться?

Российский сатирик Аркадий Аверченко, немало поработавший на рудниках Донбасса, блестяще иллюстрирует этот невероятный симбиоз в своей «Автобиографии»: «Однажды ехал я перед Рождеством с рудника в ближайшее село и видел ряд черных тел, лежавших без движения на всем протяжении моего пути; попадались по двое, по трое через каждый 20 шагов. «Что это такое?» – изумился я. «А шахтеры, – улыбнулся сочувственно возница. – Горилку купували у селе. Для Божьего праздничку». – «Ну?» – «Тай не донесли. На мисти высмокта-лы. Ось как!»»

Слабаки из «второй лиги»

В своей «Истории Донецка» Валерий Степкин приводит отчет чиновника Министерства финансов Грацианского, который в 1893 году посетил Екатеринославскую губернию с инспекторской поездкой. Вот что он писал о шахтерском досуге: «Никаких забав, игр и вообще развлечений, могущих заполнить праздничный досуг рабочих и таким образом хотя бы некоторых отвлечь от кабака, со стороны углепромышленников никогда и нигде устраивасмо не было. Даже чайные появились только с холерного времени в прошлом году. Он нуждается в новых впечатлениях, в живом слове и в развлечениях, но ничего этого кругом себя не находит. Праздничное безделье, ничем не пополняемое, становится ему в тягость и он не знает, куда от него деваться. Остается кабак как единственное общественное место, куда рабочие и направляются».

И в кабаке юзовские рабочие показывали такой высокий алкогольный пилотаж, что несчастные приезжие

На пороге юзовской пивной

британские пьяницы чувствовали себя игроками какой-то второразрядной лиги. Пытаясь поддержать соревновательный дух, они в итоге безнадежно спились, уже через год деградируя до уровня полноценных алкоголиков. Перед Джоном Юзом встал вопрос – что делать с оравой соотечественников, не способных выполнять свою первоначальную задачу? В итоге, они в большинстве своем были отправлены домой, а из Мертир-Тидвила прибыла новая партия специалистов. Благо, кризис в сталелитейной промышленности, охвативший этот валлийский городок, освободил массу рабочей силы. Но и новым «легионерам» пришлось столкнуться со всепобеждающей силой юзовского пьянства.

Пьянка во время холеры

В записке чиновника Грацианова упоминается о некоем «холерном времени». Речь идет о знаменитом бунте 1892 года, который начался как раз под массовым воздействием винных паров.

Как свидетельствует Теодор Фридгут, любимым местом «тусовки» шахтеров, желающих напиться, считалась базарная площадь Юзовки. Тут было где развернуться: количество питейных точек явно превосходило среднестатистическое. Правда, и полицейских было больше, чем в прочих местах, но от взрыва пародного гнева это не спасало. Тут, на базарной площади, все и началось...

2 августа 1892 года был выходным днем. По этому случаю, а также из-за крестного хода, который готовились провести в дополнение к молебну об избавлении от холерной эпидемии, юзовские кабаки были закрыты. Но эту проблему легко решили. Толпа, предельно наэлектризованная неспособностью властей справиться с эпидемией, обозленная на медиков, которые, по мнению народа, «хоронят заживо» рабочих в своих «больничках», двинулась через торговые ряды к холерному барaku.

Церковная служба

Врачи и пациенты госпиталя

Проходя мимо закрытых винных лавок и трактиров, повстанцы внесли в свой план коррективы и сделали остановку, чтобы вскрыть эти закрома и угоститься на славу. Решив задачу, они начали грабить все лавки без разбору, особенно упирая на те из них, которые принадлежали евреям (представителей этой злополучной нации считали причиной всех бед рабочего человека, в том числе и холеры). Для усмирения беспорядков были посланы казаки, жестокая стычка окончилась стрельбой и многочисленными жертвами. К концу дня картина разгрома была страшная: пылающие лавки, крики, стоны, вопли... Но, по крайней мере, казалось, что хаос бунта позади.

Однако на следующий день беспорядки вспыхнули с другой стороны Юзовки – на Ларинке. Опять – разгром базара, опять повальная пьянка. Явившись к полицейскому участку, бунтовщики добились освобождения задержанных товарищей. Впрочем, революции не удалось: присланный пехотный полк восстановил порядок, да и у самих повстанцев агрессия мало-помалу выветрилась вместе с похмелем.

Казацкая контрабанда и «сухой закон»

Легко понять, почему каждой выдачи зарплаты владельцы юзовских предприятий ждали как божьего наказания. Всякий раз, получив деньги на руки, пролетариат превращался в плохо управляемую толпу, которой не хватало только организующего начала, чтобы ее гнев обратился против хозяина. Поэтому известие об ограничении торговли спиртным в 1893 году частные собственники встретили с громадной радостью.

Увы, проблемы это не решило: ограничение действовало только на территории Екатеринославской губернии. А уже по Кальмиусу проходила граница между этой административной единицей и областью войска Донско-

го. Там, за Кальмиусом, спиртным торговали вовсю. Конечно же, моментально наладилась контрабанда водки с казачьего берега, и пьянство возобновилось с прежней силой.

Эту проблему удалось придушить только с началом Первой мировой войны, когда «сухой закон» применили ко всем территориям империи. Торговля алкогольными изделиями была прекращена с 19 июля 1914 г. на время мобилизации, а в конце августа продлена на все время войны. Крепкие алкогольные напитки продавали только в ресторанах. И хотя в ответ на указ появились многочисленные способы обхода закона, потребление алкоголя снизилось более чем в десять раз. По официальным данным, к уровню пьянства 1913 года страна вернется только в начале 60-х.

Впрочем, по другим достаточно официальным сведениям, уровень потребления водки был тут же восстановлен на довоенном уровне в 1917-м, когда победившая демократия отменила «сухой закон».

Есть вопрос:

что такое «шахтерский бутылек»?

Вековая традиция: перед сменой шахтеры заготавливают бутылку самогона, чтобы после окончания работы употребить ее узким кругом. В особо запущенных случаях это происходит после каждой смены, но обычно – только по каким-то случаям (дни рождения, государственные или религиозные праздники, день взятия Бастилии и т.д.). Самогон может с

легкостью заменяться более цивилизованным, но не менее сильным по воздействию продуктом. По данным некоторых психологических исследований, «бутылек» следует приравнять к мощному терапевтическому средству, позволяющему шахтеру достичь состояния релаксации после перманентного производственного стресса.

Начало НОВОГО века

Юзовский модерн

Модерн – архитектурный стиль, получивший распространение в Европе в 1890-1910-е годы. Архитектуру модерна отличает отказ от прямых линий и углов в пользу более естественных, «природных» линий, использование новых технологий (металл, стекло). Архитектуру модерна характеризует стремление к созданию одновременно и эстетически красивых и функциональных зданий.

В дореволюционные времена седьмую линию ласково называли «улицей тихих особняков». Не потому, что тут царил нескончаемый мир – напротив, рабочие металлургического завода, напившись, частенько чинили здесь разборки. Любимым развлечением кумушек седьмой линии было выбраться на улицу, усесться на лавочку и, щелкая семечки, наблюдать за поединками рассерженных мужчин. Иногда, если оказывались слишком быстро к эпицентру эмоций, и в глаз могли получить. То есть, на седьмой линии жизнь кипела. А «тихими» особняки назывались потому, что существовали как бы в тени более заметных зданий «центровых» улиц Юзовки. Но глаз на них отдыхал. В 1910-е в Юзовке, как и во всем мире, наступил недолгий период, когда старались строить красиво и индивидуально. Пришло время модерна.

Архитектурной красоты той эпохи в городе осталось немного. Может быть, единственный пример стопроцентно уцелевшего юзовского модерна – дом Горелика, известный также как дом Тудоровских, здание с башенкой и двумя затейливыми балконами на пересечении Университетской и Садового проспекта. Прогуляться по городу начала века те-

ВЫСТАВКА

перь можно только мысленно – что мне помогала делать начальник отдела советского периода областного краеведческого музея Жанна Крыжная.

«Холерный бунт» и князь Ливен

Вообще, Юзовка – в некотором роде, иллюзия. Иллюзия, как нечто, непрерывно существовавшее. «Холерный бунт» 1892 года разломил историю дореволюционного городка на две части. До этого разлома мы видим на фотографиях Юзовки почти исключительно убогость и архитектурный ужас. После него возникает порядок и фантазия. Особенно преобразилась первая линия: вместо халуп, сделавших бы честь любому слобожанскому селу, возникают аккуратные дома, тротуары.

Лицо города изменил не только возмущенный пролетариат, спаливший более сотни строений в припадке праведного гнева. Три годами раньше, в 1889-м, владелец земли, на которой обосновался центр Юзовки – князь Ливен – продал ее «Новороссийскому обществу». Тут же изменились правила сдачи участков застройщикам. При Ливенах от арендаторов не требовалось соблюдение каких-то строительных норм. Администрация «Новороссийского общества» обязала возводить дома только «правильные» – по одному из утвержденных англичанами проектов. Кроме того, арендатор был обязан оформить возле своего дома тротуар и посадить деревья. Вообще, правил было много – и довольно жестких. Благоустройства касались только некоторые. Надо понимать, что англичане в отношении к Юзовке были далеко не бескорыстны – но в том, что город стал выглядеть прилично, их заслугу отметить надо.

А в начале века, особенно – после революции 1905 года, появляется тот самый модерн, об утрате которого сейчас как раз и идет речь. Завитушки, выпуклости, полуколонны, башенки, арки, овальные окна, все, что позволяло уйти от скучных прямоугольных форм и придать зданию индиви-

дуальность – вот что такое архитектурный модерн. Все – от дверных ручек до балконов – тщательно прорабатывалось и носило индивидуальный стиль, вписанный в концепцию всего дома.

На доме Горелика печать модерна лежит явственно.

Щепки прошлого

Почему уцелел этот дом – можно только гадать. В советские времена дончане, вообще как-то слабо интересовавшиеся своей историей, равнодушно проходили мимо него. Кое-кто считал его английским клубом, кто-то – домом Юза. Потеряв первоначальный шик, этот осколок эпохи, казалось, доживал свой век. Но – повезло. Случилось так, что в дом Горелика въехала региональная контора одного банка, сделала капитальный ремонт, даже пристроила второй балкон – причем так лихо, что и стиль сохранился, и внешние пропорции не нарушились.

Судя по всему, для старой Юзовки дом Горелика не был чем-то исключительным. Очень похоже на то, что самым красивым зданием считался дом архитектора Богомолова. Белый, украшенный изящной лепниной, он стоял на месте нынешнего Ворошиловского райисполкома. В нем проходили дворянские собрания – для Юзовки мероприятия довольно экзотические, поскольку местных «графьев и князьев» было мало, элиту составляли промышленники и дорогостоящая техническая интеллигенция. В 1930-е годы начали искать, где бы соорудить дом Советов (резиденцию областных властей). И нашли идеальный по всем параметрам участок. По всем, кроме одного: здесь стоял дом Богомолова. Но разве это могло послужить препятствием?

И дома Богомолова не стало.

Какие-то рудименты былого великолепия в нашем Старом городе проглядывают то тут, то там. Вот бывшее здание гостиницы «Гранд-отель». Это – Артема, 27, напротив кинотеатра «Комсомолец». Угловая голубенькая постройка,

Бывшая английская школа на Ларинке

Дом Кроля на улице Постышева

на излете социализма там был гастроном «Луч» с самым вкусным в городе томатным соком на разлив. А до войны... До войны дом щеголял лепниной и великолепным балконом, шедшим вдоль трех стен. Оттуда выступал перед юзовской публикой американский писатель Теодор Драйзер. Но во время войны голубенький красавец сильно повредился и былой блеск так и не восстановил.

Немного другая история случилась с Промышленным банком архитектора Земичека. После войны его стали перестраивать в Дворец пионеров. Георгий Навроцкий, один из лучших донецких архитекторов, к фасаду, выходявшему на улицу Артема, пристроил еще одно крыло – по Садовому проспекту. Старый корпус снабдил фризом с пионерами. В общем, милое здание в стиле «модерн» потонуло в новой эстетике. Тем не менее, если внимательно смотреть на фасад, можно мысленно перенестись в Юзовку начала века. С булыжной первой линией, пролетками и линией домов, каждый из которых был «штучным».

В тени «тихих особняков»

Седьмая линия теперь называется улицей Постышева. С нее – другие взятки. Улица «тихих особняков» не могла претендовать на презентабельность первой линии. Но особнячки были – один другого краше!

В самом начале Постышева, возле конечной остановки трамвая 1-го маршрута, в последние годы образовался неожиданный островок старой Юзовки. Учреждения, арендовавшие или купившие несколько «тихих особняков», привели их в божеский вид. Конечно, материалы модерну не очень-то подходят – сплошной пластик. «Но пусть будет хоть так, пусть пластик – главное, что сохранен изначальный вид, архитектуру сберегли в основных чертах!» – говорит Жанна Крыжная.

Проект исторического заповедника «старая Юзовка» давно бродит в краеведческих кругах. Его суть – сохранить

несколько особо интересных кварталов дореволюционной застройки, капитально там все отремонтировать и показывать туристам. Но, поскольку осязаемого коммерческого «выхлопа» такой проект не предполагает, горячих сторонников в среде людей с капиталом он не приобрел. Поэтому, если «щепки прошлого» и сохраняются в строительном вихре современности, то происходит это только таким образом – по инициативе новых владельцев, которые наводят «марафет» отдельным зданиям.

А если не повезет – то, наоборот, история скушает любопытное старье, не поморщившись. Как это случилось с домом на Постышева, 46. Интересный был желтый особнячок с барельефом, говорят, принадлежавший строительному подрядчику Кролю. На его месте теперь строят «небоскреб-утюг». Напротив, по ту сторону Постышева – особняк, который Кролю принадлежал уже точно. Тоже модерн, со вставками из необычной облицовочной плитки, которую Кроль производил где-то в Белоруссии, привозил в Юзовку и старался «впарить» местному обывателю. Совместив рекламу с эстетикой, он выложил изумрудно-салатными квадратиками фрагменты фасада. Надо сказать, этот Кроль вел разностороннейшую деятельность. В подвале в большом количестве у него хранились бутылки с соляной и серной кислотой – тоже на продажу. А во дворе была одна или две печи по обжигу кирпича, и когда он брал подряды на строительство домов в Юзовке, он в этих печах обжигал строго определенное количество кирпича, необходимое для строительства одного дома. Вообще, на рубеже веков обжиг кирпичей был очень популярным в Юзовке способом заработка. Город строился с бешеной скоростью!

Английский стандарт

Любопытно, что англичане, которые, по идее, могли экспортировать в наши степи передовой архитектурный стиль, строили очень прагматично. Дом Юза – это просто

Юзовка. Женская гимназия Левицкой и Городское училище

поэзия простоты: все почти примитивно, хотя и крайне основательно. Юз, как человек, совершенно чуждый изыскам, наверняка не понимал, зачем существуют архитектурные загогулины, если все равно любой дом – это, в конечном итоге, четыре стены. К сожалению, от особняка основателя завода осталась только одна из них: время и безразличие окружающих разрушили это здание, которое, по идее, мы должны были беречь как зеницу ока.

Как известно, Юзовка делилась на две части – северную, Новый Свет (там были все эти знаменитые линии, там сейчас центр) и южную Заводскую сторону (проще говоря, Ларинка и Масловка). Вот здесь, на юге, и жили англичане, а также все примкнувшие к ним европейцы. Устроились с комфортом, хотя жилье их тоже изыском не отличалось: как правило – одноэтажные постройки с застекленными верандами. В истории города этот стандарт оставит глубокий след. Стилистика «стеклянных домов» станет очень популярной в 30-х годах и прекрасно впишется в массовую застройку того времени.

Сейчас наиболее явный британский след в архитектуре Донецка – это Ткаченко, 113, бывшая Английская школа. Задумывалась как учебное заведение для детей все тех же европейцев, но уже к 1890-м годам оказалось, что не так много «легионеров» намсрено остаться на юзовской земле после окончания строительства завода. И тогда в школу начали принимать местных деток, а владельцем ее стал некто Мухин. Еще в 90-е годы на Ларинке можно было встретить ее выпускников.

Жив ли теперь хоть кто-то из них? Жив ли кто-то, кто может вспомнить эту нашу скромную прелесть – Юзовку эпохи модерна?

Есть вопрос: куда исчезло Рутченковское пиво?

Судя по перечню предприятий города Донецка, ГКП «Рутченковский пивзавод» еще существует. А вот Рутченковское пиво приказало долго жить (может, и к лучшему). Хотя было своеобразной достопримечательностью Донецка – еще бы, ведь его начал выпускать сын Джона Юза, Айвор. Гости нашего города, которые бывали здесь в застойную эпоху, иногда интересуются – куда же оно делось? Для ответа на этот вопрос можно предложить несколько версий. Первая – выпил Добрый Шубин. Вторая – стало

ненужным после закрытия расположенной рядом шахты «Кировская» (трудовой коллектив которой был основным потребителем легендарного напитка). Есть еще версия. Обитатели домов, прилегающих к Рутченковскому заводу, любили шутить – мол, у нас по водопроводным трубам иногда (рано утром по субботам и понедельникам) течет самое настоящее пиво, причем по качеству – гораздо лучше того, что продают в торговой сети. Вот сюда, в эти трубы, оно наворачивается и утекло...

Пять шагов к городу

Решение о присвоении Юзовке статуса города было принято Временным правительством 3 июня 1917 г. Одновременно с ней, городами стали еще 41 поселок Екатеринославской губернии. Население Юзовки в 1917 г. составляло 57.833 человека, согласно проведенной переписи.

Ю

зовку стали воспринимать как город задолго до 1917 года. Во всяком случае, на обороте фотографии, где изображен мой прадед Степан Лаврентьевич со своими то ли коллегами, то ли друзьями (три молодых щеголя-маркшейдера с тонкими офицерскими усиками) написано чьей-то рукой: «Городъ Юзовка, 1911-й г.». Оно и

понятно: к тому времени «заводской поселок» имел почти все, что требовалось городу.

Обзаводился он этими необходимыми атрибутами постепенно. Давайте посмотрим, как делались некоторые из шагов, превративших поселок в город.

Первый пруд

Завод основали в месте, идеальном с точки зрения залежей, но чрезвычайно бедном водой: только скудная речка Кальмиус с вялыми притоками. А вода Юзу была нужна для нужд производства. И воду он получил очень простым способом: перекрыл плотинами сначала русло Кальмиуса, а потом – русло речки Скоморошиной. Получились пять прудов: два на Кальмиусе, три – на Скоморошиной. Вода поступала в на-

55

порную башню, подавалась в цеха завода и, после использования, возвращалась в родные резервуары.

Кальмиусские водохранилища до революции использовались только в промышленных целях. А вот ближний к заводу пруд на Скоморошиной ждала более праздничная судьба. Под названием «Первый городской» он стал частью увеселительного, если можно так сказать, комплекса. Судя по старым юзовским фото, в 1890-х его уже использовали для катания на лодках (летом) и конькобежных забав (зимой). На весьма популярном снимке начала XX века мы видим лодочную станцию возле Горсада с весьма симпатичными, ярко раскрашенными посудинами, жизнь которых контролируется из небольшого сарая у причала. Правда, людей на снимке что-то не видно...

А на зимнем фото – эпизод колки льда: специально обученные лошади с особыми «прицепами» бесстрашно прокладывают борозду по замерзшей поверхности пруда. На заднем плане – черные точки, в которых можно угадать рыбаков и как раз конькобежцев...

Поскольку в Первый городской пруд возвращалась использованная техническая вода и сбрасывались всякие стоки, он не считался «питьевым». Вода, пригодная для потребления внутрь, поступала к юзовцам из двенадцати закрытых колодцев, охраняемых сторожем – как правило, бывшим шахтером или рабочим, получившим увечье на производстве.

Первый телефон

Нетрудно догадаться, что и первые телефоны в Юзовке появились по промышленной нужде. Это случилось в 1891 году по инициативе вездесущего на тот момент «Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств». Разрешение на постройку станции было получено 6 августа этого года. Первая телефонная сеть соединила Новосмоляниновский рудник, рудник «Ветка», завод и главную контору «Новороссийского общества». Кроме того, судя

Первый городской пруд

по документам, телефоны были установлены и в квартирах некоторых особо важных служащих.

На фотографии девушки, разговаривающей по телефону, видим юную особу с совершенно неземным выражением лица. Вероятно, люди, пользовавшиеся передовым тогда видом связи, испытывали неподдельное счастье уже из-за одного этого факта. Впрочем, может быть, у девушки просто разговор с любимым... В правой руке она держит стойку с микрофоном для произнесения ласковых слов, в правой у нее – небольшая трубка с приемником, откуда раздаются явно приятные известия. Связь осуществлялась так: крутили ручку на аппарате, в результате возникал импульс, посылавший сигнал на станцию. Там телефонистка выходила на связь, после чего вы могли снимать трубку и просить соединения с нужным вам номером. Телефонистка вставляла штепсель куда надо – и вы могли говорить!

По официальным данным, к февралю 1915 года юзовская телефонная сеть обслуживала 296 абонентов. Протяженность ее линий, опутавших весь город (точнее – уже почти город) составляла 86 верст. Телефонные аппараты, стоявшие в конторах и квартирах жителей Юзовки, были преимущественно

производства фирмы Ericsson. Владельцы мобильных телефонов Sony/Ericsson в этом месте могут прослезиться...

Первый парк

Все началось с городского собора. По всем архитектурным и человеческим нормам, он не мог стоять посреди степи. Поэтому у его стен был запроектирован сквер – он простирался до Садового проспекта. Получился небольшой, но удивительно уютный оазис, наводящий на размышления о нетленном. Разумеется, парком этот сквер нельзя было считать даже условно. А по мере роста Юзовки необходимость именно в парке возрастала.

И на рубеже веков он появляется – под стандартным для тех времен названием «городской сад». Сравнительно небольшой по площади, аккуратно сработанный, аллеи его были прямы, зелень – свежа, дорожки – чисты и, что там греха таить, действительно интимны! Всем своим видом горсад рождает в душе какую-то романтику. Недаром очень скоро он стал общепризнанным местом свиданий, причем не только любовных, но и политических. Именно здесь встречались по своим важным делам юзовские борцы за народной счастье. Происходило это в нижней части Горсада – в зарослях у Первого городского пруда.

Планировка Горсада за истекший век, наверное, изменилась, но как отдельное культурное насаждение оно и сейчас – на прежнем месте. Треугольник между Университетской, «Золотым кольцом» и Первым городским прудом выглядит вполне прилично – по крайней мере, в верхней части. Там, где революционеры не больше двух собирались...

Первые пожарные

Дорожки дореволюционного Горсада освещались газовыми фонарями, которые зажигали и тушили юзовские пожарные – такая была у них дополнительная обязанность.

Юзовская пожарная команда

Вообще, нормальное функционирование местной пожарной бригады началось с 30 сентября 1901 года, а каланчу для борьбы с огнем построили двумя годами раньше. До нашего времени она не дожила, хотя площадь, где она стояла, до сих пор в городе зовут «Пожарной» (при вполне официальном наименовании – площадь Дзержинского). Как свидетельствует исследователь прошлого юзовских «чрезвычайных служб» Николай Ранга, двухэтажное здание стоимостью 10 тысяч рублей для размещения «пожарки» построил завод «Новороссийского общества» (конечно же, он!). Правда, половину дома занимал мировой судья. Первоначальная пожарная команда насчитывала 18 человек во главе с брандмейстером Кодаренко. «На дело» команда выезжала обозом. Впереди – скачок, он разгонял прохожих и указывал коллегам кратчайший путь к месту пожара. За скачком следовали повозки или ходы: линейка с командой, бочка с водой, ручной насос с пожарны-

ми рукавами и, наконец, повозка с лестницами, баграми, крючьями и другим инструментом.

На 25-метровой каланче обязательно должен был нести вахту дежурный. Его сменяли каждые два часа, а зимой – через час. Сигналом о пожаре днем служил красный флаг, а ночью – красный фонарь. Командовал всеми пожарными подразделениями брандмайор – он жил в одноэтажном доме по соседству. Рабочий день пожарного продолжался 12-14 часов, дежурили бесменно, не раздеваясь даже на ночь. Правда, в 1886 году бедолагам было разрешено в виде особой милости на ночь снимать сапоги.

Глядя на снимок первой пожарной команды Юзовки, видим крепко спящую группу парней явно не робкого десятка с лицами разной степени лихости. Брандмейстер, сидящий рядом с озабоченным возницей, величественен, как Бисмарк. С такой командой Юзовка могла быть абсолютно спокойна за свою пожарную безопасность!

Первая газета

Вот это уж – точно примета нарождающегося города! Хотя, если честно, появление первой юзовской газеты – результат скорее политической конъюнктуры, чем осознанная общественная необходимость.

Первый номер «Известий Юзовского района» вышел в октябре 1905 года. Это был разгар русской революции, и властям, вполне естественно, хотелось иметь свой способ промывки местных мозгов. Как вспоминает анонимный обозреватель сайта «Донецк: история, события, факты», выпускал газету Юзовский совет, но поскольку большинство в нем принадлежало меньшевикам, то революционная патетика оказалась не столь явно выраженной, как в пролетарских изданиях. Позже, в 1915-1916 годах, в Юзовке появились еще три газеты, выпускали их местные власти.

Если говорить о первой газете Донбасса, то появилась она не в Юзовке. Скорее всего, это произошло в Мариуполе, кото-

рый возник и развился гораздо раньше. Издание это пазывалось «Мариупольский справочный листок». Краевед Лев Яруцкий в книге «Мариупольская старина» не без тонкой иронии замечает, что «Листок» громко называл себя «общественной торгово-промышленной газетой», хотя выходил три раза в неделю и почти полностью состоял из рекламных объявлений». В постсоветские времена такое «выпячивание груди» станет распространенным среди донецких рекламных газет...

Есть вопрос:

откуда взялись ваши мушкетеры?

Вопрос задают те особо удачливые гости города, которых судьба заносит на поселок Мушкетово. В солидных источниках можно прочесть, что этот донецкий поселок назван в честь Ивана Васильевича Мушкетова, геолога и путешественника, исследователя Тянь-Шаня, пустыни Кызылкум и кавказских вершин. Этот великий человек открыл на Урале группу мышьяковистых золотосодержащих минералов (полную ответственность за последнюю фразу несет Большая Советская энциклопедия). Почему именем Мушкетова назван донецкий поселок? По заявлениям серьезных исследователей, этот великий человек родился в станице Михайловская

области войска Донского. В наших, то есть, краях. Рассказывать любопытствующим гостям города о корнях Ивана Васильевича и о мышьяковистых золотосодержащих минералах утомительно и неинтересно. Версия, которая находит гораздо больший отклик в их душах, выглядит более эффектно. В Донецке, гласит она, родился прадед известного российского актера Михаила Боярского. Прославившись как исполнитель роли молодого мушкетера, шевалье д'Артаньяна, Миша и дал повод назвать один из поселков Донецка соответственно. А кладбище, на котором похоронен его прадед, с тех пор так и называется «Мушкетовское».

Век большой игры

В начале XX века в Юзовке самыми популярными видами спорта были: велоспорт, тяжелая атлетика, гимнастика, борьба и футбол. Существовали различные спортивные общества на нерегулярной основе. Осенью 1911 года вице-губернатор Екатеринославской губернии камер-юнкер Татищев удовлетворил прошение об открытии «Юзовского спортивного общества» – первого регулярного спортивного общества. Оно развивало разные виды спорта, но основным был футбол.

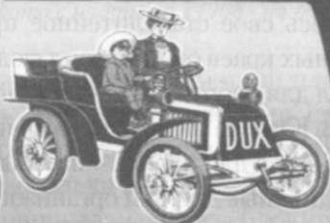
Возможно, первый футбольный мяч в донецких краях появился с первой партией британцев, нанятых Юзом. Однако начало истории организованного футбола – это учреждение «Юзовского спортивного общества» 30 сентября 1911 года. Его правление – просто-таки Лига замечательных джентльменов: почти все – англичане, подавляющее большинство – при больших должностях в «Новороссийском обществе». Джеймс Горботль, например – начальник управления шахт НРО, что-то уровня шефа объединения «Донецкуголь», в более поздних аналогиях. Большой человек. Есть среди англичан из ЮСО начальник вальцовочного цеха металлургического завода, есть зав. домашним производством. Так и видишь, как руководители «Общества» после очередных футбольных баталий собираются, как и положено топ-менеджерам, в сауне и обсуждают жизнь под пиво, водочку и другие удовольствия жизни.

Так это было или иначе, только скоро, похоже, нам отмечать 100-летний юбилей юзовского футбола. Впрочем,

АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

МОСКВА

С-ПЕТЕРБУРГЪ

ДУКСЪ

Ю. А. МЕЛЛЕРА.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ ВО ВСѢХЪ ГОРОДАХЪ.

известный историк донецкого футбола Алексей Бабешко считает, что мы его уже отметили...

Импортированный спорт

Без сомнения, первый футбольный матч у нас был проведен раньше 1911 года. Англичан в Юзовке было предостаточно, и уже в конце XIX века они сходили с ума по футболу: на их родине разыгрывались чемпионаты и кубки, постепенно возникал культ первых звезд. Кстати, интересный факт: первый чемпион Англии, команда «Престон Норт Энд», представляла город, расположенный в юго-западной части Британии. Приблизительно из тех краев вышел дорогой наш Джон Джеймс Юз, более того – в окрестностях Престона у него имелось свое сталелитейное производство. Из тех же футбольных краев он привозил сюда, в Донбасс, английский персонал для работы на заводе «Новороссийского общества».

В Юзовке англичане устраивали для себя «правильные» турниры, а для народа – забавы, мешая спорт с балаганом. «В праздничные дни они организовывали спортивные соревнования для всех желающих. Наиболее активные из рабочих выходили на дорожку и бежали 200 метров с ложкой во рту, а в ложке было яйцо. В другом месте наверху совершенно гладкого, намазанного мылом столба лежали «призовые» часы. Практиковались забеги на 400-800 метров, победитель которых получал приз... 3 рубля», – перечисляет Алексей Бабешко довольно курьезные, на взгляд разумного человека, виды спорта.

Возле своих жилищ англичане устраивали площадки для игр, теннисные корты. Отдельным спортом была охота, в которой практиковалось участие и дам. В общем, содержательный и красивый досуг получался.

Чужие и свои

Одним из самых экзотичных спортивных явлений начала прошлого века стала школа борьбы и тяжелой атлетики,

То самое фото с надписью «1908» на обороте

которую организовал итальянец Шарле на Сенной площади. Этот иностранец «завис» в Юзовке вместе со своим цирком, который совершенно не пользовался популярностью у местного населения – настолько жалок и убог он был. Артисты остались без гроша, непролазная грязь блокировала все выезды из города, тогда у Шарле и возникла идея открыть спортивную школу – исключительно, чтобы заработать на пропитание. Продолжалась эта радость недолго – при первой же возможности итальянец покинул «проклятое место». Через год похожий финт провернул эстонец Андерсон. Тяжелоатлетическую школу он открыл в купеческом доме Животинского (мы знаем это здание как швейную фабрику имени Володарского). Андерсон собрал по 5 рублей со всех желающих, немного их потренировал и отбыл в неизвестном направлении с расторопностью, которая совершенно не ассоциируется с эстонцами.

Но были и другие – те, кто жили в Юзовке и организовывали спортивные общества для себя и своих земляков. Такие существовали долго. Среди местных спортивных энтузиастов Алексей Бабешко выделяет Артема Филина. «В

1905 году под его руководством объединились 35 рабочих-физкультурников. Своими силами на 7-й линии они построили деревянный балаган и начали заниматься тяжелой атлетикой», – говорит историк. У филинского общества были нелегкие времена – «прессовала» полиция, пришлось менять дислокацию. Филин перешел на работу в механические мастерские Рыковского рудника – это предприятие находилось на территории области войска Донского, на левом берегу Кальмиуса, там порядки были более свободные.

Именно в тех краях, условно говоря – на нынешней Калиновке, Филин организовал неформальное общество «Вперед» (105 членов, в том числе и 9 женщин). Есть версия, что весной 1908-го они оборудовали собственную площадку для игры в футбол. Документальных свидетельств этому не осталось, хотя должно было бы – в дореволюционной России бюрократия была на высшем уровне, порядок в документации – идеальный: на все требовалось разрешение. То есть сооружение и площадки, и деревянного балагана должно было согласовываться с местными властями и где-то протоколироваться. В вихре истории много юзовских документов кануло в небытие. Поэтому историки и вынуждены называть «версиями» рассказы о филинских организационно-спортивных подвигах.

Наша первая команда

Но вернемся к фотографии, которую Бабешко считает первым «футбольным документом» Юзовки. На этом снимке – группа людей общим количеством 41 человек. Большинство из них – в полноценной футбольной форме, даже что-то очень похожее на бутсы у них на ногах. Те, кто в светлой форме – команда Юзовского металлургического завода. Второй коллектив, в темных полосатых футболках, темных трусах и гетрах – непонятно кто. В любом случае, встречались не «дикие» команды, о чем свидетельствует такая деталь, как наколенники у обоих вратарей.

И еще один момент, подмеченный зорким глазом Алексея Бабешко. 11 игроков в полосатых футболках четко делятся на две группы. Пять – в обыкновенных рабочих фуражках. «Не надо быть специалистом, чтобы определить, что все они имеют славянские черты лица. Прически и даже то, как они стоят, выдает в них местных жителей. Все это дает возможность предположить, что игроки в полосатых футболках представляли, скорее всего, местную команду», – уверен мой собеседник.

Что касается игроков команды Юзовского завода, то фотография снабжена перечнем их фамилий. Вот наши пятнадцать первопроходцев: Джеймс, Лав, Гиллесли, Локс, Волошинов, Буткевич, Грищенко, Горботль, Армстронг, Гау, Мармазов, Атвуд, Ташайт, Дорре, Масленников. Понятное дело, английские фамилии могли быть искажены местным интерпретатором. Состав команды от руки написан на обороте фотографии. Там же – и дата: 1908.

Где было сделано фото? На заднем фоне четко угадывается заводское народное училище, предполагает Бабешко, и располагалась футбольная площадка. Часть этого здания сохранилась – характерные окна можно увидеть на территории трикотажной фабрики в начале улицы Кобозева.

Спор о дате

Впрочем, имеется и другая трактовка. Руслан Мармазов, донецкий журналист и историк, автор исследования о юзовском спорте, не считает убедительным аргументом надпись «1908» на обороте фотографии. Он убежден, что снимок был сделан позже. «Не могли проводиться официальные матчи раньше 1911 года. Во всяком случае, ни один исторический документ этого не подтверждает», – заявляет Мармазов.

Что такое этот самый 1911-й, мы помним – год основания «Юзовского спортивного общества». Под его эгидой в городке возникла команда, которая стала проводить доку-

ментально зафиксированные матчи. Все, что было до этого – «дикий» футбол. Им могли заниматься сколько угодно, но следов его в архивах не отыщешь. А ведь на фотографии, о которой речь – явно не «дикие» футболисты, как уже говорилось.

Играть команде ЮСО в пределах Юзовки было не с кем, именно поэтому организовалась «Донбасская лига» – соперников наши англичане нашли в Краматорске, Дружковке и Константиновке. Почему именно там, а не, скажем, в уездном Бахмуте (где команда возникла раньше, чем в Юзовке) или в Мариуполе (где имелось сразу два футбольных коллектива)? Руслан Мармазов объясняет это просто: четыре поселка «Донбасской лиги» связывала железнодорожная ветка. Транспортный вопрос по-другому для юзовских спортсменов не решался...

Легенды и мифы

Когда заходит речь о зачинателях спортивного движения в Донецке, неизменно вспоминают Валерьяна Данчича. Этот деятель, участвовавший в революционной борьбе, предстает главным пропагандистом и организатором спорта. С этой точкой зрения Алексей Бабешко категорически не согласен. Его собственные изыскания показывают: фигура это далеко не столь значимая. В воспоминаниях того же Артема Филина, других знатоков дела – К. Масленникова, журналистов М. Лаугмана, Б. Оленко, фамилия Данчича не упоминается. «В то же время явно недооценивается роль спортивного общества «Сокол», получившего в 1906 году благодарность за свою деятельность от царя Николая II», – говорит Бабешко.

Кстати, любопытная деталь: в Юзовке «ячейка» «Сокола» была зарегистрирована 27 февраля 1915 года, и ее первым председателем стала Любовь Антоновна Свицына, жена первого русского управляющего «Новороссийским обществом». Вторым заместителем ее был Георгий Никола-

Плакат, анонсирующий атлетические подвиги А. Филина

дзе – фактический создатель местного «Сокола». Немного странно, что у истоков спортивного движения с отчетливыми панславистскими интонациями стоял грузин, но в царской России русскими были практически все, кроме особо избранных народов...

Конечно, изрядную роль в первоначальной пропаганде спортивных соревнований сыграли англичане. Причем не было такого уж четкого деления на «своих» и «чужих». Как мы видели по составу футбольной команды металлургического завода, там в одном ряду – и англосаксы, и славяне. Бабешко приводит в пример одного из последних, Константина Масленникова – он начал играть в английской команде уже в 19 лет, был ее вице-капитаном. Правда, вспоминая те времена уже при советской власти, замечал: «С моими мыслями англичане далеко не всегда соглашались. Например, они систематически отклоняли мои предложения принять в общество рабочих спортсменов». Тут, вероятно, дело не в каких-то идеологических установках. Членство в ЮСО было связано с довольно внушительными взносами. Как правило, рабочему это удовольствие было не по карману.

Поиски какого-то эксклюзивного основателя юзовского спорта неизменно заводят в тупик. Похоже, такого «гугру» просто не существует. Тот же Данчич – вроде и авторитет, воспитанник знаменитого тяжелоатлетического общества Красвского в Санкт-Петербурге, основатель первого официально известного спортивного кружка в Юзовке. Но слишком скоротечен его след в нашей истории: всего два года прожил он в городе и после 1902-го навсегда его покинул. Если уж и подбирать какую-то более-менее подходящую кандидатуру на «отца-основателя», то Руслан Мармазов предлагает Александра Антоновича Подгайского, чемпиона города по велосипедному спорту и распорядителя Юзовского циклодрома – уникального трека для велогонки, которых по всей империи было – хватит пальцев одной руки, чтобы пересчитать. Подгайский вывел наши локальные соревнования на такой уровень, что о них стали регулярно писать в столичной прессе. Скорее всего, это и есть первое упоминание о юзовском спорте в центральной печати. И было это в 1902 году. Чем не точка отсчета?

Есть вопрос:
почему у памятника Бубке птица на ноге?

Это – один из самых коварных вопросов, который задают гости Донецка. Попытка объяснить, что, по замыслу автора, знаменитый спортсмен сумел взлететь выше птиц и самолетов (которые прицепить к статуе, судя по всему, просто не успели), вызывают у приезжих лишь кривую усмешку. Оно и понятно: как правило, к нам едут эстеты, и смелые донецкие худо-

жественные решения кажутся им жлобской безвкусицей. Сердиться за это на гостей не стоит. Не всем в этом мире посчастливилось родиться в городе, столь оригинальном в смысле искусств. Пусть восхищаются своим Мининым с Пожарским да Богданом с лошадкой, а нам больше по нраву Бубка с птицей. Или, на ~~самом~~ совсем уж худой конец, Ленин с кепкой!

От Бахмута до Новой Каледонии

История Донецка отражена на почтовых марках дореволюционного времени, Советского Союза и независимой Украины. В дореволюционный период было выпущено два вида марок Бахмутского уезда номиналом в 1 и 3 копейки. В советский период городу непосредственно посвящена лишь одна почтовая марка – она вышла в июле 1969 года к 100-летию Донецка. За годы независимой Украины вышли две марки и один почтовый блок в честь города.

К

ак поступал рядовой житель дореволюционной Юзовки, если ему требовалось отправить срочную телеграмму родственнику (знакомому), который был в железнодорожной поездке? Шел он в Юзовскую почтово-телеграфную контору фон Бекмана (что на первой линии) и за соответствующую плату отсылал телеграмму на станцию по пути следования родственника. Далее события развивались следующим образом. Телеграмма приходила на станцию, ее принимал начальник, который вызывал к себе станционного сторожа. Тот брал телеграмму и, впуская своей униформой уважение присутствующим, брел по залам ожидания, кассовым залам и прочим помещениям, выкрикивал фамилию адресата. Если никто не отзывался, депеша передавалась обер-кондуктору, который был обязан пройти по вагонам поезда и найти-таки злосчастного адресата. Только после этого составу давали «зеленый свет».

19 $\frac{21-23}{IV}$ 16 г.

КАКЪ МЫ СТРЕМИМСЯ ПЕРЕ-
ДАВАТЬ БЫСТРО ВАШИ ВѢСТИ,
ТАКЪ И ВЫ, ВСЕГДА ОТЗЫВ-
ЧИВЫЕ, ПОМОГИТЕ БЫСТРѢ
ЗАПОЛНИТЬ НАШИ КРУЖКИ
НА ПУЖАБЫ РУССКИХЪ
ЧУДО-БОГАТЫРЕЙ.

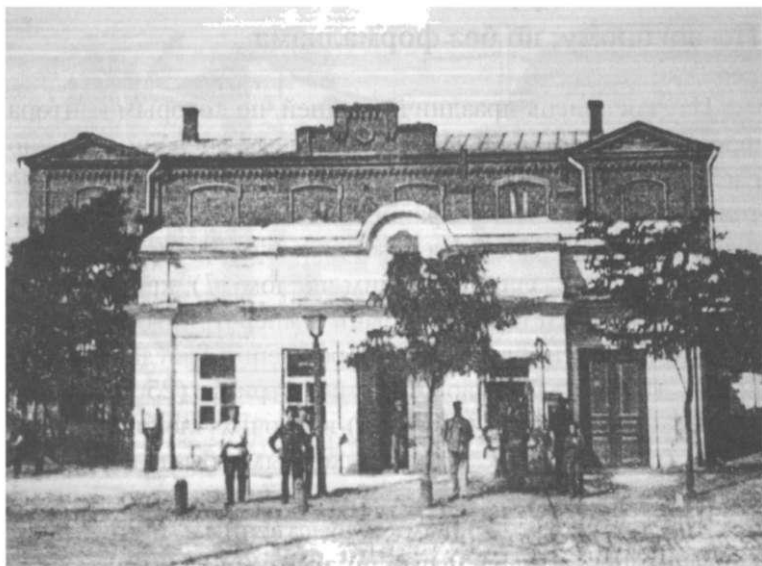
По-военному, но без формализма

Изучая список праздничных дней, по которым контора фон Бекмана не производила почтовые операции, можно сделать вывод: поводы для «красных дат» умели найти не только в независимой Украине. В этом списке – Новый год, первый день Св. Пасхи, первый день Св. Троицы и прочие религиозные праздники (общим числом 17), кроме того – день Тезоименитства Государыни Императрицы Александры Федоровны (23 апреля), дни рождения Государя Императора (6 мая), Государыни Императрицы (25 мая), Наследника Цесаревича (30 июля) и прочих членов царской семьи (всего 8). Разумеется, выходными были и все воскресные дни.

Впрочем, специальным ведомственным циркуляром определялось: «Телеграммы принимаются на правительственных и железнодорожных станциях ежедневно в назначенные часы, не исключая праздников». Часы эти устанавливал местный начальник.

В будние дни почтово-телеграфная контора производила «прием и выдачу корреспонденции, продажу почтовых марок и проч.» с 8 утра до 2 часов пополудни. Кроме того, простую корреспонденцию принимали и выдавали с 5 до 7 вечера. Эти часы были строго регламентированы Министерством почт и телеграфов и являлись единым и непременным для всех городов и поселков европейской части империи (кроме столичных и губернских центров). Строгое соблюдение распорядка дня на почтах неукоснительно контролировалось: порядки в этом ведомстве были вполне военные.

Но при этом о принципах здравого смысла старались не забывать. Вот пример. Обычно личность получателя удостоверялась документом – видом на жительство или эквивалентным (предъявлять который, кстати, мог не только адресат, но и его доверенный). Так вот, в дореволюционных почтовых правилах предписывалось: «Предъявление пас-

Юзовка. Почтово-телеграфная контора

порта или удостоверения личности не должно требовать, если данное лицо или подпись его известны почтовому учреждению». И далее: «Почтовыми учреждениям вменяется в обязанность во всех случаях руководствоваться общим смыслом настоящего циркуляра, отнюдь не затрудняя публику излишними формальностями».

«Доставку пчел гарантируем!»

Как выглядела процедура отправки посылки? Приблизительно так же, как и сегодня. Сформировав посылку на дому (более популярным типом ее тогда был не деревянный ящик, а узел), относили ее в почтовую контору, причем помимо надписи о месте назначения, сама посылка должна была иметь отдельный «сопроводительный адрес» на бланке установленного образца с отрезным купоном. Бланки были разноцветными: белые – для посылок без цены, розовые – для ценных. Продавались они во всех почтовых кон-

торах по 1 копейке за 2 штуки. И поскольку неграмотный народ еще встречался, работник почты мог, по желанию, заполнить бланк или нанести надпись на посылку.

Цены уже вряд ли о чем-то кому-то скажут, но давайте все-таки посмотрим на одну цифру: за доставку отправлений до 2 фунтов весом в пределах европейской части приходилось платить 25 копеек. Почтовые сборы были: весомой, страховой, комиссионный, за расписку, за сургуч и (при необходимости) за доставку на дом. Оплачивались они почтовыми марками.

Пересылали по почте... Да практически все, что угодно. Даже живых пчел – правда, оговаривалось, что для этого требуются прочные металлические или деревянные ящики с отверстиями для воздуха и что принимаются такие дорожные ульи только для перевозки по железной дороге и паромом.

Без скандалов, но не без конфликтов

Юзовская почтово-телеграфная контора фон Бекмана, если судить по ее описаниям, была местом тишайшим. Здесь: а) не кричали на посетителей; б) не скандалили сами посетители. Не было: а) изнуряющих очередей; б) работников почты, ушедших в неизвестном направлении на неопределенное время. Похоже, что люди тогда умели еще идти навстречу друг другу. В документах Донецкого областного государственного архива приводится и пример из жизни. По правилам, свернутые в трубку бандерольные отправления не должны были превышать 17 вершков в длину и 2 вершков в ширину. Если обыватель приходил с негабаритным пакетом, почтовый служащий покорно вооружался необходимым инструментом и подгонял бандероль под требуемый стандарт. Причем, что характерно: если клиент был новичком в деле почтовой упаковки, его обслуживали бесплатно (а клиентов в конторе фон Бекмана знали в лицо и новичков от ветеранов отделяли на раз).

Конечно, совсем без конфликтов обойтись не могло. На этот случай близ конторы располагался городской. Он довольно часто уделял внимание почтово-телеграфному заведению, где его знали, как родного, и были в курсе его семейных дел. На крайний случай, он мог вмешаться и успокоить клиента, недовольного тем, что приемщик, например, отказывается принимать посылку с «жирными предметами», утверждая, что это может нанести вред другой корреспонденции и казне (был такой шумный случай в 1911 году).

Кстати, еще одно правило: если обнаруживалось, что в бандерольном отправлении, письме или закрытом ценном пакете вложены деньги, «имеющие отношение к империи», четверть этих денег конфисковалась.

Каждое слово имеет цену

Кое-что о работе телеграфа. Как уже говорилось, работал он фактически без праздников. Телеграммы не должны были содержать «неупотребительных в языке словосочета-

ний или оборотов и сокращений». Максимальная длина слова определялась в 15 букв, излишек считался отдельным словом. Отправление телеграммы стоило 15 копеек, стоимость слова составляла 5 копеек (для удаленных частей империи – дороже). Срочность повышала ценность услуг втрое. Если адресат менял место жительства, телеграмма обязательно отправлялась ему вдогонку. Один и тот же текст можно было при желании и необходимости высылать нескольким адресатам (как это делает теперь электронная почта).

Можно ли было из забытой богом Юзовки телеграфировать за рубеж? Вполне, причем в любую точку земного шара. Список телеграфных тарифов для передачи сообщений в другие страны, имеющийся в конторе фон Бекмана, занимал два листа очень убогим шрифтом. Была здесь и Африка, и Австралия, даже Океания. Вот некоторые тарифы на 1906 год: для Австро-Венгрии – 11 копеек, Гибралтара – 25 копеек, Новой Каледонии – 1 рубль 17 копеек. Телеграфировать туда было не намного сложнее, чем в Бахмут или Мариуполь.

Вот таким образом жила и действовала юзовская почта. Совсем не подозревая, что работа этого ведомства может выглядеть как-то иначе.

Есть вопрос:

где расположены донецкие куранты?

Главные часы города украшают здание Главпочтамта на углу улицы Артема и Комсомольского проспекта. Они установлены в 1963 году и имеют чертовски сложное устройство. Во всяком случае, по ним можно опреде-

лить время в любом часовом поясе земного шара. Интернационализм наших главных часов, безусловно, свидетельствует о том, что Донецк – город, распахнутый всем ветрам. Донецк – город ми-

Его звали Никита

Никита Сергеевич Хрущев (5 (17) апреля 1894 – 11 сентября 1971) – первый секретарь ЦК КПСС с 1953 по 1964 годы, председатель Совета Министров СССР с 1958 по 1964 годы. Герой Советского Союза, трижды Герой Социалистического Труда. Первый лауреат Шевченковской премии. Развенчал культ личности Сталина. Начинал свою рабочую и партийную карьеру в Юзовке.

В конце 50-х годов Никита Сергеевич Хрущев в последний раз посетил практически родной ему город Сталино. Помимо официальных мероприятий, случался и всякий оживляж, характерный для тогдашнего главы Советского Союза. Вспоминают, например, эпизод с цыганами. Хрущев встретил ватагу этого народа где-то на городской окраине. Заинтересовался, спешился. Завязалась беседа. Хрущев пристыдил цыган: «Что, мол, вы все кочуете, что живете гаданиями и конокрадством? Нет, чтобы поработать на благо Родины». Ответствовали ему цыгане: «Да мы всегда так жили и жить будем». Возмутился глава государства. И во время запланированного позже выступления на стадионе «Шахтер» рассказал о дискуссии с цыганами, пообещав: «Я все-таки заставлю их работать!» Как видим по историческому результату, Хрущев был далеко не всемогущ...

От Калиновки до Боссе

Никита Хрущев родился в Калиновке, но не в нашей – так называлась некая деревенька под Курском. Первая

*Патрістично
и выгодно!*

Покупайте

**ВОЕННЫЙ
5½% ЗАЕМЪ**

строка в его трудовой биографии – «подпасок», то есть – младший пастух. В 1908 году семья Хрущевых переместилась в Юзовку. Причина была банальной: все знали, что здесь заработки получше и жизнь полегче.

Поселились на Успенском руднике – сейчас это район бывшей фабрики игрушек. Местные жители до сих пор культивируют легенду о том, что там более-менее здравствует одна из ранних симпатий Никиты – столетняя бабушка, которая любит рассказывать о своем романе с будущим генеральным секретарем. Обнаружить эту историческую фигуру так и не удалось...

На Успенке Никите опять пришлось работать со скотиной. «Я уже был подростком, мне исполнилось четырнадцать лет, и я там работал на пахоте погонщиком волов. Труд для моего возраста был тяжелым, надо было поднимать ярмо, запрягая волов в плуг», – вспоминал он в мемуарах. Впрочем, уже через несколько месяцев Никита бросил это гиблое дело и поступил учеником слесаря на завод Боссе и Генefeldы. Там он проработал до 1912 года, когда из-за участия в забастовочном движении был уволен без выходного пособия.

Во время своего последнего визита в наш город Хрущева привезли на машиностроительный завод, где он обнаружил любовно оформленный мемориальный верстак, за которым якобы трудился. Но вместо умиления Никита Сергеевич исторг из себя бурю возмущения, увидев новенькие тиски. «Если хотите показать, как было при мне, поставьте тиски вроде тех, которыми я пользовался. А эти отдайте какому-нибудь рабочему!» – кричал Хрущев. Конечно, ситуацию немедленно исправили...

Футболист, велосипедист, революционер

Но вернемся в начало века. Без работы молодой Хрущев проходил недолго: вскоре он устроился на рутченковскую шахту № 31. Это был непростой молодой чело-

Машиностроительный и Чугуннолитейный заводъ

ИНЖЕНЕРОВЪ

БОССЕ и ГЕННЕФЕЛЬДЪ

Ю З О В К А

Екатериниславской губернии.

ПРОИЗВОДСТВА:

Паровыя машины — углетопящныя машины.

Паровыя и ручныя лебедки, паровые котлы вертикальные и горизонтальные.

Паровые и ручные насосы и вентиляторы.

Паровыя водоотливныя машины.

Шкивы ремённые и канатные до 4-х метровъ диаметръ.

Катки до наибольшаго размѣровъ съ разн. системою парашютовъ.

Самоотбѣляющіе аппараты и остаковочныя снаряды.

Поворотные круги. — Вагонетки разныхъ видовъ.

Бремсберги и буровыя инструменты.

Реклама продукции родного хрущевского предприятия

век. Тянуть лямку, как все, он не хотел — хотя и ленивым его нельзя было назвать. Вот какой портрет «непростого парня» дают в своей книге «Пять выборов Никиты Хрущева» его внук Никита Аджубей и Гавриил Попов: «Он был типичным представителем лучшей части российского рабочего класса. С одной стороны, какое-никакое образование, навыки, культура, привычки к определенному типу поведения, безусловная рабочая интеллигентность. С другой стороны — неудовлетворенность своей жизнью и ее перспективами. И понимание полной невозможности для себя перейти в ряды другой социальной группы. Отсюда — растущее осознание того, что мировой порядок, окружающий мир, должен быть изменен, но осуществлено это может быть только через катаклизм, крушение всего и вся».

Уже тогда Никита Сергеевич состоял из контрастов (что вообще будет определять его политическую карьеру). С одной стороны, был готов вписаться в систему: неплохо зарабатывал, даже имел велосипед (довольно круто по тем временам), умел щеголевато одеться. Рано женился, обзавелся семьей – в возрасте чуть больше 20 лет уже имел сына Леонида и дочь Юлию. Но с другой стороны – та самая «неудовлетворенность», о которой пишут Аджубей и Попов. Она и привела к большевикам. В итоге, Хрущев получил от них гораздо более того, о чем мог мечтать.

Уже став крупным человеком, Никита Сергеевич любил вспоминать, что играл по молодости в футбольной команде. Что и говорить – разносторонний был человек.

Нина и новый формат

К началу 20-х годов жизнь молодого Хрущева переформатировалась. Во-первых, пройдя через гражданскую войну, он окончательно стал человеком системы, одним из самых перспективных молодых большевиков Юзовки. Во-вторых, рухнула его первая семья: любимая супруга, Ефросинья Писарева, умерла, и Никита остался вдовцом с двумя маленькими детьми на руках.

Один из этих детей, Леонид, позже станет летчиком и во время Великой Отечественной войны погибнет в воздушном бою. Самолет его не нашли, что породило миф: мол, сын Хрущева, как и первый сын Сталина Яков Джугашвили, попал в плен к немцам и даже согласился на сотрудничество. Якобы отказ Сталина обменять сына Хрущева на кого-либо из военнопленных стал поводом для разлада между вождями...

Итак, личную жизнь Хрущеву надо было строить заново. И он сделал это через пять лет, вступив в гражданский брак с Ниной Петровной Кухарчук. Молодых людей познакомила старая юзовская большевичка Серафима Гопнер. Нина к тому времени была заслуженной личностью – геро-

Никита Сергеевич Хрущев в юзовские годы

иня одесского молодежного подполья, воевала на польском фронте. В Юзовке она оказалась, в общем-то, случайно: ехала в Москву, на новое место назначения, но заболела тифом. Серафима Гошнер и познакомила Кухарчук с Хрущевым. Молодые люди понравились друг другу, и Нина решила остаться в Юзовке.

Историк Кость Бондаренко пишет о том, как Никита и Нина влияли друг на друга: «Нина пыталась привить Никите украинские традиции, сделать из него украинца. Он стал ходить в вышитой рубашке, употреблять в разговоре украинские слова, учить украинскую историю (язык так и не выучил), петь украинские песни. Вскоре это «украинофильство» пригодится Хрущеву – Сталин дважды назначал Никиту Сергеевича первым секретарем ЦК Компартии Украины, а умение веселить Сталина украинским гопаком спасло Хрущева (которого воспринимали как шута или юродивого) от репрессий и расстрела. Никита Сергеевич, в свою очередь, настоял на том, чтобы Нина Петровна отказалась от курения (сам он был ярким противником курения, да еще и возглавлял на Донбассе общество трезвости)».

Бульдозерный финиш

К тому времени Никита Сергеевич уже крепко пошел по партийной линии, параллельно учась в горном техникуме. «Будущий глава Советского государства внешне ничем не выделялся среди студентов: ходил в суконной рубашке под пояс, суконных брюках, носил кепку. Жил в общежитии вместе с тремя студентами», – вспоминает очевидец. После окончания горного техникума в 1924 году возглавил только что созданный Петрово-Марьинский райком. В конце 20-х годов он, по настояниям Нины, попросится на учебу в Промышленную академию, в Москву. Там он и осядет...

В Сталино останется дом-музей Хрущева – тот самый домишко возле фабрики игрушек. Рассказывают, что бук-

вально на следующий день после снятия Никиты Сергеевича со всех постов это заведение снесли бульдозером. Так было стерто самое явное свидетельство его пребывания в нашем городе, который по его инициативе переименовали в Донецк. Осталось множество следов неявных – вроде той бабушки, которая рассказывает всем о своем романе с Хрущевым...

Есть вопрос:

правда ли, что из Юзовки вышел еще один «сталинский нарком» – Каганович?

Именно так! Причем и с Хрущевым они познакомились здесь – еще до революции на одном из митингов. Встречались они и на съездах рабочих депутатов. «Я, – вспоминал позднее в своих мемуарах Никита Сергеевич, – не знал, что он Каганович, я его знал как Кошеровича. Каганови-

чу я не только доверял и уважал его, но, как говорят, и стоял горой за него». Помощь была обоюдной: первые ступеньки высшей партийной иерархической лестницы Хрущев преодолел при активной поддержке Лазаря Моисеевича, к которому тогда весьма благоволил Сталин.

1917 1930

Белая армия, черный шахтер...

Сентябрь и первая половина октября 1919 г. были временем наибольшего успеха антибольшевистских сил. Умело наступавшие войска Деникина к октябрю заняли Донбасс и обширную область от Царицына до Киева и Одессы. 6 октября деникинцы заняли Воронеж, 13 октября – Орел и угрожали Туле. Большевики были близки к катастрофе и готовились к уходу в подполье. С середины октября 1919 г. положение белых армий Юга заметно ухудшилось. Тылы были разрушены махновским рейдом по Украине, большевики заключили перемирие с поляками и с петлюровцами. В октябре Красная армия перешла в контрнаступление. Зимой 1919-1920 гг. деникинские войска оставили Харьков, Киев, Ростов-на-Дону и Донбасс.

Донбасс – пролетарский район. Это бесспорно даже сейчас. Среди дончан шахтеров и металлургов все еще больше, чем охранников и официантов. А в начале XX века шахтерами и металлургами тут были все. Поэтому большевики автоматически считали Донбасс «своим». Но как реально обстояло дело? Такими ли уж одноцветно «красными» были донецкие пролетарии? Оказывается, нет! Оказывается, донецкие шахтеры воевали и против «красных»! В этом вопросе я постарался разобраться, отталкиваясь от материалов, собранных донецким юристом и исследователем Евгением Ковалем.

Дроздовцы и корниловцы

Как ни удивительно, довольно внушительная шахтерская прослойка обнаруживается в самом элитном и кастовом из белогвардейских формирований – Добровольческой армии. Документы свидетельствуют о том, что шахтеры числились в двух легендарных подразделениях.

Донецкий отряд численностью в 2,5-3,5 тысячи человек (плюс 13 орудий) был создан в декабре 1918 г. в составе Дроздовской дивизии. Вот что пишет об их боевых качествах очевидец: «Лучшими дроздовскими солдатами почитались наши шахтеры, они были буквально на вес золота. С тех пор ординарцы и вся связь были шахтерскими. Шахтеры Государева Байрака до конца стояли вместе с нами».

Дроздовская (3-я стрелковая) дивизия, созданная в 1917 г. в Бессарабии, считалась одним из самых боевитых подразделений Добрармии. Ее слава обеспечила ей «именную» песню «Шли дроздовцы твердым шагом» (впоследствии большевики переделали ее в известную всем «По долинам и по взгорьям»). Название она получила по имени командира – генерала Михаила Гордеевича Дроздовского, полного кавалера ордена святого Георгия.

Донецкий след обнаруживается и в другом знаменитом подразделении. Созданное в июне 1917 г. в 8-й армии (командир – генерал Лавр Корнилов) как 1-й Ударный отряд (два батальона по 1 тысяче человек каждый, три пулеметные команды и разведчики), оно вскоре было развернуто в четырехбатальонный, получивший название Корниловского ударного полка. После Октябрьской революции несколько сотен его офицеров пробились на Дон, где восставили свой полк (под командованием полковника Неженцева). Так возникло ядро Добровольческой армии. Зимой 1919 г. под именем «Корниловская» воссала уже дивизия. К ней и был присоединен сформированный в Азове преимущественно из донецких шахтеров 4-й Корниловский ударный полк.

Откуда они взялись?

Но как попадали в Белую гвардию донецкие пролетарии? Ведь любят говорить, что Добровольческая армия (точнее – Вооруженные силы Юга России, ВСЮР) формировалась исключительно из офицеров. Действительно, все начиналось именно так – очень красиво и чертовски принципиально. Постепенно, однако, становилось ясно, что столкновения с реальностью эта чистая идея не выдерживает. Людей война требовала все больше и больше, а офицеров для пополнения рядов становилось все меньше и меньше. Поэтому белогвардейцы были вынуждены пойти по большевистскому пути – мобилизации (если понадобится, то и насильственной) местного населения. Правда, к привлечению шахтеров подходили крайне осторожно. Как писал один из белогвардейских командиров, «во-первых, по своим политическим симпатиям шахтеры не были явно на белой стороне и потому являлись элементом ненадежным. Во-вторых, мобилизация рабочих немедленно уменьшила бы добычу угля». Да и вообще, насильственная мобилизация давалась с трудом: «Близость большевиков и неуверенность, на чью сторону склонится завтра военное счастье, побуждали население уклоняться от мобилизации и выжидать».

При этом никакой особо вдохновляющей идеи (кроме восстановления батюшки-царя и возвращения старых порядков) «белые» предложить местному населению не могли. Вот как вспоминает об этом в своей книге «Записки белого партизана» один из самых «распопсованных» командиров Добрармии генерал Андрей Шкуро: «Даже мы, старшие начальники, не могли теперь ответить на вопрос: какова же в действительности программа Добрармии даже в основных ее чертах? Что же можно было сказать о деталях этой программы, как, например, в ответ на вопрос, часто задававшийся мне шахтерами Донецкого бассейна: каковы взгляды вождей Добрармии на рабочий вопрос? Смешно сказать, но приходилось искать добровольческую идеоло-

гию в застольных сличах и речах, произнесенных генералом Деникиным по тому или другому случаю; простое сравнение двух-трех таких «источников» убеждало в неустойчивости политического мировоззрения их автора и в том, что позднейший скептицизм и осторожность постепенно аннулировали первоначальные обещания».

Кто ими командовал?

Командиром Донецкой группы (а позже и всей Добрармии) был колоритнейший человек Владимир Зенонович Май-Маевский (выведенный как Владимир Зиновьевич Ковалевский в телефильме «Адъютант его превосходительства»). В армию Деникина он вступил весной 1918 года на Дону, зачислен в Дроздовскую дивизию рядовым солдатом (так начинали все независимо от того, кем они были в «прежней жизни» — прапорщиками или генералами). После смерти Дроздовского в январе 1919 г. стал командиром дивизии. 19 декабря 1918 г. дроздовцы были переброшены в Донбасс. С 22 мая 1919 года с преобразованием Донецкой группы войск в Добровольческую армию Май-Маевский стал ее командующим.

Его начальник, генерал Антон Иванович Деникин, так пишет о Май-Маевском: «Храбрый солдат и несчастный человек, страдавший недугом запоя, боровшийся и не поборовавший его». А вот воспоминания Бориса Штейфона, еще одного белогвардейского генерала, служившего под началом Май-Маевского: «Впервые я встретился с ним в декабре 1918 года в Юзовке. Среднего роста, полный, с профилем «римского патриция времен упадка», он был красен и возбужден... В дальнейшем я стал чаще встречаться с генералом Май-Маевским и убедился, что он действительно питает слабость к вину. Слабость обратилась в привычку... В фигуре Май-Маевского было мало воинственного. Страдая одышкой, много ходить он не мог. Но, бесспорно, в душе Мая горел тот огонек, какой отличает всякого истинного военного. И когда этот

огонек не бывал заливаем вином, Май-Маевский проявлял и ясный ум, и правильность суждения. В Донецком бассейне благодаря влиянию генерала Агапеева и старших чинов штаба Май если и пил, то пил сравнительно умеренно. Он любил пить в компании, вести при этом разговоры, а для подобного времяпрепровождения обстановка ежедневных боев мало располагала. Да и не было подходящих компаньонов».

Как они воевали?

В Донбассе «белые» были дважды: с конца 1918-го по апрель 1919-го и с июня 1919-го до начала 1920 года. Причем во второй половине 1919-го Донбасс стал уже не линией фронта, а тылом: деникинские войска развили неудержимое, казалось, наступление на Москву. Донецкие капиталисты в октябре учредили миллионный приз (никалаев-

скими деньгами) тому из полков Добровольческой армии, который первым вступит в Белокаменную. Но, как мы знаем, этого не случилось, и наши олигархи сэкономили деньги на расходы в эмиграции.

А потом было стремительное контрнаступление большевиков, слава Первой конной армии Буденного. Вдохновляя своих бойцов, в армейской газете «Красный кавалерист» красный командир товарищ Ворошилов писал: «Крепче же зажми винтовку, красный воин; получше приготовься, красный храбрый кавалерист, и стройными стойкими рядами сметем деникинские банды с лица пролетарского Донецкого бассейна». После упорных боев, как пишут большевистские источники, «1-я конная армия к началу 1920 года освободила Донецкий бассейн от белогвардейской нечисти».

Есть вопрос:
правда ли, что в Юзовке воевал сам барон Врангель?

Воевать – не воевал, но штаб Петра Николаевича Врангеля, главнокомандующего Добровольческой армией во второй половине 1919 года, в Юзовке стоял. Более того, именно здесь Врангель написал обращение к армии, послужившее причиной его отставки. Не сумев найти общего языка с начальником – командующим Вооруженными Силами Юга России генералом Деникиным – барон открыто обвинил того в неадекватности и тактических просчетах. Справедливости ради, надо отметить, что подобные рапорты

он сочинял и раньше: разногласия между генералами зашли очень далеко и переросли в политический конфликт (Врангеля поддерживали консервативные силы «белого движения», Деникина – умеренные либералы). Формально, Врангель был не прав, нарушал армейскую субординацию – так что решение Деникина отстранить его от командования вполне можно оправдать. После разгрома ВСЮР Врангель переправился в Крым, где начал формировать новую армию из остатков белогвардейских частей.

Батька и Левка

Нестор Иванович Махно (настоящая фамилия Михненко; 26 октября (8 ноября) 1888, село Гуляйполе, Александровский уезд, Екатеринославская губерния – 25 июля 1934, Париж, Франция) – анархист, в 1918-1920 гг. главарь отрядов крестьян-повстанцев, действовавших на южном театре гражданской войны, в том числе в Донбассе. Известен как батька Махно (официально подписывал так некоторые приказы).

Известный белогвардеец Сергей Мамонтов в своей книге «Походы и кони» подробнейшим образом рассказывает о том, как жилось ему и его товарищам по борьбе в Юзовке, отбитой у красных. Среди прочего, приводит такой эпизод: «Как-то в Юзовке, переходившей много раз от одних к другим, я разговорился с крестьянином. «За кого вы, собственно, стоите?» – «А ни за кого. Белые грабят, красные грабят и махновцы грабят. Как вы хотите, чтобы мы за кого-то были?..» Он только забыл прибавить, что они и сами грабят. Рядом было разграбленное имение».

Махновцы вносили в эту сумятицу грандиозный вклад: по территории области их мобильные отряды шатались вовсю. Иногда, правда, нарывались на неприятеля.

Героическая смерть махновской лошади

Поскольку батька Махно старался сделать свою народную армию носителем любезных его сердцу анархистских идей, то население старался лишний раз не

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

Иллюстрация к поэме Владимира Маяковского «Сорок первый»

1. Я, как человек, обещаю, что в случае необходимости буду бороться, бороться до конца, бороться до победы с любыми и любыми силами.

2. Я обещаю, что в случае необходимости буду бороться, бороться до конца, бороться до победы с любыми и любыми силами.

3. Я обещаю, что в случае необходимости буду бороться, бороться до конца, бороться до победы с любыми и любыми силами.

4. Я обещаю, что в случае необходимости буду бороться, бороться до конца, бороться до победы с любыми и любыми силами.

озлоблять. Начиналось все с пропаганды и агитации. Упор делался на деревни, где проводили митинги с призывом вступать в ряды борцов за вольные Советы. Временами это делалось в открытую, параллельно с продвижением крупных формирований, временами – как вид подрывной пропаганды. Именно при выполнении такой акции в июле 1920 года близ Старомихайловки задержали двух махновцев. Допросили, посадили в сарай. Ночью арестованные попросились выйти по великой нужде. Далее все шло по стандартной схеме: попытка побега и стрельба на поражение. Пули легли удивительно точно.

Рабочие к Махно относились более индифферентно. Он к ним – с явным недоверием, отсюда рождались мелкие инциденты. Но бывали эпизоды и покруче. Одно из подразделений батьки при постое на Трудовском руднике было «сдано» ЧК одним из местных жителей. Пришлось бежать, отстреливаться. Но, выждав, пока страсти улягутся, молодцы вернулись, чтобы отомстить. И плохо пришлось тогда Трудовскому руднику. На глазах у мужчин махновцы насильовали местных женщин. После такого инцидента трудовские рабочие, естественно, прониклись классовой сознательностью и быстро сформировали отряды для борьбы с батькой.

29 июня в районе Гришино произошла схватка красноармейцев с анархистской армией. У Махно было 1,5 тысячи сабель, 1 тысяча пехоты, 100 пулеметов и 8 орудий. Костяк этого подразделения составили сдавшиеся в плен красноармейцы 42-й дивизии. К Гришино из Юзовки выдвинулся командир красной бригады с двумя батальонами ВОХР. Эти силы и вступили в бой с превосходящими силами противника. Бой длился 3 часа. Вохровцам неожиданно удалось смять порядки махновцев, но от бегства тех удержало присутствие батьки, который повернул свои войска в атаку. Красные батальоны были разбиты вдрызг. Ход сражения излагается по сообщению командира, поэтому, конечно, вина за поражение возло-

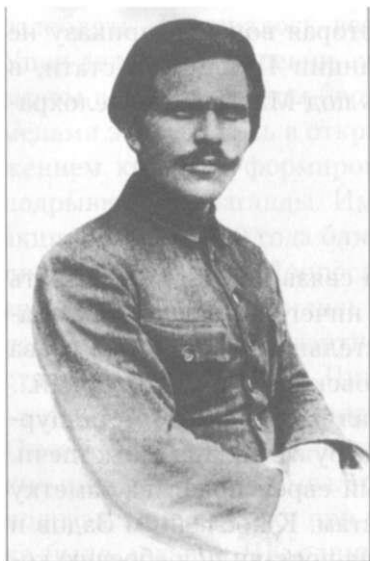
жена на чешскую бригаду, которая вопреки приказу не двинулась на подмогу со станции Гришино. Кстати, в этом бою были убиты лошадь под Махно и его телохранитель.

Юзовский нянь

А еще была у Махно одна связь с Юзовкой, назвать которую «прочной» – значит, ничего не сказать. Гражданином именно нашего замечательного города был глава его контрразведки Лев Зиньковский-Задов. Тот самый...

До революции Лева работал на Юзовском металлургическом заводе каталом – загружал плавильные печи. Огромного роста, здоровенный еврей попал на заметку социал-демократам и анархистам. К последним Задов и примкнул окончательно. Парня поставили в «боевую команду», исполнявшую «экссы» (проще говоря, налеты для пополнения партийной кассы). Неудивительно, что при таком повороте карьеры Лева вскоре загремел на восемь лет. Успел отсидеть половину, и был освобожден Февральской революцией. Вернулся в Юзовку и как выдающийся борец с режимом был избран депутатом городского Совета. Поступил в Красную гвардию, вырос до начальника штаба полка, но не сошелся с большевиками по идейным соображениям, вернулся на Украину и, в конце концов, примкнул к любезной его сердцу анархической вольнице батьки Махно.

Когда его будут допрашивать в НКВД, Задов опишет эту ситуацию так: «Оставаясь анархистом и не желая в силу политических убеждений продолжать участие в Красной армии, я уехал на Украину, ставя перед собой цель пробраться в Юзовку для ведения в тылу немцев подпольной анархистской работы. В Юзовке мне стало известно, что в Запорожском уезде оперирует отряд, возглавляемый Махно, именовавшим себя анархистом...» В общем, они нашли друг друга. Очень скоро батька оце-

Батька..

...и Левка

нил организаторские и лидерские способности нового соратника – поручил ему ведение контрразведывательной работы, приблизил к себе и вообще...

Как свидетельствует публицист Вячеслав Воронков, «для самого батьки Махно он стал настоящей нянькой. Нестор Иванович в боях с красными войсками был шесть раз ранен. Одна пуля вошла в бедро и вышла в районе прямой кишки, вторая вонзилась в затылок и вышла через щеку, раздробив челюсть. У Махно были перебиты ноги, и Задов носил его на руках, ухаживал, словно за малым ребенком».

Одесский куплетист

Лева Задов был человеком, что называется, харизматичным. Вот как описывает его сын Вадим Зиньковский (понятно, что с пристрастием, но все же): «У отца был сильный приятный баритон, к тому же он был хорошим рассказ-

чиком. От рассказов отца люди и смеялись, и плакали. Помню одну из историй – что-то вроде анекдота того времени, рассказанную отцом. Гражданская война. Поезд, битком набитый мешочниками. Нападают бандиты, начинают грабить, отбирают все до последнего. Паника, суета. В уголке сидит старый еврей, склонившись над своим мешком. Бандиты увидели его, подбегают: «Ах ты, жид!» – «Нет!» – «Тогда скажи «кукуруза»! В ответ на это старый еврей поет следующее (жаль, письменно невозможно передать особую «местечковую» интонацию, еврейский акцент тех лет): «Я не евгей и не коммисаг. Меня не зовут Иу-у-да. Я вам пгавильно по-гусскому скажу, ай куку-гуза!»... Из писателей отец больше всего любил Ф. Достоевского».

А больше всего не любил, наверное, Алексея Толстого. В «Хождении по мукам» Лева Задов выведен каким-то одесским куплетистом, шутом гороховым с садистскими замашками, от которого натерпелась одна из героинь. Именно такой, искаженный образ этого человека утвердился в массовом сознании. А фраза, придуманная Толстым – «Я Лева Задов, и со мной шутить не надо! Я тебя буду пытаться, а ты мне будешь отвечать!» – стала практически фольклорной.

Конечно, Задов существенно помогал Махно при завоевании Донбасса. В сентябре 1919 года армия батьки совершила свой знаменитый рейд по тылам белых по маршруту Бердянск – Мариуполь – Волноваха – Юзовка. В телесериале «Девять жизней Нестора Махно» появление батьки в Юзовке происходит на фоне железнодорожной станции, в которой ничего общего с прототипом не угадывается. Между прочим, за этот рейд Нестор Иванович получил от большевистского командования один из первых орденов Красного Знамени – высшей награды республики. Правда, потом не нашел общего языка с Троцким, мечтавшим загнать махновские соединения в стойло Красной армии, и ушел на «вольные хлеба» – воевать против всех.

Махновская тачанка в хорошо отреставрированном виде

Но свои люди в Юзовке у него остались – несмотря на то, что «художества» хлопцев батьки и вызывали в городе злобу и гнев. Именно эти люди спасут его двумя годами позже, именно их наличие породит одну местную легенду.

Клад батьки Махно

В конце 1920 года после окончательного разрыва с большевиками Махно вынужден был оставить родное Гуляйполе. Дальнейшие события в изложении биографа батьки, известного анархиста Петра Аршинова выглядят так: «Три тысячи бойцов-революционеров были окружены войском в 150.000 человек. Махно ни на минуту не потерял мужества и вступил в героическое единоборство с этими войсками. Окруженный со всех сторон красны-

ми дивизиями, он, как сказочный герой, шел, отбиваясь направо, налево, вперед и назад. Разбив несколько красноармейских групп и взяв в плен свыше 20.000 красноармейцев, Махно пошел было на восток, к Юзовке, но, как его предупредили юзовские рабочие, ему был устроен сплошной военный заслон, и он вдруг круто повернул на запад и пошел фантастическими, ему одному ведомыми путями. Сторонясь дорог, армия сотни верст двигалась по снежным полям, руководимая каким-то изумительным способом и умением ориентироваться в снежной пустыне. Этот маневр дал возможность армии махновцев увернуться от сотен орудий и пулеметов, смыкавшихся вокруг нее, и в то же время разбить на Херсонщине под с. Петрово две бригады 1-й конной армии, считавших, что местопребывание Махно находится за сто с лишним верст от них».

Итак, юзовские «люди Левы Задова», вовремя сообщившие Махно о засаде, фактически спасли его и продлили агонию анархической армии. Ну а где же легенда?

А легенда заключается в том, что в старой части Юзовки (предположительно – где-то на Ларинке) в одном из домов батька, оставляя город, схоронил армейскую казну – баснословные богатства в золоте и драгоценных камнях. Оставил верным людям, чтобы при возвращении востребовать и продолжить борьбу за правое дело. В Донецке до сих пор еще ходят разговоры о том, как в 20-е годы искатели кладов шарили по подвалам и огородам, надеясь отыскать сказочные богатства.

Говорят, дыма без огня не бывает. Вероятно, юзовская история – всего лишь отголосок более масштабной легенды о кладе батьки Махно. В севастопольской газете «Графская пристань» были помещены воспоминания одного ветерана Великой Отечественной, воевавшего с Аллой Зиньковской – дочерью Задова. Вот что рассказывал этот старик: «В ходе очередного налета тяжело ранило нашу Аллу. Мы приходили ее проводывать. В один из ве-

черов так получилось, что я остался возле нее один. Не знаю, может быть, она предчувствовала свою близкую кончину, но почему-то именно мне она, тяжело дыша, рассказала о том, что за несколько дней до расстрела ее отец сумел упросить конвоира встретиться с дочерью. Посулил бриллиант в восемь карат. Лев Зиньковский рассказал Алле, что на окраине Мариуполя, в доме, где в последний раз квартировал батька Махно, за печкой есть тайник, а в нем коробка жестяная для чая. Там спрятан дневник батьки за 1919 год с подробным описанием того места, где на Гуляйпольщине Махно схоронил клад из драгоценных камней».

В общем, искать можно и в Мариуполе. А можно – и на Ларинке. Чем черт не шутит?

Есть вопрос:
а правда, что в Донецке все – бандиты?

Если спрашивающие превосходят вас числом или прибыли на турнир по боям без правил, говорите: «Правда!» Устройте им экскурсию по самым бандитским местам города. Покажите им колокол в сквере у третьего корпуса ДонГТУ, звон которого возвещает начало очередного схода. Сходите на главную площадь города, к памятнику Вове Камен-

ному – известному авторитету прошлого. Прогуляйтесь по парку Щербакова, где даже дети стреляют в тирах, учатся нарушать правила дорожного движения на электромобилях, осваивают технику пытки посредством караоке и оттачивают на родителях рэкетирские навыки. После этого вопросы у самого предвзятого гостя города отпадут сами собой.

1920-й: ЗК, ЦК и ГубЧК

Военный коммунизм – название внутренней политики Советского государства, проводившейся в 1918-1921 годах во время гражданской войны. Основной целью было обеспечение городов и Красной армии оружием, продовольствием и другими необходимыми ресурсами в условиях, когда все нормальные экономические механизмы и отношения были разрушены войной. Решение о прекращении военного коммунизма и введении нэпа было принято 21 марта 1921 года на X съезде РКП(б).

В начале сентября 1920 года бронепоезд имени лейтенанта Шмидта по пути на один из фронтов гражданской войны сделал остановку в Юзовке. Бронепоезд был полон революционных матросов. Как же поступает братва, выбравшись на прогулку в город? Начнем с того, что братва порядком нетрезва. Поэтому она ищет приключений. Вдохновленная отсутствием какого-либо отпора, она начинает куролесить. Избивает встречных граждан, хуля при этом местные власти, досадившие ей в ряде бытовых вопросов. Хватает юзовских девок за известные части тела. Наконец, вламывается в здание политбюро губернской ЧК, смяв охрану в составе одинокого бойца с примкнутом штыком, учиняет дебош с криками «Мы вас разобьем!», а затем проделывает то же в уездном комитете РКП(б). Попутно, в порядке спецэффектов, разбивает массу оконных стекол. Удовлетворенная братва удаляется под сень бронепоезда, после отстоя которого, покидает юзовские пределы совершенно безнаказанно.

МЫ из

ТОПТЕЛЕВ

Этот инцидент описан в отчетах уездных властей того неспокойного времени. Описан как совершенно рядовой и вполне типичный. Вообще, из этих отчетов образуется картина довольно неожиданная, противоречащая привычным представлениям о той эпохе.

Массовый отлив юзовских рабочих

Из учебников истории советского времени мы знаем о том, что 1920 год был голодным. Три года гражданской войны разрушили тот, казалось бы, вековой фундамент, на котором покоилось сельское хозяйство империи. Большевики делали упор на рабочий класс, полагаясь на врожденно присущую этому классу революционную сознательность. Однако при столкновении с новой жизнью из пролетариата полезли нехорошие вековые инстинкты...

Цитируем сводку донецкой ГубЧК за период с 1 июня по 1 июля 1920 года (сохранены орфография и стиль документа): «Шкурный вопрос преодолевает рассудок рабочих, лишней раз доказывает их несознательность и политическую неграмотность, иными словами рабочие, не состоящие в партии, тот же обыватель со всеми вытекающими отсюда последствиями, на некоторых заводах, как например в Юзовке, на почве недостатка продовольствия вспыхнула забастовка, правда, она продолжалась лишь только один день, так как вопрос этот был улажен в срочном порядке».

Читаем сводку дальше и видим данные «массового отлива» рабочих из рядов РКП. Средство борьбы с этим явлением ЧК найти не может – ну разве что «обезвредить находящийся на предприятиях меньшевистский и левоэсерский элемент», который, разумеется, и, виноват во всем, ибо хотя и не выступает активно, но «подтачивает устои нашего Советского строительства».

Политику рабочий класс постигал через желудок, который растерянно свидетельствовал об отсутствии общанной сладкой жизни. Цены росли неимоверно. В мае фунт

А. Лебедев. «Выдача семенной ссуды в деревне»

полубелого ржаного хлеба стоил около 200 рублей. К осени – уже 400-500. Зарплаты никак не хватало на то, чтобы прокормить семью. Поэтому традиционно неработающие женщины отправлялись по близлежащим селам, где относительно дешево покупали продукты. Привозя их в город, использовали для пропитания, но если что-то оставалось, то и продавали (понятно, по более высоким ценам). Завезти товары в город было сложнее, чем графу Монте-Кристо убежать из замка Иф: заградотряды перекрывали все подходы. Но опытные люди знали тайные тропы. Была одна слабина в заградительных порядках – между Смолянкой и Рутченково. Однажды милиция собралась с духом и устроила там засаду. За одну ночь отловили 13 мерзавцев с продуктами. По законам того времени спекуляция каралась арестом и отправлением на принудительные работы.

Выходил какой-то идиотский замкнутый круг. Подразумевалось, что рабочий класс должен существовать на паек, но в связи с систематическими сбоями в подвозе про-

А. Моравов. «Заседание комитета бедноты»

дуктов паек выдавался нерегулярно. При этом поиски других источников пропитания приравнивались к спекуляции, что преследовалось по закону. Выживай, как хочешь...

Меры воздействия товарища Карлсона

Вспомним сводку ГубЧК, где упоминалось о забастовке в Юзовке. Этот всплеск народного гнева произошел 6 июня на Новосмоляниновском и Александровском рудниках. Поводом послужила «неравномерная выдача хлеба и продуктов». Бастовали 600 человек (кроме электрических и механических цехов). Попад в экстремальную ситуацию, юзовские власти сделали то, что без толчка со стороны как-то не получалось: срочно нашли хлеб и продукты. Забастовка «рассосалась». Ее зачинщики с рудников были изъяты. О дальнейшей судьбе этих людей сообщений нет.

Забастовки происходили, по крайней мере, ежемесячно. Так, в начале августа в связи с очередными трудностями

был урезан хлебный паек. Тут же произошел ряд спорадических актов недовольства, а 8 августа волнение рабочих приняло ярко выраженную антисоветскую направленность. Пришлось применять меры революционного воздействия, о чем сообщалось в специальном донесении в адрес председателя донецкой ГубЧК с теплой фамилией Карлсон.

«Милиция – какой-то сброд»

На том историческом отрезке «чрезвычайка» представляла собой главную власть. И жила она полнокровно. К примеру, в течение июня 1920 года донецкие чекисты задержали 286 человек. Из них, правда, 159 скоро освободили, но 31 – расстреляли, 14 подвели под трибунал, 82 отправили в концлагерь.

В июле юзовскую ЧК настигла инспекция из губернии. Проверяющий Вербицкий сделал следующее заключение: «В юзовской ЧК что-то ужасное. В помещении содержится 150 арестованных, кое-кто по 2-3 недели не допрошен... Очень грубое отношение к арестованным. Милиция – какой-то сброд. Назначенные начальники чувствуют себя царьками. Юзовский завод совершенно стоит, рудники почти не работают, поэтому рабочие настроены зло».

Чекистам приходилось трудиться в чертовски сложных условиях, когда провокации и диверсии подстерегали за каждым углом. Кульминация случилась в преддверии 7 ноября. Всю предпраздничную неделю в уезде происходил сильный падеж скота от чумы. Предполагалось – неспроста. Рука Антанты. Пошли слухи о том, что 6 ноября власть захватили меньшевики, Троцкий убит, Ленин арестован. Того же 6 ноября в помещении многострадального политбюро ЧК имел место пожар. Тушили его полчаса. Выяснилось: огонь вспыхнул по причине обильного разливания бензина по полу и последующего возгорания от печки. Кто разлил бензин в преддверии светлого праздника?! Все это наводило на серьезные размышления и порождало резолюции об «отлове провокаторов».

Любопытно, что сводки, повествующие обо всех этих делах, писались на обороте германских военных карт, оставшихся еще с 1918 года. И по сей день бумага эта не утратила первоизданной белизны. Есть в архивах и отечественная бумага тогдашнего производства. Ведомственные «ундervуды» превращали ее в решето.

Нелегко и тревожно жили в наших краях при военном коммунизме. Год спустя от него откажутся, Ленин признает его ошибочным, еще раз дав народу волю, и ужасы 1919-1920 годов постепенно забудутся. Но осадок останется надолго...

Есть вопрос: *какой именно порожняк не гонит Донбасс?*

Емкая фраза, всеукраинскую популяризацию которой обеспечил Янукович. «Донбасс порожняк не гонит!» он начал говорить еще тогда, когда сидел в губернаторском кресле. Вполне вероятно, что Виктор Федорович вынес эту фразу из глубин своего енакиевского прошлого. Тогда она имела, правда, несколько иной смысл: Донбасс трудится изо всех сил. Для Донбасса «порожняк» – слово общепонятное: пустые вагоны, которые пригоняют на шахты для загрузки угля. Для остальной страны оно связано, наверное, прежде всего с известным высказыванием Хмыря из «Джентльменов удачи»: «А гово-

рили, порожняком пойдем!» В местном просторечии есть несколько не менее ярких идиом, позволяющих выразить ту же идею: «Пацан сказал – пацан сделал!», «За базар – в ответе!» и так далее. Виктор Янукович сделал совершенно верный выбор, предпочтя всем им фразу про порожняк. Она, кроме фонетической выразительности, еще и крайне содержательна, описывая важный нюанс истинно донбасского производственного цикла. Если вы увидите порожняк, идущий из Донбасса, – не верьте глазам своим. Это дело рук диверсантов или врагов Донбасса.

Городок наш о-го-го!

10 сентября 1926 г. по решению Сталинского окружного исполкома городская черта г. Сталино была определена с учетом включения в него поселков: Азотный, Рыковка, Бутовка, Ветка, Путиловка, территория Щегловского леса, Гладковка, Дурная балка, Масловка, Закол, Ново-Смолянка, Семеновка, поселок железнодорожной станции «Сталино».

В 1926 году Юзовка, еще не совсем привыкшая называться «Сталино», испытала новое потрясение. По мановению волшебной исполкомовской палочки, город увеличился в несколько раз. В связи с этим возникло множество проблем. Одной из существенных (и, судя по всему, неожиданных для властей) стала проблема новой городской тюрьмы. В плане работы гормилиции на первый квартал 1927 года указывалось: «В связи с непригодностью камер для задержанных и необходимостью их расширения, поставить вопрос перед горсоветом об отпуске средств для устройства новых камер, т.к. случаи побегов из камер участились, с другой стороны, органы прокуратуры не разрешают содержать задержанных в темных без окон камерах, и, в-третьих – камеры в виду незначительности их по площади и кубатуре не вмещают в себя всех задержанных». Проблема с кубатурой решилась только через три года, когда власти Сталино объявили об открытии новой тюрьмы. Органы прокуратуры могли вздохнуть спокойно: отныне правонарушителям обеспечивался законный дневной свет. Новую тюрьму выстро-

или вместительной, поскольку работы у милиции не убавлялось, а скорее наоборот.

Расширить, углубить и переименовать!

Город увеличили насильственно, но проблема была насущной. Еще в 1922 году юзовские власти ставили перед организацией с таинственным названием «Губэкосо» вопрос о необходимости увеличения земельной площади Юзовки до 2500 десятин: для прокорма населения, достигшего 54.600 человек, тогдашних 1806 десятин стало недостаточно. Получилось даже еще масштабнее. Население поселков-«новобранцев» 1926 года составило 42.875 человек (мужчин 24.098, женщин – 18.777). Территориальный рост был гораздо более внушительным – присоединялись в основном поселки сельского типа с сильным разбросом построек.

Город перешагнул через Кальмиус и теперь ограничивался с востока Мушкетовской железной дорогой. Западной окраиной становились Дурная балка, Азотный завод и станция «Сталино», южной – Ларинка и Гостгород (тут же располагались пруды Горячий Кальмиус), северной – деревня Яковлевка.

Но главный «шок перемен» был еще впереди.

Нарастание классовой борьбы при социализме взбудоражило партийных топографов. И в 1927 году появляется документ, озаглавленный «Проект переименования улиц». Предлагалось, в частности, переименовать Михайловский проспект в Комсомольский, Александровский в Пролетарский, Малый в проспект Павших коммунаров, Средний в проспект Труда, Большой в проспект Лагутенко. Далее: Ларинскую сторону предполагалось сделать Октябрьской, Александровку – Калининской стороной, Масловку – Свердловкой, Смоляниновскую гору – Красноармейской. И так далее. Кроме того, предусматривалось дать идеологически правильные наименования улицам-линиям, этому жуткому наследию старой Юзовки. Проект претворили в

Сталино. Патефон. Конец 20-х. Из коллекции В. Верховского

жизнь 14 февраля 1928 г. В этот день первая линия стала улицей Артема, вторая – улицей Кобозева, третья – Красноармейской... Ну и так далее – вплоть до девятнадцатой, которую щадяще называли Кальмиусской. Чем дальше от центра, тем аполитичнее имена...

Так покончили с традиционной, привычной и удобной всем топонимикой. Именно в 1928-м Юзовка окончательно перестала быть Юзовкой.

«Публика защищает того же хулигана»

Вернемся к плану работы гормилиции на первый квартал 1927 года. О чем там говорится, так это о необходимости усиления борьбы с преступностью, особенно в поселках, вошедших в городскую черту. И тут же – плач о чрезвычайно «жидком» штатном расписании сталинской милиции.

Порядок на улицах никак не мог установиться еще со времен «гражданки». Даже в самом центре на 1-й и 2-й ли-

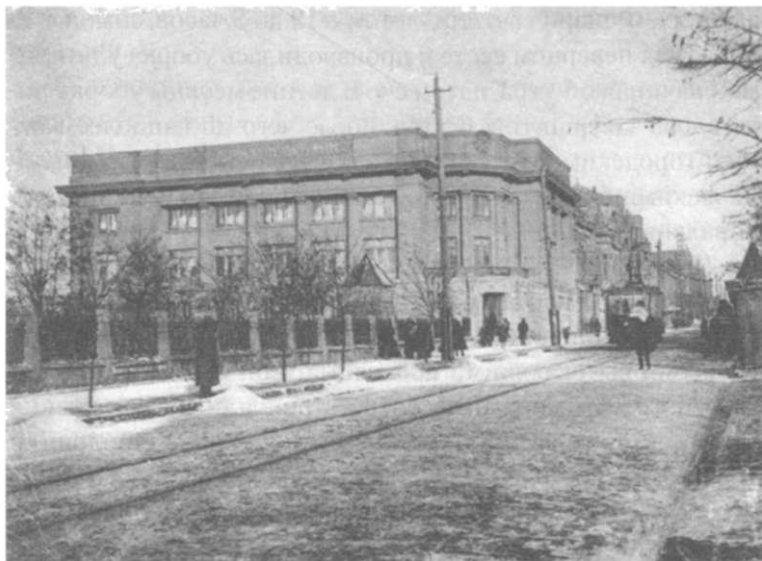
ниях недостатка в хулиганском элементе не имелось: от более или менее безобидных «сявок» до средней руки уголовников. Они перли изо всех щелей и, по формулировке милиции, «начинали проделывать свои делишки». Прикрепленным к этой бурной территории был всего один блюститель порядка. Донесения прямо так и констатируют: «Один милиционер с хулиганами ничего не сделает. Если он заметит, где подымается дебош, и старается уладить его, то сплошь и рядом на него набрасывается целая группа таких же хулиганов и отбивают задержанного. Стоящая и проходящая гуляющая публика защищает того же хулигана».

Беспокойство отцов города вызывали и рынки: «У нас на базарах особенно сильно развито хулиганство среди малолетних беспризорных, с которыми нужно принять решительные меры и изолировать таковых от базаров».

Короче говоря, расширение Сталино застало милицию врасплох. Доходило до того, что город в дни получек и в праздники обращался в окружную милицию с просьбой выделить часть кавалерийского резерва для объезда города, сбора пьяных и рассеивания дебоширящих – количество как первых, так и вторых в «красные дни» не позволяло сталинским «копам» контролировать ситуацию.

Конечно, со временем горсовет адаптировался к изменившимся условиям. Кадры милиции были основательно укреплены. И в 1929 году стало возможным появление постановления горсовета «О поддержании общественного спокойствия и порядка». Вот некоторые его положения: «Запрещается нарушение общественного спокойствия и порядка, как-то: ругань, нецензурные выражения. Запрещается появляться пьяным на улицах, в театрах, кино, цирке и т.д. Запрещается отправление естественных потребностей на улицах, базарах, площадях и под забором». Вот она, историческая правда: до 1929 года отправление потребностей под забором как минимум не возбранялось!

Нарушителей спокойствия и порядка ждал штраф и квитанция на память. Штраф взимал милиционер прямо на

Начало первой линии

месте преступления (отправления естественных потребностей).

Метла – инвентарь милицейский

Помимо милиции, функция поддержания порядка на улицах возлагалась также на дворников. Они полагались каждому домовладению «объемом» не менее 75 жителей. Более мелкие домишки «заводили» дворника в складчину – но так, чтобы общее количество обслуживаемых им людей опять же не превышало 75. Если домовладелец по материальному положению своих жителей не мог организовать дворника, оставалось выбирать: либо нанимать «человека с метлой» за свои деньги, либо вооружаться этой метлой самому. В противном случае ему грозил малоприятный визит милиционера. С квитанцией.

В обязанности дворников, помимо прочего, входило включение и выключение фонарей на улицах, во дворах, на

зданиях. Фонари светили: летом с 19 до 5 часов, зимой с 17 до 7. В их неверном свете и производилась уборка улиц, зимой начиная с 5 утра, летом с 4. В летние месяцы уборку полагалось завершить к 6 утра, после чего по наиболее важным городским магистралям запускались телеги с циклопическими бочками. Эти тачанки выполняли функции поливальных машин.

На вопрос – кому подчинялись дворники? – легкомысленный современник ответит: каким-нибудь жилуправлениям. И крупно ошибется. Дворники подчинялись НКВД. Со всеми вытекающими последствиями. Скажем, в случае злостного служебного несоответствия или невыполнения обязанностей именно органы правопорядка увольняли дворника. Прием на работу также проходил через райотдел милиции. Дворники носили в милицию для прописки домовые книги, сообщали о беспорядках на своей территории, а при необходимости – препровождали нарушителей в «участок», используя в качестве атрибута власти свисток (купленный на средства домовладения).

Случай с грузовиком № 107

На улицах города, неожиданно ставшего большим, оживилось транспортное движение. Привыкшие к дорожной анархии граждане наблюдали за этим с растерянностью. В итоге, хаос только усиливался. Иллюстрацией может служить заметка из газеты «Диктатура труда» за 1928 год: «Обязательное постановление горсовета гласит: шофера, встречая на своем пути похоронную процессию, обязаны остановить машину до прохода таковой. Шофер грузовика № 107 со всей скоростью врезался в похоронную процессию, чем вызвал большой переполох в шествии, а лошадь, испугавшись машины, стала на дыбы и чуть было не опрокинула гроб. Шофер улыбнулся во весь рот, считая себя героем случившегося и стоящего выше всяких приказов, чем вызвал большое негодование в публике. Герой, не под-

чиняющийся приказам горсовета, должен понести суровое наказание».

О косвенных последствиях искусственного «демографического взрыва» в Сталино можно было бы говорить еще долго. Следовало, наверное, упомянуть об антисанитарии на улицах города, следствием чего стала эпидемия сыпного тифа, вспыхнувшая в сентябре 1927 года на Рыковском и Ново-Смолянском рудниках (она привела к чудовищному переполнению городских больниц). Можно также вспомнить о том, что свет в квартиры вплоть до 1930 года подавался лишь после 19:00 и гас не менее пяти раз за вечер. Фактов «болезни роста» города Сталино много. На бумаге все вроде было просчитано. Но когда расширение состоялось, оно застигло городские власти врасплох, как будто это была неожиданная вражеская акция...

Есть вопрос:

правда ли, что Донецк какое-то время назывался в честь Троцкого?

Такая гипотеза была выдвинута пресс-секретарем Донецкого областного краеведческого музея Софьей Гитис. Безответственные газетчики тут же подхватили это и стали выдавать за документальную истину. Между тем, Софья Александровна всего лишь видела на одной из карт 1923 года название «Троцк» где-то поблизости от донецких степей. Изучение юзовских документов, постанов-

лений городских властей и уцелевших газет не дают ни малейшей надежды на то, что Лев Давидович как-то отметился в донецкой топонимике. Но гостям города можно рассказывать легенду о том, что именно на нашем городе Иосиф Виссарионович протестировал победу над троцкизмом, убедившись, что вождь этого движения – не боец, если даже своего названия защитить не может!

Интеллигенция, понимаешь!

Донецкий национальный технический университет образован в апреле 1926 г. реорганизацией горного техникума, который существовал с марта 1921 г. В апреле 1935 г. было принято решение создать на базе Донецкого горного, металлургического и углехимического институтов единый – Донецкий индустриальный институт (ДИИ). 19 марта 1960 г. реорганизован в Донецкий политехнический институт (ДПИ). Статус университета получил после прохождения аттестации в 1993-м.

Однажды, году так в 1923-м, курсанты-шахтеры (так назывались в то время студенты Донецкого горного техникума) с негодованием увидели на досках текст: «По случаю дня Казанской Божией матери занятия отменяются». Но еще более сильные эмоции испытывали они, когда увидели те же слова, написанные на доске объявлений знакомой всем рукой ректора Мухачева. Конечно, ректор был человеком верующим, не скрывал этого и поступил по совести, но разве это оправдание? Хорошо еще, что парторганизацию техникума возглавлял Никита Хрущев – молодой, но уже проверенный большевик. Ректора одернули. А некоторое время спустя ему пришлось уйти. По собственному желанию. Не вписался в коллектив. Как говорится, авария – столкнулся с жизнью.

Громовой удар красного студенчества

До революции в Юзовке существовала политехническая школа, готовили в ней специалистов среднего и младшего зве-

**ЕСЛИ КНИГ
ЧИТАТЬ
НЕ
БУДЕШЬ**

**СКОРО ГРАМОТУ
ЗАБУДЕШЬ**

на. После октября 1917 года она канула в небытие. Зато каким-то образом выжил Горловский горный техникум, основанный еще в 1876 году. Но Горловка уже бесповоротно утратила статус главного промышленного центра Донбасса. Поэтому в декабре 1920 года Донецкий губнаробраз создал комиссию во главе с помощником начальника Юзовского горрайуправления ЦПКП (Центрального правления каменноугольной промышленности) Исаем Марковичем Пугачем. Целью ее положили обследовать состояние и работу Горловского горного техникума с последующим преобразованием его в вуз и перемещением в Юзовку.

Донецкому техникуму выделили двухэтажное здание бывшего коммерческого училища. Для студенческого общежития отдали дом бывшего ночлежного пункта земства, для мастерских и лабораторий – 10 разрушенных казачьих казарм и конюшен. На ремонт и оборудование помещений раскошелились на семь миллионов рублей (правда, трудно сказать, какую реальную стоимость имел тогда один «лимон»). Для обучения установили трехгодичный срок. После годовой практики выпускники получали гордое звание – «инженер узкой специальности».

Первых студентов набрали с большим тщанием и социальным смыслом. Из статьи И. Замдберга «Традиции» («Социалистический Донбасс», 15 июня 1946 года): «Типична история студента первого набора Булгакова Г.Н. Сорокалетний человек, отец семейства, он работал токарем на Сталинском металлургическом заводе и без отрыва от производства учился. Чтобы попасть на занятия, ему ежедневно приходилось проходить 6 километров туда и обратно. Но твердыня науки была взята – Булгаков стал инженером».

Пролетарски ориентированные студенты отвечали родной власти любезностью на любезность. На митинге, посвященном открытию техникума, слушатель первого курса Николай Ачкеев говорил: «Как жили трудящиеся и шахтеры Донбасса? В лачугах, в нищете. Читать, в лучшем случае, учились по трактирным вывескам. Спасибо советской власти за

ее заботу о нас. Красное студенчество на подлые проiski мировой буржуазии готово ответить громовым ударом».

Первый звонок в торжественной обстановке дали 30 мая 1921 года.

За фунт хлеба и приварок

Курсантам-шахтерам пришлось несладко. Выделенные помещения были весьма слабо приспособлены для организации учебного процесса. Пришлось студентам для начала объединиться в бригады механиков, электриков и строителей. После занятий они каждый божий день работали по 3-4 часа, доводя помещения до кондиции. Если учесть, что время было весьма голодное, трудно понять, как люди выдерживали такое напряжение. Пакет включал в себя всего фунт хлеба и какой-нибудь, как тогда говорили, «приварок». Единственно, помогал революционный энтузиазм. Эти нестигаемые люди построили кочегарку, электростанцию, мехзавод. Узкоколейку проложили. Провели отопление, водопровод. В декабре 1921 года вступило в строй общежитие на 100 мест, заработали столовая, баня, прачечная, парикмахерская.

Хотя в августе казалось, что все кончено: студентам было отказано даже в том скудном рационе, какой поначалу выделялся. Делать нечего, пришлось объявить перерыв в занятиях. Наиболее рьяные продолжали заниматься благоустройством помещений, другие (их все-таки оказалось большинство) ушли работать на предприятия. Надо было как-то спасать семьи от голода.

Пайки отменили по простой причине: не стало денег. То, что отпускалось народному образованию, уходило на борьбу с беспризорностью (по тогдашней формулировке «на помощь голодающим детям»). Число беспризорников в Донецкой губернии приближалось к 50 тысячам. Да и общая ситуация в регионе не благоприятствовала. Разруха, знаете ли, под городом шастает Махно-не-Махно, но какая-то нечисть. Опять же, постоянные перебои с электроэнергией. Иногда свет вырубал-

Чудо архитектуры 20-х: здание Горного института

ся в разгар лекции. Но в темпоте несгибаемые студенты тоже не скучали. Кто-то запевал, песню подхватывали все присутствующие. Так и коротали время до следующего озарения.

От «Ясиноватского вокзала» — до «крейсера Коминтерна»

О студенческом быте. Его, как такового, не было вовсе. Об уровне общежития говорит хотя бы то, что впоследствии его переоборудовали под гараж. Вообще-то официально оно именовалось «Домом пролетарского студенчества», но из-за кошмарной перенаселенности общежитие называли «Ясиноватский вокзал». Позже, когда помещение разделили перегородками, ему подыскивали более пристойное наименование — «Крейсер Коминтерна». Даже в таком хлеву умудрялись, однако, поддерживать какой-то порядок. Например, играть на музыкальных инструментах разрешалось только по выходным, да и то в строго определенные часы.

В общежитие, впрочем, поместились не все. Довольно большое количество студентов прописали в доме № 58 по 8-й линии. Когда вселялись, знали, что соседями окажутся торговцы-перекупщики. Отнеслись к этому без восторга, хотя и спокойно. Но прошло совсем немного времени и отношение к вольным торговцам в корне изменилось. Нэп потихоньку начали «щемить», на торговцев навесили ярлык «спекулянты» и выселили из дома № 58.

В 1922 году помещения техникума были, наконец, доведены до ума. Вступило в строй второе общежитие. Теперь студенты работали после занятий уже не каждый день, а всего раз в неделю. Относительный порядок был наведен и в таком непростом деле, как организация учебного процесса. Здесь пролетарский энтузиазм мало чем мог помочь. Требовался специалист. И таковой нашелся в лице профессора Рождественского. К 1923 году его стараниями подготовили «методическое кредо» – так называлась инструкция по учебной работе. Он сумел понять, что нужно новой власти, и нашел требуемую степень сочетания труда с учебой. Для работы в мастерских отводился целый день. Разбивались на бригады и отводили душу в жизнеутверждающем труде за токарным станком, кузнечным молотом или, скажем, в литейном цехе. За спиной у студента неусыпно бдил преподаватель, осуществляющий связь теории с практикой.

Своеобразные практические занятия предусматривались и при изучении социальных дисциплин. Изучают, скажем, крестьянские войны периода развитого феодализма, а отдельный вечер выделяется для обсуждения жизни и деятельности Степана Разина. Шли еще дальше. Наладили связь с городским театром, и юзовские служители муз по воскресеньям ставили для студентов спектакли на революционные темы. Ну а после представления, и это вполне логично, устраивалось коллективное обсуждение с участием преподавателей.

Отвлекались от учебы в кружках: драматическом, хорошем, шахматно-шашечном (для последнего, специально закупили «4 пары шахмат и 2 шашек»). 1 апреля 1922 года вышел

первый номер студенческой газеты «Техника и коммунизм». В ней работали те молодые люди, в чьих душах физика умудрялась мириться с лирикой. О характере публикаций в «Технике» дает представление вирш С. Доронина от 1923 года:

Мы испытываем муки ошибок,
Безумную радость побед!
Мы идем среди слез и улыбок,
Мы, может, иногда плохо видим,
Мы, может, иногда ошибаемся,
Но сомнений, сомнений в сердцах у нас нет.

Какой досуг в стране победившего социализма без лекций и диспутов? Они были регулярны и отменить их не могло никакое стихийное бедствие. К примеру, в декабре 1923 года в городском клубе имени Энгельса проходил диспут на тему «Кому нужна вера в Бога». На улице мело, погода свирепствовала. Но вот в дверях появляется краснолицый молодой человек и, перекрывая шум дискуссии, сообщает, что замело подъездные пути к металлургическому заводу, так что прекратился подвоз кокса. Чем это чревато, – не студентам горного техникума объяснять. Все в едином порыве бросились на выход, организованно проследовали до подъездных путей, к утру их расчистили – дали заводу кокс, а тут и время идти на занятия подоспело. И что вы думаете? После занятий студенты отправились в клуб имени Энгельса, и диспут продолжился с новой силой! Конечно, выяснилось, что Бог не нужен никому, кроме всяких недобитков, которых надо поэтому добить.

К концу 20-х в техникуме (он стал в 1926 году институтом), как в целом по стране, усилился идейный прессинг. Народ боролся с троцкистскими и зиновьевскими загибами. Ну а после знаменитого «шахтинского дела» под подозрения попала вся техническая интеллигенция, имевшая несчастье получить высшее образование в дореволюционной России. Началось решительное изживание «узкоспецовских» настроений (это когда специалист хочет проявлять свою компетен-

цию в той отрасли, которая соответствует его образованию, а не в общественной жизни). Вот как ядовито описывает представитель старой интеллигенции Борис Радевич в книжечке «Донецкий индустриальный», выпущенной в 1960 году: «Позавчера, за преферансом, под звуки рояля и аккомпанемент скрипки (чтобы не услышали новые хозяева), некоторые спецы шепотком передавали друг другу, что за рубежом готовится поход на советскую власть. Тех инженеров, которые перешли на сторону народа, пытались «обработать» посулами и угрозами: «К товарищам переметнулся? Попомните, батенька, добром это не кончится».

Вот так и начиналось то большое дело, которое впоследствии станет известно всей стране под названием Донецкий политехнический институт.

Есть вопрос: кто такие «лушпайки»?

Гости шахтерской столицы спрашивают часто, очень часто: «Что такое лушпайки?», мы даже начинаем подозревать, что подсолнухи растут исключительно вблизи терриконов и на остальной части земного шара не водятся. Один американец, прибывший к нам из Техаса, долго разглядывал толстый слой шелухи от семечек под лавочкой на бульваре Пушкина, раскладывал их на ладони, пытался выговорить без акцента «лушпайки», короче говоря, вел себя, как попавший в затерянный мир натуралист. Од-

нако вопрос: «Кто такие лушпайки?», признаться, поставил нас в тупик. После продолжительных расспросов выяснилось, что наш знакомый из России побывал в Донецке на футбольном матче. И видел, как какой-то мужик вдруг вскочил и заорал: «Ах, вы х... лушпайки!» В связи с этим можно предположить: лушпайки — это не только шелуха семян подсолнечника, но и отдельные индивидуумы, не оправдавшие возложенных на них надежд. Притом, как правило, довольно дорогостоящие индивидуумы...

Огонек в степи

Областная клиническая больница им. Калинина была основана 1 мая 1927 года вместительностью 500 коек. С 1932 года больница становится основной клинической базой медицинского института. В 1958 году организован центр сердечной и грудной хирургии. В декабре 1962 года установлен первый аппарат «искусственная почка». Больница стала одним из ведущих лечебно-профилактических учреждений Донбасса и Украины мощностью почти на 1,5 тыс. коек.

Больница имени Калинина была основана в атмосфере всенародного праздника. Вот как описывает это событие один из ее главных врачей – Н. Лиховид в брошюре «Флагман здравоохранения Донбасса»: «1 мая 1927 года выдалось прекрасным и солнечным. Паровозные гудки в этот день звучали как-то особенно торжественно, по-праздничному. Колонны демонстрантов непрерывным потоком вливались в основную артерию, которой тогда, как и теперь, служила первая линия... После демонстрации возле Первой Советской больницы собралась небольшая группа медицинских работников во главе с заведующим облздравотделом и председателем обкома союза медицинских работников. Они с песнями направились в сторону Макеевки. Сразу же за Первой Советской больницей начиналась целинная степь. Шли долго, по зыбкой кладочке перешли узкий ручеек и, миновав его, углубились в степь. В этот день были заложены первые кирпичи будущей больницы».

Новая лечебница получила название Ворошиловской. Имя всесоюзного старосты Михаила Ивановича Калинина ей

ПОЗАБОТИЛАСЬ ЛИ ТЫ О ГРУДЯХ?

**ЗАКАЛИВАЙ СОСКИ ЕЖЕДНЕВНЫМ
ОБМЫВАНИЕМ ХОЛОДНОЙ ВОДОЙ**

дадут позже, в 1958 году, после того, как Климент Ефремович Ворошилов сделает неправильный политический выбор и поддержит выступление сталинистов в ЦК КПСС. Переименование правильное: в отличие от Ворошилова, Калинин хотя бы книжки в юности читал, когда служил лакеем, какое-никакое отношение к науке имеет...

До основания...

Юзовка была построена людьми, мыслившими прежде всего прагматически. Предпринимателями, для которых главное – как можно быстрее окупить вложенные средства. Строили, в общем, быстро и просто. Так что юзовские бытовые ужасы, описанные в советской литературе, не являются таким уж преувеличением: «скученность построек, грязь, отбросы на улицах и базарах, плохая вода». Были такие жилища для рабочих, которые не имели ни крыши, ни пола. И никакой, понятно, гигиены!

Угроза эпидемий была постоянной. И время от времени зараза шла в массы. Например, в 1892 году весь Бахмутский уезд поразила холера, и сильнее всего она ударила как раз по Юзовке – здесь были зафиксированы 708 больных (из 908 во всем уезде). Эпидемия продолжалась более года, о ее социальных последствиях уже рассказывалось в главе «Ну-ка, мечи стаканы на стол!»

Через несколько лет по юзовскому населению прошлись брюшной тиф и дизентерия. В то же время состояние медицины в Юзовке, особенно поначалу, с трудом покрывало даже повседневные, самые насущные нужды. По состоянию на 1 июня 1903 года каждый из местных врачей обслуживал в среднем 1191 рабочего.

Но, между прочим, при металлургическом заводе медицина находилась совсем на другом уровне. Здесь больницу на 12 коек открыли еще в 1871 году – то есть, на самом старте города. Кстати, ее заведующим в 70-е годы был Александр Бланк. До сих пор есть люди, считающие, что это был

родной дедушка Ленина – ну, так имя-фамилия, и правда, совпадают!

На рубеже веков Юзовка стала расти, как на дрожжах, и в поселке появлялись новые медицинские учреждения. Вот что пишут о местном здравоохранении В. Мозговой и В. Ляшенко в книге «Там, где было Дикое Поле...»: «Юзовка была крупным населенным пунктом (в 1913 г. здесь проживали 57.834 человека), где действовало... четыре больницы на 278 коек, которые обслуживали 17 врачей, четыре аптеки и шесть аптекарских магазинов». Все равно не хватало...

Главной больницей города стала Земская, открытая на Сенной площади. В истории города она больше известна как Первая Советская. Она долгие годы будет существенной частью ландшафта того, что сейчас известно как площадь Ленина. Вид имела неказистый, но до появления больницы Калинина именно она считалась основной надеждой юзовцев, если вдруг здоровье подведет. Кроме того, существовала Вторая Советская больница. Были также лечебницы в тогдашних пригородах – Ветке, Смолянке, Путиловке, Григорьевке.

...и затем

Но все это было не то. Эпоха требовала медицинских учреждений нового типа. И в мае 1928 г. был заложен первый камень такого чуда. Больнице имени Ворошилова предназначалось стать еще одним символом наших успехов. Средства на нее были выделены серьезные, корпуса проектировались новаторски. Помещения должны были получиться более просторными и светлыми, кроме того, задумывалась не одна лечебница, а целый комплекс. Справедливости ради надо отметить, что проект не предвидел нынешних масштабов больницы (которая уже и не больница вовсе, а Донецкое областное клиническое территориальное медицинское объединение – ДОКТМО). Но одно было ясно: она должна стать самой большой и самой лучшей. И она должна постоянно расти.

Один из первых корпусов больницы Калинина

Потому ее и построили «на выселках» – чтобы иметь возможность развивать. Это сейчас ДОКТМО находится в окружении не самых отдаленных микрорайонов Калиновки. А в 20-е годы, за Кальмиусом, в этом месте начиналась дикая степь. Транспорт? Иногда случалось – но автобусы не понимали никакого графика, да и реку не пересекали, высаживая пассажиров на правом, «юзовском» берегу. Врачам приходилось ежедневно совершать небольшой гражданский подвиг, добираясь на работу и возвращаясь домой. Были проблемы и с транспортировкой пациентов. Читаем в мемуарах донецкого хирурга Н. Лиховида: «Зима 1930-31 года оказалась выюжной и снежной, поэтому смена медицинских работников, которая привезла больных, «застряла» в отделении на целую неделю – никто не приходил сменить ни врача, ни сестру, ни санитарку. Чтобы иметь представление о том, насколько это было пустынное место, следует привести такой пример: в течение зимы не раз приходилось отогревать запоздалых путников, рискнувших в вечернюю пору направиться через степь на Гладко-

вку или Бутовку. Люди плутали в степи до изнеможения, и спасал их только мерцающий огонек инфекционного корпуса больницы. Путники робко стучали в окно, прося о помощи. В отделении осуществлялась для них не только медицинская помощь, но и предоставлялся приют до утра.

Этот инфекционный корпус, маяк для заблудившихся путников, стал первой постройкой больницы Ворошилова. «Инфекционка» – именно то, в чем город нуждался тогда более всего. Первых «клиентов» корпус принял 25 декабря 1930 года – были госпитализированы 70 больных скарлатиной. Новые условия лечения кос-кому из них явно спасли жизнь. Для инфекционных больных предназначались также 2-й и 3-й корпуса, введенные в строй чуть позже. Как писали, «сооружены они были по последнему слову санитарной техники».

Люди и быт

В народе больницу так и называли – «новая». Первым ее главным врачом стал Петр Александрович Контрольский, по совместительству руководивший еще и Первой Совбольницей. В архивных документах его называют «умелым администратором», который смог добиться, чтобы корпуса стали хорошо отапливаться, «а отделения в достаточном количестве снабжались мягким и твердым инвентарем».

Быт налажился специфически. Например, кухня размещалась по соседству с конным двором, который, конечно же, воздух не озонировал. Однако готовили в больнице, по отзывам пациентов, вкусно. Для того чтобы решить болезненный, в духе эпохи, продовольственный вопрос, при больнице организовали приусадебное хозяйство, устроили большой огород, разбив его ближе к Кальмиусу, на полпути к поселку Семеновка (сейчас – начало улицы Каро Овнатаняна, великого медика, одного из звездных имен в истории больницы). Кроме того, завели сад и розарий – цветы использовали «для украшения комнат матерей». Как-то так получилось, что озеленение превратилось в азартное соревнование – каждый сотрудник счи-

тал честью отличиться в этом деле. Наш незаменимый Н. Лиховид рассказывает такую историю: «Однажды... на площадку озеленения вышел профессор Владимир Матвеевич Богословский. Его сразу же окружили врачи, сестры, санитарки. Все зашумели и запротестовали, что ему по чину не положено заниматься земляными работами. Он тут же достал из кармана перчатки и заявил: «Не лишайте меня радости и удовольствия посадить молодое дерево».

Так начиналась история главной больницы Донецкой области. Собственно, тогда еще и области-то такой не существовало...

***Есть вопрос:
почему больница Вишневского
называется больницей Вишневского?***

Про мазь Вишневского слышали все. Многие догадываются, что ее придумал какой-то знаменитый медик. Самые продвинутые знают даже, что была в свое время династия хирургов Вишневских. Отсюда – резонное предположение: донецкая больница названа именем великого врача. Так и следует объяснять инородным. Хотя, если честно, никакого отношения к Донецку ни один из знаменитых Вишневских не имел. Откуда же название? Есть по этому поводу легенда. Согласно ей, в свое время главным врачом этой больни-

цы был человек по фамилии Вишневский. К династическим хирургам он отношения не имел никакого, но был тщеславен. Хотелось ему, чтобы его фамилия была связана с больницей хотя бы неофициально. И он придумал способ: стал платить по 50 копеек в день водителям автобусов, проезжавших мимо этого лечебного заведения. Просто за то, чтобы они делали объявление: «Больница Вишневского». Говорят, водители так втянулись, что продолжали делать это и после смерти хитроумного главврача.

Трамвайчик тронулся...

Основные виды городского транспорта в Донецке: трамваи, троллейбусы, автобусы и маршрутные такси. В городе 10 трамвайных маршрутов общей протяженностью 130 км и 19 троллейбусных маршрутов протяженностью 188 км, 115 автомаршрутов. В состав Донецкого трамвайно-троллейбусного управления входят 2 троллейбусных и 2 трамвайных депо. Также в Донецке зарегистрировано более 30 служб такси.

Не верьте тому, кто скажет, что в Донецке никогда не делали трамвайных вагонов. Действительно, город не имел предприятия по их выпуску. Но это не останавливало умельцев – ремонтников подвижного состава. В начале 50-х годов они собственноручно, из разрозненного материала смастерили вагон, тут же громко окрещенный «пульманом». Вагон отличался более внушительными габаритами по сравнению с серийным вариантом, но главное – вполне мог передвигаться по донецкому трамвайному пути. Пульман был брошен на разгрузку одного из самых людных маршрутов – третьего (Центр – поселок Стандарт – машинозавод).

«По образцу московских»

Общезвестно, что первый трамвай Сталино был пущен в 1928 году. Вот как комментирует это событие газета «Диктатура труда» от 16 июня: «Трамвай состоит из 8 вагонов: 4 моторных и 4 прицепных. Вагоны оборудованы

НЕТ ТАКИХ ПРЕПОСТЕЙ, КОТОРЫХ БОЛЬШЕВИКИ НЕ МОГЛИ БЫ ВЗЯТЬ

по образцу московских: раздельные скамьи со спинками, электрическое освещение, вентиляция и пр. После окончания работ по прокладке пути в городе, трамвай будет заходить на первую и вторую линии». Завершается заметка на оптимистической ноте: «Электроэнергии имеется достаточно».

Как известно, тому, что пишут в газетах, верить нельзя. Оптимизм «Диктатуры труда» напускной, об этом можно судить, если просмотреть протоколы заседаний секции по местному хозяйству Сталинского горсовета за 1927 год. Они содержат многочисленные жалобы на изношенность оборудования электростанции, из-за чего она «не может обеспечить безотлагательную задачу по усилению освещенности улиц» и «дать свет крестьянству деревни Семёновка». 30 марта 1928 года на заседании секции все еще недоумевали – каким образом тов. Шарловский (начальник станции) мыслит дать энергию трамваю, чьего пуска ждал весь город.

Тем не менее, несмотря на неувязки, помешавшие тов. Шарловскому технически перевооружить вверенное предприятие, трамвай пустили. Эта шикарная довоенная модель имела деревянно-металлический тяжеловесный кузов, кабина водителя не была отгорожена от пассажирского салона, двери закрывались вручную. Первый вагон запускался от Совбольницы (нынешней площади Ленина) в 5 утра, последний отходил от железнодорожной станции «Сталино» (нынешний вокзал) в 20:45. Маршрут был однопутным. Стоимость проезда зависела от конечной точки следования пассажира: от Совбольницы до Ветки, например, она составляла 20 копеек, ну а проезд по всему маршруту обходился 25 копеек.

Четырехлетние роды

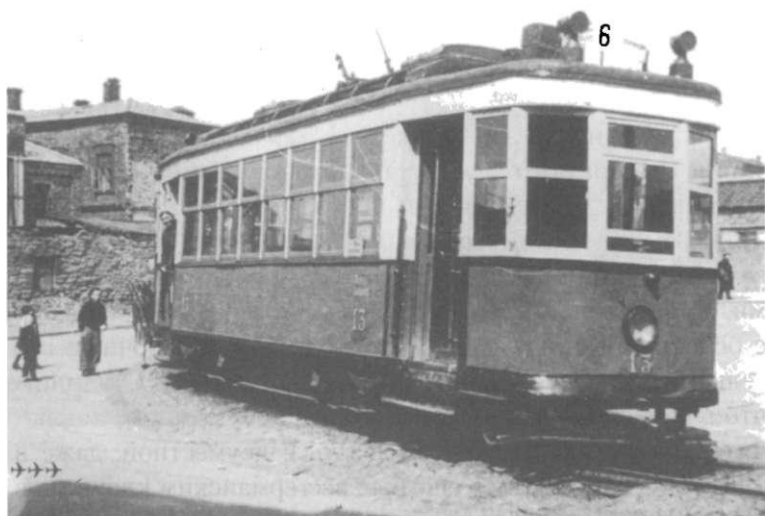
Этот момент и является началом городского пассажирского транспорта. До 1928 года населению Сталино прихо-

дилось как-то обходиться без него. Собственно, до поры до времени в регулярном рейсовом транспорте пужды особой не было. В дореволюционный период и в самом начале 20-х потребность в передвижении удовлетворялась с помощью гужевого транспорта. Да и пешком Юзовку из края в край можно было пройти за час-два.

Но с включением в состав города Смолянки, Калиновки, Ветки проблема транспорта встает остро. Нельзя сказать, что ее не прогнозировали. Планы первой трамвайной линии были подготовлены еще в 1924 году. Далее все развивалось по законам социалистического строительства. Сооружение трамвайного пути началось только в 1927 году. Перед этим в горисполкоме еще раз вынесли постановление – проработать вопрос о целесообразности трамвайной линии (2 марта). То, что этот вопрос понадобилось вдруг исследовать вторично, участников заседания не смущало – ведь за прошедшие два года в секторе горисполкома произошла почти полная смена состава, пришли новые люди со своим видением проблемы.

Четырехлетние раздумья о городском трамвае заложили то, чем город будет хронически страдать впоследствии – отставание развития транспорта от темпов городского строительства. То есть новые микрорайоны возводились, люди в них заселялись, и только после этого начиналась организация подвоза населения.

К концу 1928 года маршрут первой линии трамвая был продлен еще на 3 километра – до металлургического завода. Тогдашние трамваи использовались не только для перевозки пассажиров – на специальных платформах транспортировались также различные грузы. Таким образом, например, доставляли стройматериалы к микрорайону вблизи кинотеатра Шевченко, где как раз ускоренными темпами сооружали жилые дома. Ремонт и осмотр вагонов поначалу производился в помещении бывшего гвоздильного завода (на месте нынешнего драмтеат-

Трамвайное «закругление» в начале седьмой линии

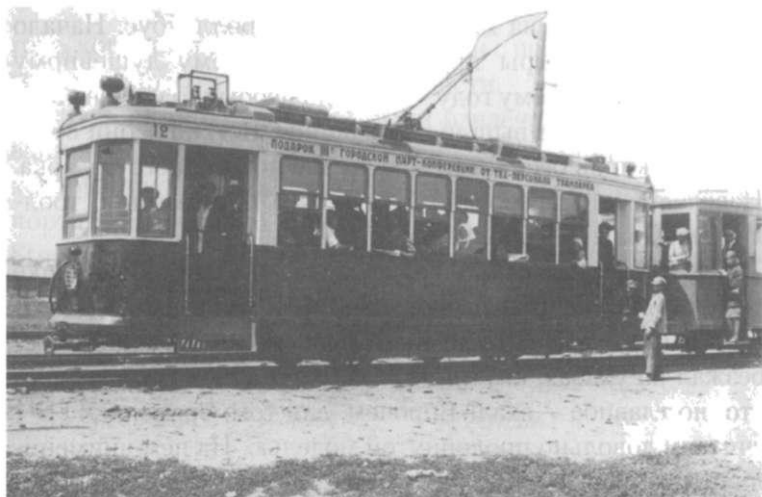
1931 г. Трамвай на улице Артема

ра). В 1932 году ввели в строй трамвайное депо на 36 вагоно-мест.

У черта на рогах

Из «Политико-экономической характеристики территории Сталинского горсовета», датированной 1931 годом: «Трамвайное сообщение: город связан с Ветковским, Сталинским, Смоляниновским райгорсоветами, Сталинским заводом и Григорьевским и Евдокимовскими сельсоветами. Протяженность трамвайной линии связывает райцентр с основными промышленными пунктами и рабочими поселками, а также с железнодорожной станцией «Сталино», что в период войны сыграет громадную роль». Заключительная фраза не должна казаться неуместной: даже в 1931 году, когда Гитлер еще был всегерманским клоуном, в Советском Союзе полным ходом готовились к войне на всякий случай.

К 1939 году население города составило 474 тысячи человек. Колоссальный рост объяснялся промышленным бумом и приданием Сталино статуса областного центра. Соответственно, невероятным образом увеличилась территория города, в которую вошли Рутченково, Мушкетово, Петровка, Лидиевка, Мандрыкино. Эта географическая революция опять-таки не была в достаточной степени подкреплена развитием транспортных коммуникаций. К тому времени новые трамвайные маршруты связали центр с поселком Стандарт, Рутченково, Смолянкой. Вскоре трамваи пошли на Мушкетово, Калиновку. Но все это лишь частично решало транспортную проблему. Такие поселки, как Буденновка, существовали, как острова в бурном океане: добраться оттуда до «большой земли» (то есть до центра) стоило титанических усилий. Рейсовое автобусное сообщение было настолько маломощным, что всерьез о нем как о надежном средстве выехать за пределы поселка речь не шла.

Первый трамвай на улицах Сталино

Именно с довоенных времен за восточным (Буденновка, Пролетарка) и юго-западным (Петровка, Абакумово) районами города прочно закрепляется название «у черта на рогах». После войны число их жителей продолжало стремительно увеличиваться, трамвайная же линия соединила, скажем, Буденновку с центром лишь в 1957 году, и только в начале 60-х была закончена линия от центра Пролетарского района до шахт «Красная Звезда» и «Правда». Что касается юго-запада, то здесь трамваем никогда и не пахло. Эта самая удаленная часть города всегда была особенно забита в транспортном отношении. В 1955 году с центром ее связывали автобусные маршруты № 4 (Садовая площадь – Петровский райсовет) и № 9 (Садовая площадь – шахта имени Абакумова). Редкие, как соловьи в Заполярье, автобусы брали штурмом.

Что-то новенькое

Но это будет потом. А 31 декабря 1939 года в городе Сталино появился новый вид транспорта – был торжест-

венно отправлен на маршрут первый троллейбус. Начало троллейбусной эры приурочили к самому душевному празднику – Новому году. Это было необычно и очень здорово. На маршрут вышли две машины. Всю ночь они возили пассажиров бесплатно, в качестве новогоднего подарка. Население отреагировало с глубоким пониманием: троллейбусы были переполнены.

Новое счастье свалилось на жителей Сталино в облике модели ЯТБ-1. Агрегат производства Ярославского автозавода был похож на маленький броненосец, отчаянно дребезжал на ухабах, внутри был устроен по-монашески просто, но главное – ехал! Впрочем, для того времени ЯТБ-1 считали довольно продвинутой моделью. На нем применили целый ряд технических новшеств: пневматический привод тормозов, автоматические двустворчатые двери, стеклоочистители. Но вот кузов – это было нечто: полное впечатление, что машину готовили для боевых действий, но собрали наскоро, из чего попало. Склепанная из швеллеров рама, на которой полностью деревянный каркас, обшитый снаружи металлическими листами, а изнутри фанерой... Получилось это чудо техники тяжелым: пустая машина весила примерно 9 тонн.

Решение о пуске троллейбуса власти Сталино приняли в 1938 году. В течение следующего года готовили маршрут. Он был не очень длинным: металлургический завод – Студгородок, всего 3,2 километра. Правда, Студгородок тогда находился на краю географии – в районе нынешнего «Белого лебедя» был скотный рынок, а дальше – степь вплоть до Ветки. Так что, можно считать, что первый троллейбусный маршрут пересекал весь центр. По пути его следования устроили 5 остановок: проспект Павших коммунаров, Первый гастроном, Комсомольский проспект, кинотеатр Шевченко, трамвайно-троллейбусный парк. Кстати говоря, последнее учреждение находилось на месте нынешнего сквера у здания облидминистрации. Там троллейбусы и «отдыхали» после смены. Просуществовал парк аж до 1980

года, когда был снесен именно в связи с постройкой главного административного здания области.

Любопытно, что ЯТБ-1 были извлечены из недр трамвайно-троллейбусного парка и пущены на линию немцами, которые в конце 1942 года возобновили работу этого транспорта. Несколько месяцев машины с надписью Studstadtchen – Stahlwerk (Студгородок – Металлургический завод) в городе пофигуривали...

Есть вопрос:

*почему в трамваях задняя дверь
открывается, а в троллейбусах – нет?*

Наблюдательным гостям города, задающим этот каверзный вопрос, лучше рассказывать, как все было с самого начала. Это сейчас трамваи и троллейбусы находятся в распоряжении одной организации – ТТУ. А когда-то они вели между собой непримиримую конкурентную борьбу – как «Кока-Кола» и «Пепси-Кола», как Бэтмен и Спайдермен, как Дневной и Ночной дозоры. В советские времена, когда не было богатых, трамвайщики пытались завлечь клиента низкими ценами: трамвайный билетик стоил всего 3 копейки, тогда как билет на троллейбус – 4. Потом появились «новые русские», которые стали специально катать-

ся на троллейбусах, чтобы подчеркнуть свою финансовую состоятельность. Секретное трамвайное бюро ответило разработкой специального открытого экскурсионного вагона, который все еще курсирует в летнее время по первому маршруту. И вот тогда троллейбусные пиарщики придумали вечно закрытую заднюю дверь. Что, во-первых, является гарантией здоровья нации (из дополнительной дистанции, которую нужно проскакать, чтобы догнать троллейбус, за год набегает норма ГТО). А во-вторых, позволяет складировать на задней площадке пьяных пассажиров, без риска растерять их на остановках.

Драйзер смотрит на Донецк

Теодор Херман Альберт Драйзер (27 июля 1871, Терре-Хот, штат Индиана – 28 декабря 1945, Голливуд) – американский писатель и общественный деятель. В 1927 году принял приглашение посетить СССР. В начале ноября он прибыл в Советский Союз. В ходе своего 77-дневного путешествия Драйзер побывал в Ленинграде, Киеве, Харькове, Ростове-на-Дону, Баку, Тбилиси, Сталино, Одессе и других городах. После поездки опубликовал книгу «Драйзер смотрит на Россию».

В 1927 году прогрессивный американский писатель Теодор Драйзер совершил поездку в Советскую Россию. Он хотел увидеть, что понастроили большевики за 10 лет власти. Его провезли по ключевым городам страны. Заглянул Драйзер и в Сталино. Отрывки из его «дорожного дневника», любезно переведенного для меня Эльдаром Бахишевым, позволяют ознакомиться с реакцией передового американца на наши внутренние дела.

«Местность запущенная, но живая»

Драйзер прибыл к нам в воскресенье, 18 декабря. Было промозгло, туманно и грязно. Ну мы все знаем, как бывает у нас зимой.

В те времена железнодорожная станция «Сталино», хоть и входила в черту города, но была удалена от центра на 12 верст.

Пришлось Драйзеру со своей секретаршей погрузиться в старый экипаж и двинуться в направлении центра. «Со всех сторон возвышались терриконы, как пирамиды... Далеко в степи, по крутому склону одного террикона двигалась вагонетка. В районе станции дома были просто лачуги, но по мере приближения к городу они приобретали лучший вид. До чего же запущенная местность, и, тем не менее, живая», — пишет Драйзер.

Разбрызгивая жидкую грязь, экипаж американского гостя въехал на центральные улицы Сталино. Тут былолюдно: шумел базар, вокруг него бурлила жизнь. Драйзера доставили в гостиницу «Великобритания». Швейцар на входе пообещал, что гостиница окажется «очаровательно чистой». В принципе, грязи особой Драйзер не увидел, однако все равно попросил постелить на кровать дополнительную простыню. Гостя уважили, но взяли за это с него дополнительно 50 копеек (сам номер стоил 4 рубля).

Хот-доги и бабы с коромыслами

Позавтракали в кооперативном ресторане по соседству, в окружении женщин, «покрытых серыми шерстяными шалями» и «грубо выглядевших мужчин». Впрочем, попадались и прилично одетые персонажи, один даже с тростью. «Нам подали хот-доги и картофельное пюре с подливой», — туманно пишет Драйзер (что он принял за хот-дог в тогдашнем Сталино, можно только догадываться).

Подкрепившись, писатель с секретаршей отправился прогуляться. «Было очень сыро и облачно, и город выглядел настолько мрачно и страшно, насколько это возможно, — ужасается Драйзер, но тут же добавляет. — Однако люди были энергичные и хорошо одеты». Среди воды и грязи по улицам тянулись всевозможные мелкие точки продажи инструментов, галантереи, книг, мебели и т.д. — ассортимент, который показался американцу странным в этом сочетании.

В самое сердце поразило писателя то, что он увидел возле центральной водонасосной станции. С водой в Сталино были

Теодор Драйзер

проблемы, насос – один на всю округу. Многочисленные женщины с пустыми ведрами подходили к окошку, вручали талон («маленькую желтую бумажку»), ставили свои ведра под трубу, и мастер включал воду. Получив живительную влагу, женщины вешали ведра на коромысло и, балансируя, шли по скользким улицам домой. «Одной молодой женщине очень не повезло. Она поскользнулась на ледяном пригорке и упала, пролив все два ведра на себя. Затем она встала со стоическим выражением лица, подобрала ведра и вернулась к насосной станции», – сочувственно повествует Драйзер.

«Оживленные культурные центры»

Вечером прикрепленный к американцу молодой человек из управления по образованию отвез его на автомобиле в один из клубов рабочих. Драйзеру показали выставку, подготовленную к десятой годовщине революции: фотографии, плакаты, документы, график роста профсоюзов за 10 лет, бесконечные таблицы (например, демонстрировали, что количество неголосовавших граждан до революции равнялось 95%, а сейчас, напротив, количество голосующих равно 94%).

Конечно, писателя завели и в центральную библиотеку (тогда еще, конечно, не та, что имени Крупской). С гордостью сообщив, что 47 процентов ее клиентов – рабочие, библиотекарь – энергичный молодой человек, «возрастом на вид не более 20 лет, с привлекательным смуглым лицом и яркими черными глазами» на вопрос – есть ли у него книги Драйзера? – весело ответил: «Нет!» Правда, заверил, что в будущем это досадное упущение будет устранено.

В тот же вечер Драйзеру, слегка ошалевшему от впечатлений, показали еще и клуб профсоюза советских коммерческих работников – старое здание на Первой линии с большой аудиторией, чайной комнатой, спортивным залом и библиотекой, а также (кто бы мог подумать!) – комнатой отдыха с радиоприемником, по которому члены клуба каждый вечер могли слушать местные станции, Москву, Берлин, Лондон.

Драйзер жил в этом квартале г. Сталино

Наконец, Драйзер, смертельно уставший от бессонной ночи в поезде и от круговерти бесконечных встреч и представлений, был отпущен в отель. «Мое впечатление о Сталино существенно менялось. В том, что на поверхности выглядело как заброшенная дыра, я обнаружил оживленные культурные центры для огромного населения», — отмечает приятно шокированный писатель.

На горизонте 140

Гвоздем программы его второго дня в Сталино стал образцово-показательный спуск в шахту.

«Было всего четыре часа дня, но уже достаточно темно. Мокрый снег залеплял окна машины, кое-где сквозь туман были видны электрические огни, иногда звучал заводской гудок. На шахте мы зашли в баню, где переоделись. Там было восхитительно тепло. Зашел один из мастеров, симпатичный молодой человек с прямым носом, что придавало

ему несколько надменный облик. Мы облачились в тяжелые промасленные штаны и куртку, широкополые шапки, нам дали угольные лампы накаливания. Мы выглядели совсем как шахтеры», – с гордостью сообщает Драйзер.

Вернувшись на холод, американский гость с провожаемыми прошли к лестнице, ведущей в шахту. Он успел заметить женщин, работавших на поверхности – судя по всему, сортировщиц возле вагонеток с углем. Особо экстремальную экскурсию Драйзеру устраивать не стали – опустили всего на глубину 140 метров. Рядом с клетью было очень светло. Стоило удалиться чуть в сторону от ствола, как все окутала непроницаемая тьма («светили уже только наши лампы»). В штреке было оживленное движение: провожаемый то и дело предупредительно свистел в свисток и командовал «направо» или «налево». Драйзер с компанией вжимались в стены штрека. Появлялась лошадь с седоком, прижимавшим голову, чтобы не стукнуться о потолок. Лошадь тащила две или более вагонетки с углем.

«Я заметил, что воздух внизу был достаточно свежим, и в некоторых местах коридора даже дул легкий ветерок в лицо. Мы прошли через дверной просм, внезапно воздух стал гораздо теплее, и в нос ударило зловоние от лошадей. Мы попали в конюшню несчастных животных, работающих в недрах земли. Они стояли в узком стойле в темноте – через несколько лет такой жизни все они слепнут. Я продолжал думать о таком кошмарном существовании по мере того, как меня преследовал этот запах по коридору», – признается чувствительный Драйзер.

В конце концов, его довели до забоя. Драйзер не без удивления отметил, что шахта полностью механизирована и киркой никто не работает. Шахтеры использовали появление необычного гостя как отличный повод сделать перерыв. Несколько молодых парней окружили писателя и завели с ним через переводчика разговор об условиях шахтерского труда в Америке. Сами они на жизнь, конечно, не жаловались.

Выбравшись из забоя, пройдя мимо ругающихся «машинистов» вагонеток, переступив через каких-то отдохавших личностей, Драйзер и его спутники добрались до клетки и были подняты наверх. «Снова в теплую баню, где мы смыли угольную грязь с рук и лица», – с радостью подводит черту писатель своему подземному опыту.

P.S. В Сталино Теодор Драйзер не особенно задержался – ждали другие, более ключевые на тот момент города. В книге «Драйзер смотрит на Россию» о наших краях автор упомянул вскользь. Вообще, с этой книгой нехорошо как-то получилось. В целом, она положительно оценивала опыт социалистического строительства, но некоторые моменты советского строя Драйзер, не скрывая, осудил. Долго еще недоумевали наши руководители: как же так, принимали-поили этого американского гения, а он – вон какой черной неблагодарностью отплатил!

Есть вопрос:
откуда у вас «голубых» столько?

Каждый дончанин знает, в связи с чем гости нашего города задают этот пикантный вопрос. Мельчайшая угольная пыль, годами въедающаяся в веки шахтеров, раскрашивает их глаза ничуть не хуже косметического карандаша, которым пользуются: а) представительницы слабого пола и б) сексуально переориентированные представители сильного пола. Поскольку спутать донецкого горняка с женщиной практически невозможно, то большинство приезжих останавливают свой

выбор на варианте «б». Разъяснить гостям Донецка их ошибку – дело несложное. Гораздо труднее успеть это сделать вовремя, до того, как его мысли не материализуются в слова, крайне обидные для шахтеров. В последнее время «накрашенных» дончан в городе все меньше – из-за кризиса угольной отрасли. Таков закон подлости: стоило наступить эпохе, когда количество «голубых» превратилось в показатель стильности, как мы тут же потеряли один из немногих шансов считаться стильными.

30-e

Сталино меняет лицо

Улица Артема – центральная улица Донецка. До 1928 г. называлась первой линией. Начальная точка – металлургический завод, конечная – железнодорожный вокзал. В период между 1920 и 1941 гг. была продлена от площади Ленина до студенческого городка (в современных реалиях). Старая часть улицы Артема в основном сохранила довоенную застройку.

В 1931 году в Сталино взорвали Свято-Преображенский собор. Был не только уничтожен рассадник «опиума для народа», но и расчищено место для создания чего-то нового, прогрессивного. И в качестве «правильной» альтернативы появился сквер с немудренными детскими аттракционами, с гипсовыми скульптурами, с фонтаном, в центре которого высилась композиция (женщина с ребенком на руках, вокруг – дети: девочка следит за бабочкой, мальчик замер с сачком). А еще в сквере стояли клетки с фазанами и павлинами. Все это великолепие окружала красивая кованая решетка. Кстати, насчет женщины в фонтане существовало одно забавное поверье: считалось, что прикосновение к ее правой груди обеспечивает невиданную мужскую силу. Кто мог – добирался и прикасался...

В 30-е годы Сталино изменился радикально, превратившись в большой современный город. Самым решительным образом эти изменения коснулись улицы Артема – то есть, первой линии. Прогулку по старой ее части (в довоенной версии) мне помогала совершать Жанна Крыжная, заведующая отделом советского периода областного краеведческого музея.

Жить стало лучше,
жить стало веселее!

Как завод «откусил» часть улицы

Начнем с того, что изначально улица Артема была несколько длиннее. На старых фотографиях здание на Артема, 5, известное как первая типография (а раньше – как аптека Лаче), стоит не так, как сейчас, совсем не впритык к заводу – за ней виднеется цепь маленьких домиков, и только потом – трубы и домны. Со временем металлургическое производство «откусило» эту часть улицы. Сейчас между бывшей аптекой Лаче и северной проходной ДМЗ – только два невзрачных здания. Но сама аптека парадоксальным образом сохранила дореволюционную прелесть.

Старинный облик более-менее присущ всему началу первой линии. Хотя судьба некоторых домов – весьма бурная. Вот, например, сдвоенный «ветеран» на Артема, 13-15. От его архитектурного замысла сохранилась только часть фасада. Сразу после революции здесь обосновался Юзовский совет рабочих и крестьянских депутатов. В 20-е годы на первом этаже создали первый в городе гастроном (точнее, рабоче-крестьянский кооператив) со столовой. На втором и третьем этажах размещалась гостиница «Металлургия» (потрясающее название для отеля, вы не находите? Так и видишь процессыковки и литья, разворачивающиеся в номерах).

На противоположной стороне улицы в предвоенные десятилетия появились два здания, серьезно изменившие направление человеческих потоков. Сначала построили «Комсомолец» – первый настоящий большой кинотеатр в городе (два зала пропускали в день 3 тысячи поклонников «великого немого»). На втором этаже, где сейчас просто крыша и балюстрада, оживляли картину столики под красочными тентами – там бурлил летний ресторанчик, люди пили сельтерскую с сиропом (а втихаря, говорят – и чего покрепче, проверенные официанты могли и водки налить под видом какой-то безалкогольной лабуды, например, сельтерской без сиропа).

В 1936 году в соседнем квартале появился Центральный универмаг. Построенный по проекту архитектора Карпова, он был поначалу сращен с огромным «Пассажем». Войну «Пассаж» не пережил, а ЦУМ – вполне, хотя в начале XXI века чуть было не «кончился» в огне страшного пожара. На строительство ЦУМа ушло около 3 миллионов рублей, и он довершил оформление архитектурного облика начала улицы Артема. Примерно такой мы ее видим и сейчас...

Деньги, исполкомы и ЧК

Дальше, по направлению к площади Ленина, прохожего поджидает «денежный» квартал. Еще до революции здесь обосновался Государственный банк – и остался в старом доме, казалось, на века. Впрочем, многое, что казалось незыблемым, пошло под откос в независимой Украине. И Госбанк в старом интерьере сменил новый финансовый монстр, «Донгорбанк». До революции «денежный» квартал венчал Юзовский торгово-промышленный банк, который советская власть ликвидировала и использовала здание весьма чадолобиво: вселила туда сначала химический корпус Индустриального института, а потом – Дворец пионеров.

В центре «денежного» квартала разместился, что вполне логично, главный очаг власти – областной исполнительный комитет. Эту резиденцию построили в 1932 году, но власть задержалась тут ненадолго. Через несколько лет исполкомовцы переехали на площадь Ленина, в специально выстроенный Дом Советов, а на освобожденные ими площади без особого шума и пыли въехала местная контора НКВД. Пару десятилетий подъезд на Артема, 40, наводил страх на сталинцев, приглашение сюда было равнозначно поцелую змеи. В конце концов, карающие органы переместились в другое место, а в дом «глубокого бурения» вселили... консерваторию. Высшая музыкальная школа здесь

Панорама первой линии в 30-е годы

прижилась и за прошедшие полвека совершенно стерла из памяти горожан пугающие ассоциации, навеваемые зданием. Фуги и фаготы искупили кровь, пот и слезы...

На углу Артема и Садового проспекта, там, где сейчас магазин «Планета», до революции стояла гимназия «Ромм-Гаргер» для православных девочек и евреек. Разницы в обучении между ними не делали никакой, только закон божий преподавали раздельно – батюшка и раввин. Просветительские традиции этого квартала в 20-е годы получили мощнейшее развитие...

Чудесная камнедробилка

В 1928 году рядом с гимназией завершили строительство первого корпуса Индустриального института. Раньше на этом месте находилась старая обувная фабрика, до революции на ней работал будущий друг «вождя народов» Лазарь Каганович – человек, в честь которого сгоряча даже назва-

ли московское метро. Впрочем, о метро чуть позже. Обувную фабрику создали при Юзе, чтобы дать работу родственникам пострадавших на металлургическом производстве «Новороссийского общества» (мол, пусть зарабатывают сами и не рассчитывают на пенсию). Обувную фабрику снесли, как явный пережиток прошлого – и начали строить нечто.

По меркам 1928 года и в масштабах Сталино, это было суперсовременное здание, сработанное в модном стиле конструктивизма – первый корпус горного института от архитектора Я. Штейнберга. Корпус возводили по совершенно новым технологиям, на каркасе из металлической арматуры, который заливали бетоном. Использовали транспортер для подъема материалов на космический 5-й этаж, камнедробилку, бетономешалку. Сейчас эти чудеса техники не удивят даже младенца, но тогда казались технологическим прорывом. В итоге, например, камнедробилка вдвое увеличила производительность труда и во столько же раз уменьшила стоимость стройки (все же съевшей, в итоге, 2 миллиона рублей).

Суперсовременный архитектурный красавец органично прильнул к зданию старого юзовского коммерческого училища (сейчас – второй корпус ДонГТУ). Любопытная деталь: каждый, кто заканчивал училище с отличием, становился почетным гражданином Юзовки. Первоклассные коммерсанты городу были очень нужны...

Гастроном, как метро

На противоположной от института стороне улицы многие поколения дончан привыкли видеть гастроном «Москва». Сейчас там магазин «Терра-нова», и стилистика уже совсем другая. А ведь концепция, которую заложили в этот торговый центр, стоила того, чтобы ее сохранить...

Появился гастроном в 1936-м (архитектор И. Голосов): тот же конструктивизм, что в здании первого корпуса Гор-

Образцовый гастроном

Новенькая гостиница «Донбасс»

«Парад фасадов» на главной улице Сталино

ного института, только более шикарный. Гастроном отдела-ли искусственным мрамором – в те не самые богатые годы особо подчеркивалось, что на глаз он абсолютно не отличался от натурального, а значит, как говорят в рекламе, «навіщо платити більше»? Псевдомрамор сохранился до конца 80-х. Жители довоенного Сталино любили говорить, что у нас гастроном – как московское метро, во всяком случае, облицован теми же коричневыми и голубоватыми плитками. Вверху, на открытой площадке заработал первый в городе специализированный ресторан...

По диагонали, через перекресток, на Артема, 60, – розовый дом с затейливым оформлением. Появился он в 1928-м как клуб строителей имени Шевченко. Восемь лет спустя его переделали (достроили этаж, сделали башенку с «кружевами», провели лифт, радио, телефон) и открыли крупнейший в Союзе Дворец пионеров. На фасаде появились гипсовые скульптуры юных ленинцев с яростными горна-

Пиршество конструктивизма: телеграф Сталино

ми. Словом, красивейшее получилось здание. Когда его открывали, в городе даже устроили салют, а на городских прудах – праздник с лодками. В довоенные годы возле Дворца пионеров находилась конечная станция детской железной дороги, бравшей свое начало в парке Постышева.

И, наконец, на углу будущей площади Ленина в 1927 году появился Главпочтамт – еще один конструктивистский шедевр. Создавал его столичный архитектор А. Мордвинов. Там открыли первый в Сталино переговорный пункт – телефон-автомат, по которому можно было позвонить в любой город Союза.

Рассказ о новом лице Сталино будет неполным, если не вспомнить о двух моментах. С 1927-го улицы города начали покрывать асфальтом – старый булыжник прицел в совершенную негодность. А в 30-е годы Сталино стал шестым городом в Союзе, который отапливали газом, причем от собственных ресурсов – использовали отходы производст-

ва металлургического и Рутченковского рудоремонтного заводов, очищенные местными умельцами. В деле внедрения бытового газа мы опередили даже Кисв. Ну что ж, Донецк всегда был очень передовым городом...

Чего стоит архитектура этого переломного времени – конца 20-х – начала 30-х? «Большинство домов по старому участку улицы Артема не являются архитектурными памятниками. Но поскольку Донецк, несмотря на свою молодость, как всякий город, имеет право на исторический центр, очень бы хотелось, чтобы эти дома сохранились, чтобы их не сносили, не уничтожали. Хотя бы вот эту историческую часть города надо сохранить, хотя бы то, что от нее осталось», – говорит Жанна Крыжная.

В общем, как пели в одной популярной песенке – «пока еще не поздно нам сделать остановку»...

Есть вопрос: кто у вас тут главный?

Все остальные вопросы вам могут и не задать, а вот об этом спросят обязательно. И отвечать придется, хотя, как правило, гости города сами знают, кто у нас главный. По крайней мере, так им кажется. Да и не только им, но и всему прогрессивному человечеству, имеющему возможность пользоваться Интернетом. Настоящий дончанин прекрасно знает, что все эти интернетовские бредни не имеют никакого

отношения к действительности. Просто потому, что в Донецке каждый – сам себе главный. Более независимой и самодостаточной общности людей история еще, пожалуй, не знала. По сравнению с ними свободолюбивые ковбои Дикого Запада – просто закомплексованные хамелеоны. Достаточно свозить приезжего на Петровку, Буденновку или на Азотный – и он поймет, кто у нас на самом деле главный!

Парк культуры имени ОТДЫХА (товарища Щербакова)

Центральный парк культуры и отдыха имени Щербакова был заложен в балке Скоморошиной в 1932 г. Назван в честь А.С. Щербакова, секретаря Донецкого обкома партии в 1936-1938 годах. Суммарная площадь парка – 200 гектаров, площадь водного зеркала Первого городского пруда – 32 гектара. Через пруд проложен железобетонный мост. В парке работают аттракционы, подочная станция, танцплощадка, имеется два комплекса фонтанов.

Июньский (1931 г.) пленум ЦК ВКП(б), среди прочего, дал установку: широко развернуть работу по развitiю зеленых насаждений, превращению городских лесных массивов в образцовые парки культуры и отдыха. Следуя предначертаниям, донецкие власти в том же 1931 году закладывают городской парк. Первые деревья высаживала юзовская молодежь. Рассказывают трагикомическую историю. Один комсомолец-металлург Вася – ураган, не парень! – так стремился превзойти своего вечного конкурента по общественным делам комсомольца-металлиста Петю, что выкопал ночью замечательную березку в Горсаду, под покровом ночи доставил ее в новый парк и посадил на своем участке. Когда Петя на следующий день увидел это, то от досады лишился дара речи. Васю подвели нюансы: на коре березки какой-то нехороший посетитель Горсада вырезал пару слов. По ним и опознали березку. Васе крепко дали по рукам, а Петю признали победителем соревнования по высадке деревьев в новом парке.

Что в итоге получилось? Читаем изданную в 1955 году книгу Т. Гузенко «Парки Донбасса» (тов. Гузенко – «крестный отец» нескольких ПКиО нашего региона): «Как и все советские парки, парки Донбасса, рассчитанные на обслуживание широких слоев трудящихся, получают новое содержание, коренным образом отличающее их от дореволюционных парков и садов. Они становятся местом культурного отдыха, воспитания и оздоровления трудящихся... Вместо узких дорожек интимного характера в частновладельческих парковых массивах, в парках культуры и отдыха создаются широкие и просторные аллеи и площади, сооружаются монументальные входы, массовые зрелищные сооружения, предназначенные для обслуживания большого количества посетителей».

Два мощных водно-зеленых диаметра

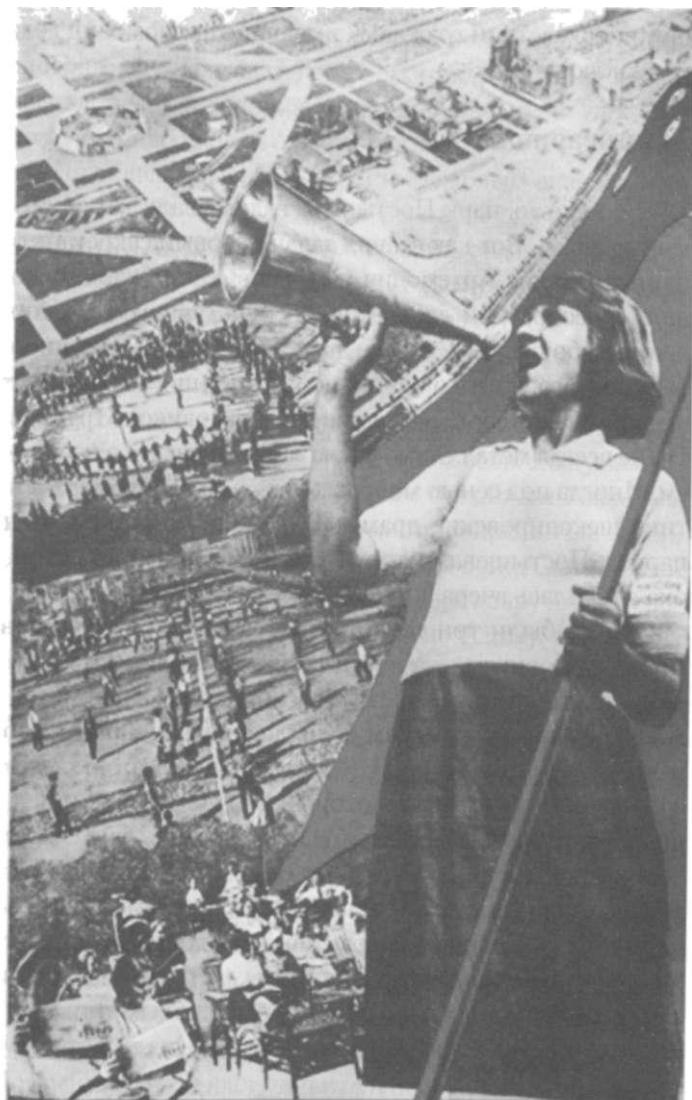
Центральный парк города закладывали на открытом участке степи, который вздымался за прудами на речке Бахмутка. Вообще, первый генплан, разработанный в 1932 году, содержал программу создания зон отдыха на четырех городских прудах и большого водохранилища на Кальмиусе – из пяти частей (две из них, за Гладковкой, так и остались «бумажными» – а жаль, ведь именно вокруг них намечались развернуть грандиозный лесной массив). Вся эта система называлась «два мощных водно-зеленых диаметра» и позволяла органично расчленить город на три сектора. Реализовали ее не вполне, но структуру центра города она определила.

При закладке парка (ему дали имя партийного лидера Украины Петра Постышева), как мы уже видели, план озеленения выполняли при помощи молодых сил, которые должны были значительно ускорить окультуривание отведенных 120 гектар. Вскоре на склонах Первого пруда закурчавились молодые кроны – и ландшафт ожил.

При посадке стремились соблюдать разнообразие. И добились цели: около сотни названий древесных и кустарниковых пород делало парк «наиболее ценным в Донбассе» (как напи-

И
Ш

ЗА

ПРОПЕТАРСКИЙ ПАРК КУЛЬТУРЫ И ОТДЫХА

шут впоследствии граждане, имеющие полномочия делать такие заключения).

Три товарища

Вообще-то, парк Постышева задумывали как место оптимистическое. Вот как ставил задачу первый секретарь обкома партии Саркис Артемович Саркисов: «Этот парк нужно сделать своеобразной лабораторией культурного времяпровождения рабочих. Все уголки парка должны дышать весельем, радостью, говорить о наших победах. Они должны укреплять здоровье шахтеров, металлистов, коксовиков, трудящихся». Но не всегда металлисты и коксовики дышали в парке весельем. Иногда под сенью молодых деревьев разыгрывались поистине шекспировские драмы. Вот одна история, связанная с парком Постышева, которую еще в 70-х рассказывали, будто она случилась вчера.

Жили-были три товарища: Рыжов, Серов и Белов (фамилии условные – настоящих просто не помню). Работали то ли металлистами, то ли коксовиками. Серов имел молодую жену-красавицу. Сам он был человек добрый и заботливый, но не шибко видный. Рыжова, напротив, описывают как здорового красавца, который играл на баяне и пел почище Шаляпина. Семейей Рыжов не обзавелся, жил с матерью и сестрами. С какого-то времени Серов стал замечать, что Рыжов все чаще «зависает» у него в гостях, громогласно развлекает его жену, и та, что характерно, с удовольствием эти развлечения воспринимает. Нельзя сказать, чтобы Серову все это очень нравилось, но терпел: с Рыжовым они были старинные приятели, не раз друг друга выручали в трудную минуту.

Жили Серовы неподалеку от парка, на Александровке. Однажды хозяин сидел дома один – жена куда-то запропастилась. Скучал, читал «Правду», размышлял. Вдруг – стук в дверь. Открывает – на пороге стоит сосед и, пряча глаза, сообщает, что минут 15 назад в парке, недалеко от плотины видели

его жену с Рыжовым в ситуации, исключающей разночтения. Серов поблагодарил соседа за информацию, проводил со двора и, взяв небольшой топорик, отправился в парк. Судьба вела его за руку – парочку он обнаружил быстро, и все говорило о том, что отношения между женой и Рыжовым еще не были выяснены до конца. Первым делом Серов выключил из игры друга, затем без разговоров (речи толкать он не умел) разобрался с женой. Два трупа сбросил в Первый городской пруд, туда же швырнул топор и отправился к Белову.

Третий друг выслушал убийцу очень внимательно. Выпили водки и начали рассуждать. На руках у Серова остались сын и дочка. Белов был бездетным. Надо было выручать друга. В общем, Белов решил принять вину на себя. Выдумал какую-то историю про то, что они вместе с покойным Рыжовым домогались ветреной жены друга и, когда та предпочла соперника, Белов, мол, не стерпел и прикончил обоих. С этой историей он и пришел к следователю, когда через пару дней Серова «замели» (трупы всплыли и были опознаны). Ничего из благородного порыва не вышло – нашлись люди, видевшие Серова с топором. В итоге, сели оба: Серов – за убийство, Белов – за лжесвидетельство. Поляну, где все случилось, еще долго считали проклятой. О судьбе серовских детей ничего не известно...

Детский мир

Детский акцент был ярко выражен в самой идее парка, с его немудренными аттракционами. Тогда и взрослые были не столь закомплексованы, чтобы пренебрегать даже банальными качелями-каруселями. Но для подрастающего поколения парк Постышева открывал удивительный мир, венцом которого была детская железная дорога – два сцепленных «спина к спине» вагончика, одноколейный маршрут между парком и Домом пионеров.

«Парад аттракционов» до войны был еще очень скромным, в основном, он развернулся уже в 50-е. Кстати, одним из

Главный фонтан главного парка города Сталино

первых градостроительных деяний в освобожденном Сталино стало наведение понтонного моста через Первый городской пруд. Так армия-победительница внесла свой вклад в благоустройство города. Очень символично получилось: мост из 30-х в 50-е перебросили военные, под знаком которых прошли 40-е. Понтонный мост служил несколько лет и уступил место стационарному – на первых порах, деревянному. Одно из самых страшных воспоминаний детства мамы автора этих строк – переход через Первый городской по угрожающе скрипевшим доскам...

Набор послевоенных аттракционов в парке, который переименовали в честь А.С. Щербакова (Постышев к тому времени не оправдал надежды советского народа и быстро умер) был тоже прост: комната смеха, лодочки-качели, цепочные карусели для взрослых и детей. Располагались они на том же «лятачке», что и ныне, но более компактно. Самым «козырным» аттракционом считался «иммельман» – два красных самолета, бешено раскручиваемые в вертикальной плоскости, да еще и вращавшиеся вокруг своей оси. Бесхитростным детским душам парк Щербакова заменял все нынешние компьютерные забавы. В комнате смеха челюсти сводило от веселья. Появление колеса обозрения на рубеже 50-х годов казалось главным событием городской жизни. На детском пляже было не протолкнуться. Район купания, мелководье, был огорожен понтонами с дощатым настилом.

Словом, парк Щербакова был детским миром. Но все же с ярко выраженным взрослым акцентом.

В гостях у Сталина

К середине 50-х парковый ансамбль сформировался. Доминирующим его элементом стала белая фигура Отца Народов. Иосиф Виссарионович встречал любого входящего в парк – сразу за мостом, там сейчас можно увидеть Доброго Ангела. Вождь стоял в обрамлении шаровидной акации, и пройти мимо него, не заметив, было невозможно. За сталин-

Уникальная решетка Горсада

ской спиной виднелся фонтан, вершину которого тогда еще составляло скульптурное изображение группы атлетов, держащих вазу. Далее – затейливая лестница с балюстрадой и фигурами обоеполых физкультурников по бокам (они пережили Отца Народов на полвека). И, наконец, стадион «Шахтер» – еще без второго яруса.

Главной задачей парка являлось максимально полное вовлечь каждого посетителя в культурный отдых. Массовик-затейник, молотивший языком не хуже Бубы Касторского, организовывал танцы в районе фонтана, на импровизированном помосте. Этот человек был так назойливо активен, что под его напором не устоял бы даже Терминатор. Плясали самозабвенно. Вспоминают, как темпераментный чечеточник из толпы, нещадно избивая ногами помост, дотанцевался до конфуза: у него лопнула подтяжка, держащая носок (такими подтяжками пользовались практически все, ибо про носки с эластичной резинкой никто и слыхом не слыхивал).

В парке Щербакова можно было отдать душу демону азарта. Здесь играли на деньги в бильярд, а также в домино (понят-

но, официально это запрещалось). Бильярдный зал одно время находился над байдарочной станцией. Игра на деньги чревата всякими конфликтами. Завсегдатаи бильярдных, а также доминошных собраний, имевшие звучные клички типа Верблюд или Очко, рассказывали, что в случае злостного отказа выплатить проигрыш клиенту порой даже «давали ножа». Кстати, прокат бильярдного инвентаря стоил 50 копеек в час.

Лодочная станция располагалась у моста – теперь здесь прибрежное кафе. Катались по водной глади, грести старались обязательно шикарно – с «оттяжкой», заложив дымящуюся беломорину в угол рта. Не болотом, а истинной свежестью веяло от воды. По волнам, вместе с утками, шуршали лебеди – как белые, так и черные. Мир казался волшебным – по крайней мере, так о нем вспоминают те, кому тогда было 15-20 лет...

Есть вопрос: *где найти ваше Донецкое море?*

Обнаружить его, конечно, несколько сложнее, чем Средиземное или хотя бы Азовское, но тоже не проблема. Например, сесть на автобус или маршрутку номер 37 (она идет от железнодорожного вокзала) – и ехать почти до конца, до микрорайона Широкий. Там все увидите. Иррегулярный транспорт в том направлении ходит также от Крытого рынка и от автостанции «Центр». Морем этот водоем называли, конечно, в припадке мании величия, но раз уж называли, репутацию нужно поддерживать. Обратите внимание в разговоре с любопытствующи-

щим приезжим на тот факт, что водная гладь ДМ составляет 206 гектаров. Произнесите эту цифру как можно внушительнее – тогда может не последовать вопроса: «Много это или мало?» Если все же следует – переведите разговор в другую плоскость. Скажите, например, что максимальная глубина ДМ – больше, чем у того же Азовского моря (где она, как известно, составляет смешные 14 метров). Нужны ли еще какие-то аргументы, чтобы проиллюстрировать масштаб самого большого донецкого водоема?

Крещение «Бастилией»

Донецкий областной музыкально-драматический театр ведет свою историю с 1927 года, когда в Харькове был организован рабочий театр, основу труппы которого составили актеры легендарного театра «Березиль». В 1933 году он переехал на Донбасс, где в то время не было ни одного профессионального стационарного украинского театра. В 1941-42 гг. во время эвакуации коллектив театра слился с остатками еще трех театров: Горловского, Артемовского и Ивановского. Новообразованный объединенный творческий коллектив получил название театра музыкальной комедии и драмы имени Артема. В своем теперешнем здании театр работает с 4 февраля 1961 года.

О ноября 1933 года, в день, когда похмельные граждане страны, если верить господину Б.Г., желают только пива, в прессе города Сталино появилась статья замечательного украинского драматурга И. Микитенко: «Стать ведущим театром Донбасса». Прочтем эти строки: «Мне выпала честь принимать участие в открытии Сталинского государственного театра своей новой пьесой «Бастилия божьей матери». Впервые в Советском Союзе пьеса увидела огни рампы именно здесь, в столице социалистического Донбасса... Театр в очень сжатые сроки и в очень сложных условиях строительства, организовал помещения и сделал достаточно много для того, чтобы создать интересный спектакль, который хорошо воспринимается пролетарской общественностью». Так, довольный автор отозвался на премьеру, прошедшую накануне, в светлый ноябрьский день. Так начинался настоящий театр в городе Сталино.

Ноябрьский аврал

Говоря «настоящий», имеем в виду, что театр в Сталино существовал и до 7 ноября 1933 года. Но это было немножечко из другой оперы. Точнее, из драмы. Тот, изначальный театр назывался «Держдрама» и являлся передвижным. То есть не стационарным. Еще конкретнее: если стационарный театр может эпизодически ударяться в гастроли, то для передвижного кочевой образ жизни – единственно возможный. «Держдрама» имела в Сталино резиденцию, но городу от этого не было ни холодно, ни жарко.

А город жаждал искусства всеми фибрами.

Труппа, поставившая в 1933 году «Бастилию божьей матери», проистекла не от «Держдрамы». Она прибыла в Сталино из Харькова, из тогдашней столицы Украины. Ее появление в наших степях – никакая не случайность: на то было специальное распоряжение партийных органов. Для подъема культурного уровня пролетарских масс, чтобы было понятно. Для «стационарников» выделили помещение неподалеку от кинотеатра «Комсомолец». Труппа прибыла в Сталино летом 1933 года. Капитальный ремонт помещения уже шел авральными темпами. Стояла сверхзадача: премьеру – к ноябрьским праздникам. Пьеса требовалась непременно с хорошей идеологической выдержкой. «Бастилия божьей матери» подходила как нельзя более (в ней замечательно раскрывалось подлое единство белогвардейцев и буржуазных националистов).

Закуснуть в пределах города артистам не давали: по планам отдела культуры, театр должен был нести драматургию в самые широкие массы, к удаче последних. Для знакомства с массами власти организовали нечто вроде турне. Театр поехал по фабрикам, заводам и шахтам, по городам и поселкам Донецкого края. Массы получали возможность ознакомиться с репертуаром форпоста культуры путем просмотра отрывков ключевых пьес. Надо сказать, что, помимо ходульно-плакатной «Бастилии» (о которой, как и о самом И. Микитенко, сейчас с трудом вспоминает даже «Википедия»),

работники подмостков могли предложить трудящимся такие проверенные временем шедевры, как шекспировский «Макбет» или «Без вины виноватые» А. Островского. Что характерно – на украинском языке – его тогда пытались привить массам для нейтрализации буржуазных националистов (которых так ловко «продернул товарищ Микитенко в своей «Бастилии»). Эффект от выступлений был очевидный: после некоторых представлений благодарная аудитория тут же формировала строительные или ремонтные бригады – и вперед, на завершение капитального ремонта театра! Дедлайн приближался неуклонно.

Но, как ни торопились, ремонт закончился только вечером 6 ноября. Площадку перед театром в праздничный день народ заполнил до отказа и наслаждался атмосферой необычного торжества. Как восприняли «Бастилию» зрители, проникшие в зал? Вот как оценивает поведение аудитории историк театра А. Кулик: «Захваченные остроконфликтным рассказом о героической борьбе украинского крестьянства за социальное и национальное освобождение, зрители с напряженным вниманием следили за развитием драматических событий». Написать иначе он не мог, как на самом деле приняли шедевр Микитенко, гадать не станем, но запомним «Бастилию» хотя бы за то, что она – наша первая пьеса.

Мельпомена в робе

Ковыряясь в анналах театральной истории Сталино, постоянно натыкаешься на три имени: В. Василько – художественный руководитель театра, впоследствии – народный артист СССР; Л. Гаккебуш и В. Добровольский – ведущие актеры. Из столичного тогда Харькова они прибыли в Сталино, как на освоение целинных и залежных земель. Донбасс и культура – тогда эти понятия казались несовместимыми. По своему уровню каждый из харьковской троицы был достоин лучшей сцены Украины, а то и Союза. Но вот понесло людей в совершенно неразработанный Сталино – как говорится,

Сталинская опера

«есть такая работа – свет в массы нести»... Впрочем, возможно, и альтернативы-то люди не имели, и никакая иная сцена им не светила. И попали в Сталино, как на галеры.

Можно, однако, считать, что в довоенные годы наш театр своего зрителя нашел. Это был зритель искренний, сочувствующий и понимающий, несмотря даже на то, что большая часть посетителей театра приходила туда «по разнарядке». Озабоченные повышением культурного уровня населения, власти насильственно сгоняли трудящихся в храмы Мельпомены. Возникали такие красочные инициативы, как культпоход рабочих союза транспортников на спектакль «Віддай партквиток». Опять же, обслуживание колхозников. Так ширилась и крепла аудитория. При этом уже в довоенное время в Сталино появились первые театральные завсегда-таи. Как правило, это была техническая интеллигенция. Свое театральное сообщество составилось среди преподавателей Индустриального института. Большой интерес к драматургии города Сталино проявляло местное культурное еврейство – известна, например, семья Зак, не пропускавшая

ни одной (!) премьеры, зная лично ведущих актеров и даже распространявшая контрамарки на представления, безнадежные с точки зрения зрительского интереса.

Что до охвата населения театральным искусством, то на этот счет сохранились точные свидетельства. В конце мая 1935 года на заседании президиума местного совета профсоюзов рассматривался вопрос о работе Сталинского театра. В постановлении отмечалось, что за 8 месяцев работы во втором своем сезоне театр подготовил пять новых постановок, дал более двухсот спектаклей, которые посетили свыше ста тысяч зрителей (по сравнению с 60 тысячами в предыдущем году – явный рост). В порядке культурной шефской работы театр совершил 34 вояжа в Селидовскую МТС. Ну кто это там сказал, что искусство не поддается учету и контролю? Измерили Мельпомену рабоче-крестьянским аршином. Без проблем.

В середине 1935 года молодой Сталинский театр постигла великая честь. Его ангажировали на гастроли в Ленинград. Об успехе гастролей свидетельствует приглашение, которое получил ведущий наш актер В. Добровольский. Ему предложили сыграть в фильме «Петр I», снимавшемся в то время на «Ленфильме». И что? Добровольский сыграл, причем не одну роль, а две: крепостного Федьку и прокурора Ягужинского. Знай наших!

Театральная «оттепель»

Сделать из нашего города театральный центр, в конечном итоге, не получилось. Но был один временной отрезок, когда драматургия стала модной. Поэтому позволим себе перескочить через годы и даже десятилетия. Не будем останавливаться на суровых картинах военного времени – на пешем исходе актеров в направлении Ясиноватой с частыми залегами в воронки и кюветы при бомбежках, о выступлениях в госпиталях и сборах денег на «актерский» танк, который таки был подарен фронту. Скажем лишь, что театральный сезон 1944 года в освобожденном Сталино открылся 5 мая

Другой очаг культуры – кинотеатр Шевченко. Опера – напротив

оптимистической «Свадьбой в Малиновке» и что после войны драмтеатр выступал в помещении театра оперного.

Мысленно перенесемся сразу в середину шестидесятых, когда в Донецк пришла драматическая «оттепель». На сцене театра, получившего свой дом родной на площади Ленина, начали ставить Розова, Рощина, Радзинского, примкнувшего к ним Арбузова. Даже, черт возьми, разрешили Оскара Уайльда (несчастный викторианский бисексуал при Сталине тоже попал в «черные списки» Минкульта). И, странное дело, откуда-то взялся в Донецке тонкий театр. Тогдашняя «новая волна» в драматургии воспринималась как откровение, как сенсация, да и как мода тоже. Без моды аншлагов в наш век не сделаешь...

В общем-то, для Москвы весь материал, который производил фурор на донецкой сцене, давно уже перестал быть чем-то интригующим. Что поделаешь – тогдашняя провинция получала свою долю радости с опозданием в пять-шесть лет. Но тем сильнее была влюбленность.

Театральная «оттепель» совпала с другим процессом. Созданный как украиноязычный Донецкий театр таковым

и оставался, по крайней мере, формально. Но в середине 60-х пришел неординарный режиссер Михаил Амитов (заслуженный артист РСФСР). Он создал русскую труппу – и украинский театр, никогда не процветавший, начал «валиться». Если бы все развивалось естественно, языковая проблема решилась бы быстро, и с предсказуемым исходом. Но бросили клич: «В Донбассе должен оставаться хотя бы один украинский театр!» Началась борьба идей. Она происходила весьма несимпатично, кончилось все тем, что часть труппы ушла в Макеевский ТЮЗ. Амитов оказался в ДК Ленина, где создал самостоятельный театр.

А украиноязычие на сцене все же потерпело фиаско. И стали переводить театр «взад» – на русский...

Есть вопрос: правда ли, что фильм «Сталкер» снимали в Донецке?

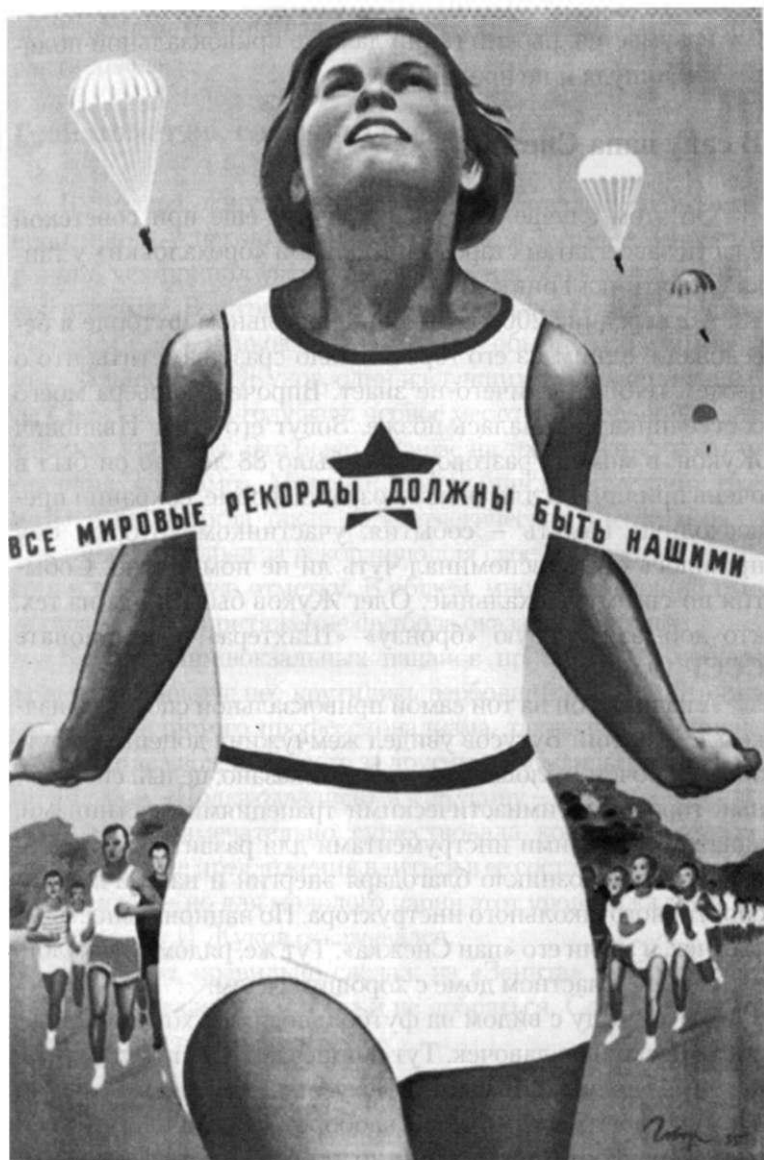
Не то чтобы это заблуждение пользовалось большим спросом. Однако такой вопрос нам задавали, и задавали на полном серьезе. Конечно, улица Артема и прилегающие к ней кварталы не похожи на зону Посещения. Но стоит отъехать от центра на какой-нибудь десяток километров, и пейзаж действительно превращается в настоящую обочину цивилизации. Фильм Тарковского – произведение непростое, трактовать его можно по-разному. Можно, к примеру, предположить, что история о сталкерах, тайком пробирающихся в Зону, чтобы вынести оттуда какую-нибудь дико-

винную железяку, это иносказательное изображение проблемы «несунов», разворовывающих социалистическую собственность. В этом плане Донецк былых лет мог послужить Тарковскому идеальной натурой. Как бы то ни было, «Сталкер» снимался не в Донецке, а, наоборот, в Таллинне. Что, разумеется, не означает, будто в нашем прекрасном городе мало мутантов. Или мест, которые нравятся кинематографистам. К примеру, «Токсичного мстителя» тайно снимали в окрестностях консохимзавода. А «Возвращение болотной твари» – на городских ставках.

Привокзальный соккер

«Шахтер» (Донецк) – украинский футбольный клуб. Основан в 1936 г. До 1946 г. команда называлась «Стахановец». Костяк команды составили футболисты горловского и сталинского «Динамо» (сильнейшей команды города конца 20-х – начала 30-х годов). Первый матч «Стахановца» состоялся 12 мая 1936 г. в Горловке на стадионе им. Балицкого. Команда проиграла одесскому «Динамо» – 2:3.

В Донбассе футбольных гениев хватало всегда. Просто знали о них, как правило, только в радиусе ближайшей пивной. А попадись они на глаза специалисту... Рассказывают, что однажды, в середине 20-х, на станции Юзово «подвис» известный футбольный судья Василий Бутусов, один из двух знаменитых ленинградских братьев. Ехал он на Кавказ, но в пути возникла задержка. Требовалось как-то убить несколько часов. Бутусов начал бродить в окрестностях станции. И вдруг услышал характерные звуки – отрывистые крики и стук мяча. Бутусов поспешил на знакомый зов и увидел суровую «рубку» двух «диких» команд. Играли босиком, мяч был латаный-перелатаный. В толпе игроков выделялся рыжий пацан, творивший форменные чудеса. Глядя на него, выдававший все возможные виды Бутусов просто обалдел. Дождавшись окончания тайма, он подошел к рыжему, представился и оставил свой адрес, пообещав, что гарантирует парню великое футбольное будущее. За всеми этими делами Бутусов совершенно забыл о своем поезде, а когда кинулся на станцию, было уже поздно. На Кавказ пришлось добираться перекладными...

**2-я ВСЕСОЮЗНАЯ ФИЗКУЛЬТУРНАЯ
СПАРТАНАДА ПРОФСОЮЗОВ СССР**

Разумеется, рыжий гений дальше привокзальной поляны так никуда и не продвинулся.

В саду пана Снежки

Об этом случае мне рассказывали еще при советской власти завсегдатаи старой футбольной «брехаловки» у танка (памятника Гринкевичу).

А в середине 2008 года о привокзальном футболе я беседовал с одним из его героев. Надо сразу заметить, что о рыжем гении он ничего не знает. Впрочем, карьера моего собеседника начиналась позже. Зовут его Олег Иванович Жуков, в момент разговора ему было 88 лет, но он был в очень приличной для своего возраста форме, сохранил превосходную память – события, участником которых ему пришлось стать, вспоминал чуть ли не поминутно. События по-своему эпохальные: Олег Жуков был одним из тех, кто добывал первую «бронзу» «Шахтера» в чемпионате СССР 1951 года.

А начинал он на той самой привокзальной спортплощадке, где Василий Бутусов увидел жемчужину донецкого футбола. Впрочем, «площадка» – мягко сказано: целый спортивный городок с гимнастическими трапециями, лестницами, канатом и прочими инструментами для развития тела. Это великолепие возникло благодаря энергии и настойчивости спортивного школьного инструктора. По национальности он был чех, и звали его «пан Снежка». Тут же, рядом со школой, он и жил – в частном доме с хорошим садом.

В этом саду с видом на футбольное поле хозяин оборудовал несколько лавочек. Тут и присаживались пассажиры, которые, подобно Василию Бутусову, томились из-за задержки своего поезда. Или, наоборот, коротали минуты в ожидании попутной лошади до города – тогда вокзал от центра города отделяло 7 километров открытой степи, а извозчиков на душу населения было существенно меньше, чем сейчас маршруток.

В общем, постоянная аудитория юным футболистам гарантировалась.

Гранатометчик союзного значения

Благодаря пану Снежке, школа добивалась серьезных спортивных успехов. Причем не только в футболе: разносторонний чех привил ученикам любовь и к обожаемой им легкой атлетике. Выигрыш первых мест на городских соревнованиях был для привокзальных делом обычным. Некоторые шли дальше: Олег Жуков, один из лучших воспитанников пана Снежки, в 1934 году взял первое место на школьной Спартакиаде Украины. Это было в Киеве на только что открытом стадионе «Динамо». Молодой Жуков блистал в метании гранаты – была тогда такая легкоатлетическая дисциплина, и Олег послал снаряд за рекордную для своей возрастной категории всесоюзную отметку. В общем, многообещающий был легкоатлет. Но притяжение футбола оказалось сильнее.

Команда привокзальных пацанов привлекала всеобщее внимание. Вокруг нее крутились вербовщики – несмотря на отсутствие чистого профессионализма, тактика переманивания работала вовсю. Одного за другим из команды выдергивали лидеры. «Подкатывались» и к Жукову – с Путиловки, там при заводе замечательно существовала команда «Зенит». Официальные предложения влиться в ее состав следовали неоднократно – но для молодого парня этот уровень казался запредельным. И Жуков отказывался.

Наверное, правильно сделал: из «Зенита» до бронзовых союзных медалей он мог бы и не добратся. Сделать это ему помогла родная команда.

Команда из ниоткуда

Совершенствуя свое стихийное мастерство, босоногие пацаны с привокзального поселка обнаглели настолько, что обыграли даже сильнейшую команду Сталино (по злой иро-

В этом составе «Стахановца» Олега Жукова еще нет...

нии судьбы, тогда, в середине 30-х, она называлась «Динамо»). Причем как обыграли – 6:0! Динамовцам было трудно проглотить такое унижение, и они стали придумывать всякие объяснения позору. Например, такое: «Эти хулиганы привокзальные, они не играют, а дерутся!» Ну да, ребята из команды Жукова могли сыграть жестко. Но причина победы над динамовцами была не в этом, а в отличной коллективной игре.

У привокзальной команды оказалась удивительная судьба. Вскоре после победы над «Динамо» начался розыгрыш Кубка Союза, надо было выставять представителя от города. И случилось недоразумение. Жуков вспоминает, что как раз в те дни в Сталино должен был приехать на игру московский «Локомотив». Кто-то из местных спортивных чиновников «по запарке» перепутал все на свете и написал распоряжение, чтобы в розыгрыш была заявлена команда «Локомотив» (Сталино). Команда, которой не существовало в природе. Скандал намечался грандиознейший: уже и афиши были отпечатаны, и циркуляры разосланы. Надо было найти команду любой ценой.

В управлении железной дороги только плечами пожимали: мол, никакого футбола у нас нет, какой такой «Локомотив»? В конце концов, нашелся там начальственный болельщик, который сказал: «Нет, Сталино не будет отдавать свое место во всесоюзном турнире. Если надо – ну что ж, соберем команду! Есть у нас банда привокзальных пацанов, недавно обыгравшая «Динамо» – вот пусть они честь города и защищают!» И босоногие пацаны превратились в «Локомотив» (Сталино). Получили форму, бутсы. И такого соперника, по сравнению с которым «Динамо» казалось детским лепетом.

В Сталино приехала подмосковная команда из специализированной спортивной школы. В составе гостей – сплошь будущие звезды футбола. Ну, к примеру, Василий Карцев, после войны он станет одним из пятерки нападения удивительного якушинского «Динамо» (Москва). Принимать таких гостей на площадке имени пана Снежки было невозможно. И матч состоялся на центральном стадионе.

Привокзальные ребята чуть не сотворили сенсацию – хотя и непривычно себя чувствовали на большом поле, и в бутсах играть было не с руки, но матч свели к ничьей – 1:1. На следующий день в дополнительном поединке, однако, класс взял свое – «Локомотив» проиграл 1:3. Уезжая, подмосковные мастера удивлялись: «Где они набрали таких пацанов? Ни поля, ни кожи, ни рожи, а обыграть их нельзя!» Некоторых футболистов «Локомотива» пытались забрать в Подмосковьё, но сталинским ребятам это казалось другим миром, о нем и подумать было страшно...

Прощальная гастроль

В розыгрыше Кубка следующего года, с блеском пройдя групповой турнир в Курске, «Локомотив» вышел на серьезного соперника – «Динамо» (Тбилиси). Олег Жуков помнит, как их везли через всю грузинскую столицу на фаэтоне, как команда «от пуза» напилась крюшона – изобретатель этого напитка, знаменитый Митрофан Лагидзэ, еще жил и здравст-

Болельщики раннего «Шахтера»

вовал в Тбилиси. «Вышли на поле нового стадиона «Динамо», а там такая трава шелковистая: упадешь – подниматься не хочется, у нас такая просто не растет. Играли достойно, но уступили 3:5. Если бы выиграли – выходили бы на московский «Спартак», на чемпиона страны», – вспоминает с сожалением Олег Иванович.

На этом, собственно, и кончилась история команды «Локомотив» (Сталино). И кончилось футбольное детство Олега Жукова. Ему уже исполнилось 18 лет, пора было думать о будущем. Он поступил в Индустриальный институт, на факультет шахтостроения. Параллельно играл в путиловском «Зени-

те» – после подвигов в «Локомотиве», этот уровень уже не казался заоблачным. А потом молодого форварда заметил тренер «Стахановца» Абрам Дангулов – человек со всесоюзным авторитетом. Шел 1941 год. Дангулов обещал подпустить Жукова к «основе», но все никак не подворачивался случай: команда играла на уровне лучших коллективов Союза, боролась за призовые места в чемпионате, который так и не суждено было закончить. Короче говоря, тасовать состав не было необходимости.

В общем, до войны Жуков так в большом футболе и не дебютировал. Удалось только в 1944-м. Но это уже совсем другая история...

Есть вопрос: когда в Донецке успели провести Олимпиаду?

Вопрос связан с названием регионального спортивного комплекса «Олимпийский». Раньше это сооружение называлось стадионом «Локомотив» и внимания приезжих не привлекало. Теперь – другое дело. Друзья-журналисты рассказывали, что вопросом, на который мы сейчас отвечаем, их просто достали коллеги из Милана. Приходилось выкручиваться... Чтобы покончить с этим раз и навсегда, есть два пути. Первый – явная ложь: пробубнить что-то о том, что один из отборочных матчей футбольного турнира московской Олимпиады 1980 г. был проведен

в Донецке. Второй путь – красивая легенда: твердо заявить о том, что РСК получил название благодаря многочисленным победам Сергея Бубки (и тут же в качестве доказательства предъявить памятник как раз напротив – тот самый, с ласточкой на ноге). Главное – не сболтнуть лишнего, не обнародовать третью версию, которая, увы, слишком похожа на правду: о том, что название «Олимпийский» было придумано в пику Киеву, у которого к тому времени уже был спорткомплекс с этим именем. Догнать и перегнать Киев мы всегда были должны любой ценой.

1937-й: «Ежовый» год

«Ежовщина», «Большой террор» – период в истории СССР (1937-1938 годы), когда сталинские репрессии были доведены до максимума. Название связано с тем, что руководителем народного комиссариата внутренних дел в то время был Николай Иванович Ежов. В ходе «ежовщины» к арестованным широчайшим образом применялись пытки, не подлежавшие обжалованию приговоры к расстрелу выносились зачастую безо всякого суда и немедленно приводились в исполнение. Родственники подвергались репрессиям за один факт своего родства с осужденными; оставшиеся без родителей дети помещались в специальные «детдома для детей врагов народа».

Март 1937 года. Несмотря на тяжелые времена, растения наполнились живительными соками. Жительница Сталино по фамилии Буртова выехала в очередной вояж в один из соседних городов. С коммерческой целью – для производства подпольных абортов. Уже позже выяснилось, что ей помогали две дамы со звучными фамилиями – Шахкульянс и Череповская, предоставлявшие помещение для рискованных операций и подыскивавшие клиентуру. Весенний вояж оказался для абортмахини последним. КГБ, как водится, ее «забрил». Вместе с сообщницами. Как говорил один мудрец – сколько веревочке не вейся, а у ишака все равно уши длиннее.

Как второй секретарь револьвером бился

1937 год известен как пик «красного террора». Однако, кроме репрессий, в обществе происходила масса

КОНТРРЕВОЛЮЦИОНЕР ВРЕДИТЕЛЬ

Зенн-х.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛНИЯ.

Сверкает хищный глаз. Оскалены клыки.	Его пронзила и сожгла
Последний, острый взмах вредительской руки.	Неотраженная стрела
И — нет вредителя! Его настигла кара.	Молниеносного удара!

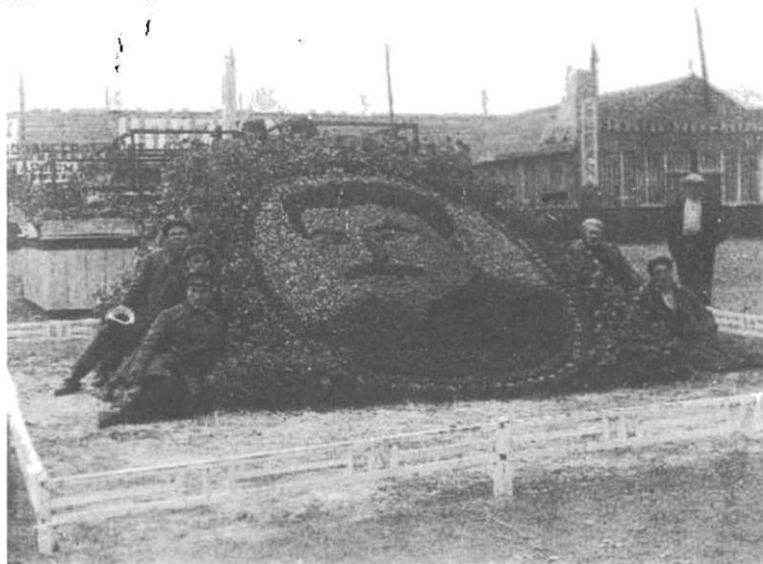
Знай, враг, шагающий к вредительской меже:

НАШ ЧАСОВОЙ НАСТОРОЖЕ

разных разностей. И для «уголовки» работы находилось гораздо больше, нежели для гэпэушников. Впрочем, жизнь такая тогда настала, что не разобрать, где кончается криминал и начинается политика. Вот только два примера.

В клубе шахты им. Киселева тихо-мирно шло заседание райсовета. Чинная публика слушала доклад о сталинской Конституции. И вот, посредине этого веселья, в зале заседаний появилась живописная троица: режиссер клуба Камшадский, капельмейстер Загребин (пьяный) и завклубом Котов (задумчивый). Узрев благодарную публику, пришельцы начали буянить. Ну просто хотели привлечь к себе внимание. Не оценили момента. Творческие люди – ветер в голове. Из зала их вывести оказалось затруднительно. Дальше – читаем скупые строки отчета с места преступления: «Кто же эти люди, хулиганство которых стало, по сути, выступлением классового врага! Камшадского и Загребина в свое время исключили из партии. Загребин только 3 месяца назад вернулся из мест лишения свободы (сидел за хулиганство). Случайным человеком оказался и Котов». Вот так – «случайный». Пьер Безухов какой-то. На выездной коллегии областного суда Камшадского и Загребина (злостных хулиганов) приговорили к 5 годам лишения свободы с поражением в правах после отбывания на 5 лет. Котову, как «случайному», отвесили поменьше – 4 года. Без поражения. Ничего себе водочки выпили.

Дело второе. Действующие лица – второй секретарь Петровского райкома г. Сталино Алферов и шахтер с 1922 года Матюшенко. Зима. Темно. Подвыпивший Алферов на улицах города встречает Матюшенко, у которого, напротив, с утра маковой росинки во рту не было. Секретарь почему-то толкает шахтера. Последний робко возражает. А пьяному перечить чревато. Алферов обнажает револьвер и начинает бить визави по голове. Напес почтенному труженику 3 рапы. Надо сразу сказать – не

Художественная клумба с ликом товарища Сталина

смертельные. Но протокол составили, и у начальника районной милиции в столе он оказался. Узнав сие, патрон Алферова, первый секретарь Обручев, пытается замять дело, забирает у начальника милиции следственный документ. И, возможно, все как-то утряслось бы. Но бдительная прокуратура, нуждавшаяся в проценте раскрываемости, оказалась на страже законности.

Однако, что характерно: Алферов еще пару недель в своем теплом кресле продержался. Но тут вмешалась газета «Правда» и потребовала призвать дебошира к ответу. А уж хуже этого быть ничего не могло. Алферова последовательно сняли с занимаемой должности, исключили из партии и осудили.

Так что политическая подоплека и в описанной уголовщине ощутима. Но разве сравнить с тем мраком, который разразился в середине января?

Как троцкистские палачи стахановцев убивали

А в середине января в газетах бабахнула бомба: процесс антисоветского троцкистского центра (Пятаков, Радек, Сокольников и др.). Материалы процесса пошли в местную прессу в полном объеме. Газетной площади не жалели. А на следующий день пошел нескончаемый поток писем возмущенного пролетариата под общим девизом: «Расстрелять подлых изменников Родины требуют трудящиеся Донбаса».

Вот статья «Кого убили троцкисты на нашем заводе?» Имеется в виду Горловский азотно-туковый завод (убейте, не знаю, что такое этот тук!) Подписано: 800 рабочих. Понимаете – 800! В едином порыве. Суть дела кристально проста. Пару лет назад на туковом произошла трагедия. Взрыв унес жизни пятерых тружеников и ранил десятерых. Теперь-то, наконец, все прояснилось: «Мы точно знаем, что эти убийства были делом троцкистов. Троцкистско-фашистская банда вредила заводу во время его строительства, капремонтов и эксплуатации. Палачи убивали стахановцев преднамеренной перегрузкой механизмов, приводившей к взрывам». А парторганизацию возглавлял слившийся с троцкистской бандой Кобзарь. Но, конечно, не тот, что «як умру, то похороните», а гораздо хуже. Всплыли жуткие подробности. Чиновные вредители из Москвы прислали на завод комиссию для изучения обстоятельств трагедии. Когда эхо взрывов еще гроыхало в ушах рабочих, горловские вредители устроили на заводе банкет для приезжих. Они пировали.

Вытащили на свет божий десятерых покалеченных. Жертвы троцкистов рассказали, как им плохо... Эх, что говорить! После такого безобразия никто не дал бы за жизни Пятакова или Радека ломаного гроша!

Клеймили по всему фронту. Пожанрово. Вот стишок «Голос народного гнева»:

«Суд окончит свои заседания,
Огни погасит судебный зал.
И в конце их гнусного существования
Волей народа раздастся залп».

Но прошла неделя – и все улеглось. Захлестнули насущные проблемы. Донецкая контора «Украинафильм» получила звуковую кинокартину с интригующим названием «Доклад товарища Сталина на Чрезвычайном VIII Всесоюзном Съезде Советов о проекте Конституции Союза ССР». Лента побила все рекорды посещаемости. Куда там тому «Темному рыцарю»...

А какие чувства светлые пробуждал этот замечательный фильм! Вот впечатления летчика, человека по идее, закаленного: «Когда я услышал голос родного Сталина, я забыл, что нахожусь в Кремлевском дворце, среди участников исторического Съезда Советов. Хочется еще и еще раз посмотреть фильм, еще и еще раз слушать и видеть любимого вождя».

Как счетчики Марью Ивановну нашли

Голос Сталина мог оказывать на рядового зрителя столь ошеломляющее действие не только потому, что говорил вождь. Звуковое кино еще не получило повсеместного распространения. Можно, кстати, сказать, что 1937-й – год окончательной победы не только над троцкистско-бухаринским отребьем, но и над немым кино.

Города уже были избалованы звуковым кино. Теперь завели автокинопередвижки, доезжавшие до самых отдаленных деревень. Устроили фестиваль колхозной молодежи под девизом: «Все для звукового кино». Но вредители проползли и в эту сферу. В Донецком кинофототресте под крылышком директора Рыльского долгое время находили приют разнообразные враги народа – белогвардейцы, жулики и проходимцы. Явные вредители: киноаппараты ис-

На руинах взорванного храма

пользовались безобразно, разваливались на глазах. Да еще и растратили мерзавцы 250 тысяч казенных рублей. Вот вам и всеобщий победоносный охват звуковым кино. Благородные планы партии пущены под откос.

Впрочем, планы партии тем и отличаются, что рано или поздно реализуются. Год ежовского террора был отмечен еще одним знаменательным событием: всесоюзной переписью. Подготовка к ответственному мероприятию шла широчайшая. В печати публиковалась подробная инструкция, как отвечать на вопросы переписного листа. Как думаете, могло такое мероприятие пройти гладко? Оно и не прошло. В Сталино под видом счетчиков несколько жуликов проводили заполнение каких-то бланков и брали по 1 рублю 50 копеек с человека. На всю округу прогремел безобразный случай: счетчик Муравьев явился на работу пьяным и растерял переписные листы — а с ними вообще была напряженка. «Что ж такое? Так ни-

каких листов не хватит!» – плачуще восклицает начальник Муравьева.

И все же население переписали, и листов хватило на всех. При этом обнаружили некоторые любопытные обстоятельства. В Мариуполе выявили 110-летнюю Марию Ивановну Андрееву, у которой еще был жив один из сыновей, а также 23 внука и 25 правнуков. Столь кавказское долгожительство привело в восторг местные власти. «Старушка хорошо помнит тяжелый труд у помещиков при крепостном праве!» – умиленно восклицали они, немедленно осыпав Марию Ивановну дефицитными продуктами и отрезом бархата.

Как из Сталино до Киева в противогазах бегали

Сложные общественно-человеческие отношения не мешали городу развиваться. Сталино озеленялся. Между Рутченково и центром на солидной площади в 11 гектаров были посажены 4-летние декоративные деревья. Поселок Рутченково только в следующем году войдет в черту города, но «зеленая цепь» с центром его уже связала.

Улица Артема также требовала своего. Поэтому на протяжении от площади Ленина (тогда еще не существовавшей) до библиотеки Крупской (ее тоже не было) произвели посадку соответствующих деревьев. Должна была образоваться зеленая стена вдоль главной дороги города. И еще. На Сенной площади был заложен милый глазу сквер. Со временем он разовьется в Сквер влюбленных таки на площади Ленина.

В феврале открыли торговую точку, которую поколения будут знать как Первый гастроном. Если верить тогдашним очевидцам, такие магазины существовали на тот момент только в крупнейших городах Союза. Превосходное техническое оснащение: ветчинорезки, автоматические весы, аммиачные холодильники... Подача продуктов в отделы непосредственно из склада – подъемником. Бесплатная

доставка продуктов на дом. Работало сие заведение с 8 утра до 12 ночи. А говорят, что при советской власти не было ночной жизни...

В середине 1936 года снесли здание возле кинотеатра «Комсомолец», где находился единственный в городе книжный магазин по продаже научной литературы. Научные работники и профессура Сталино это событие встретили с негодованием. «На улице Артема, – восклицали они, – существует длинная цепь магазинов (гастроном, рыбный, мануфактурные, комиссионные павильоны). Неужели здесь нельзя найти место для книжного!» Разрешилась ли проблема, Бог весть...

Все вокруг говорили высокие фразы об энтузиазме масс. А вот и доказательства. В начале марта власти организовали автопробег по маршруту Сталино – Артемовск – Сталино. Маршрут, прямо скажем, не особенно впечатляет протяженностью. Остап Бендер, к примеру, просто посмеялся бы. Но тут имелась своя изюминка. За руль автомобилей уселись... домохозяйки. 12 женщин, подготовленные сталинским автоклубом, покинули домашний очаг и ринулись в сомнительную пучину приключений. Кухня, киндеры, кирха – все побоку. Вернулись ли к очагу – кто знает...

Доказательство номер два. В середине года бойцы санитарной дружины Макеевского горкома «Красного креста» пустились в пеший переход до Киева. Вот этот маршрут уже внушает определенное почтение. Но вы зауважаете отчаянных парней еще больше, когда узнаете, что до стольного града они добирались... в противогазах.

Немногие подозревают, что в нашем городе аэропорт существовал еще до войны. А ведь было! Лайнеры курсировали в направлениях Сталино – Днепропетровск – Киев, Сталино – Ростов, Сталино – Мариуполь, Сталино – Краматорск (вот ведь!) – Харьков – Москва, Сталино – Ворошиловград – Старобельск. Именно в 1937-м появляются автобусы, на которых пассажиры из аэропорта доставляют-

ся в город. А на ближних рейсах старые самолеты СП заменялись новыми «Сталь-3».

В июле на главпочтамте установили бильдаппарат. Стало возможным передавать в Харьков и Москву фотографии, карты, чертежи, схемы. Как бы компенсацией за это радостное событие стало закрытие Рутченковского мыловаренного завода (чтоб жизнь мылом не казалась).

А знаете ли вы, что в 1937-м день смерти Ленина объявили выходным днем? Жили же люди!

Есть вопрос:

кто первый сказал «Донбасс никто не ставил на колени»?

Нет, совсем не Виктор Янукович! И даже не Евгений Щербань. Автор этих слов – шахтерский поэт Павел Беспощадный. Строфа, в которой фигурируют эти слова, выглядит так: «И нет земли прекрасней, вдохновенней, где все творцом народом создано. Донбасс никто не ставил на колени, и никому поставить не дано!» Именно так, в виде четверостишия, и надо цитировать. Потому что иначе по старой памяти об-

винят в сепаратизме. А на художника слова «волну гнать» – у кого язык повернется? Ну и, на всякий случай, для более углубленной аргументации – несколько фактов из жизни Павла Беспощадного. Родился в 1895 г. Участник гражданской войны. Работал на горловской шахте «Кочегарка». Почетный шахтер СССР. Кавалер ордена Ленина. Умер в 1968 г. Настоящая фамилия – Иванов.

Что-то стало холодать...

Наиболее холодная зима за всю историю метеорологических наблюдений в Донецке отмечена в 1935-1936 гг. Именно тогда был достигнут абсолютный температурный минимум в черте города – минус 33,5 градуса по Цельсию.

В январе 1926 года трудовой коллектив участка № 2 «Ново-Смоляниновского» рудника был созван на внеочередное собрание. На повестке дня стоял случай злостного прогульщика, забойщика Ревуцкого. Этот негодяй целую неделю носа не казал на производство, а когда все-таки появился, не нашел ничего лучше, чем объяснить свое отсутствие... обильными снегопадами! Мол, живет он в Дурной балке, а оттуда добраться наверх, на Смолянку, совершенно невозможно, если с утра до вечера идет снег, все дороги замело, расчищать их никто не думает, мобильная связь не работает... В общем, безвыходная ситуация. Партийный секретарь был настроен наказать прогульщика и врать по всей строгости. Но на сторону Ревуцкого встали товарищи – и сумели запудрить мозги секретарю. Доказывали, что Дурную балку каждый год на несколько дней отрезает от мира обильным снегом. В общем, Ревуцкий отделался простым выговором. Хотя наверняка пропьянствовал всю эту неделю...

«Раньше зимы были, не то что сейчас – настоящие, со снегом и морозами!» – мечтательно закатывая глаза, говорят старожилы. И хотя в последние годы ситуация стала выправляться, легенда о «настоящей донецкой зиме» продолжает иметь хождение. Изрядная доля правды в этом

1

января

С НОВЫМ ГОДОМ

есть: погода живет по циклам, и на довоенный Сталино пришла очередная полоса «абсолютного холода».

Рекордная зима 1935-1936 гг.:

ярко иллюминированные катки и базы

Самая лютая зима за всю историю наблюдений донецких синоптиков случилась в середине предвоенного десятилетия. Абсолютный минимум температуры, обморожения и смерти на морозе, экстренные меры властей (например, постановление правительства «Об экономии электрической энергии» – в связи с тем, что обогрев помещений забирал гораздо больше киловатт, чем обычно).

Но зверские морозы не испугали настоящих ленинцев! 24 декабря 1935 г. в Горловке был дан старт походу в противогазах в Москву (!). «В походе участвуют 3 коммуниста-техника Шапиро, Файнберг и Ушаков. Они вручат рапорт секретарю ЦК ВЛКСМ тов. Косареву о работе комсомольской организации завода и о развитии стахановского движения. Свой поход участники надеются закончить за 28 дней. Идут они в полном военном снаряжении», – свидетельствовала пресса. Что погнало этих людей в разгар зимы на лыжную трассу – сказать трудно. Может, такую меру к ним применили как к врагам народа – в исправительных целях?

Но нет, судя по тогдашним СМИ, походами страдали решительно все! В тот же день, 24 декабря, из города Прокопьевска вышли представители 5 стахановских шахт Кузбасса – правда, без противогазов, но тоже на лыжах, и тоже с рапортом – о проделанной работе по превращению Кузбасса во второй Донбасс. Длина маршрута – 4400 километров. 3 февраля руководитель похода тов. Волов сообщал, что группа перевалила Уральский хребет, преодолевая бураны и 50-градусный мороз. В марте героических кузбасовцев встречали в Сталино.

А 17 декабря состоялось знаменательное для города событие: в парке культуры и отдыха имени Постышева нача-

ла работать показательная конькобежная станция – 2 катка общей площадью 15 тыс. квадратных метров. Неподалеку располагалась образцовая лыжная база с двумя трамплинами. «Катки и лыжная база ярко иллюминированы и будут работать с утра и до позднего вечера», – радостно сообщал «Социалистический Донбасс».

Школа выживания

30-е – непростое время. Голодное начало 30-х – тем паче. А холодной зимой выживать было стократ труднее, чем летом.

Один макеевский старожил вспоминает жуткие видения зимы 1932 года: «Улица заполнялась бездомными голодающими, приехавшими из сел Украины и деревень ближайших областей РСФСР (больше из Курской). Плохо одетые в холодную зиму, голодные, ищущие все, что можно пожевать. На ночь они спускались на трубы парового отопления и там ютились до утра. И еще одно согревающее место – у доменных печей гора потухшего кокса, на нее примерно раз в два часа поднимается состав вагонеток, из которого выливают ненужный уже домне расплавленный кокс. Жидкая огненная масса ползет вниз, люди, лежащие на горе еще сохранившей тепло прежде вылитой массы, бегут. Все успевают. Жар вылитого вновь покрывает корка, температура ее падает. Бездомные вновь укладываются на теплую «постель».

О той же зиме вспоминает житель одной донецкой окраины: «Она была снежной, холодной, с сильными ветрами. Морозы порой доходили до -30° и ниже. А в степи ветер не имеет преград. По дороге с рудника в ту зиму замерзли несколько человек, ослабевших от недоедания (тогда ходили на работу на рудник пешком, а это – более шести километров). Спасались колосками могоара. Прослышали мы, что на поле, где убран был могоар, мыши на зиму натаскали колоски в кучи пирамидальной формы. Могоар – это азиатский

злак, колос которого похож на початок. В «початке» очень плотно «упакованы» мелкие, мельче пшени, зернышки. Могар сейчас не культивируют, но тогда его сеяли: зернышки сразу можно было варить. Кучи были около полуметра высотой, а некоторые достигали и 70 см. Поле было сильно занесено, и эти кучки отчетливо виднелись на снегу. Мы раскапывали снежные кровли, набивали мешки и около трех километров несли домой, довольные тем, что на ужин будет еда. Дома мы растирали колоски и варили кашу».

Это была хорошая школа жизни, которую, конечно же, лучше было пройти заочно...

Зима 1939-1940 гг.: охота на лис и авария на Ветке

Вторая по свирепости предвоенная зима. Внезапно наступившие в начале декабря морозы застали врасплох руководителей транспортного цеха металлургического завода им. Сталина. Вышло из строя 30% всего парка паровозов. Парк привели в чувство, начальника транспортного цеха – вероятно, тоже.

В то время детей определенно считали более закаленным народом, чем теперь. В декабре в связи с наступившими морозами Наркомпрос Украины пошел лишь на частичные уступки – разрешил директорам школ не проводить занятия со школьниками 1-4 классов, если морозы достигают более 22 градусов. Все остальные продолжали героически посещать занятия, невзирая на падение ртути в термометрах. Это понятно: будущий защитник Родины не должен пасовать перед стихией.

Плюя на морозы, невероятную активность развили охотники. 12 декабря «Социалистический Донбасс» вышел со статьей «Первые трофеи», где сообщалось, что с начала сезона в регионе умерщвлено до 2 тысяч лисиц и около 15 тысяч зайцев. «Колхозники Володарского района организовали облаву на волков. Во время облавы убиты 2 волка»,

– с гордостью сообщал анонимный корреспондент о последней удаче.

Самой большой проблемой зимы стала авария системы водоснабжения на поселке Ветка. Что там случилось на самом деле, за давностью лет уже трудно понять, но в итоге население отдаленной части города полторы недели сидело без воды. Все эти дни температура держалась на уровне 25 градусов, и вода замерзала даже в колодцах. Хорошо еще, что отопление домов не зависело от централизованной воли. Все-таки самый надежный способ обогрева – когда обогреваешь себя сам!

Героические химики на уральском морозе

Суровые донбасские зимы сказались, когда наши люди из-за войны оказались в условиях классической стужи. Вот, например, только один эпизод – из истории Донецкого химического завода казенных изделий.

Когда фронт приблизился к границам Донбасса, завод решили эвакуировать. В итоге, пять тысяч человек и 205 вагонов оборудования проследовали на Урал, в город Миасс. Там, на базе механических мастерских треста «Миассзолото» приезжие из Сталино воссоздали производство. А погода на Урале – это совсем не то, что погода в Донбассе: суровый континентальный климат, сухие жесткие морозы. А работать пришлось под открытым небом. А планы требовали выполнять по законам военного времени... В общем, парни из Сталино своей стойкостью удивили даже уральцев: местные-то считали, что только они способны работать при 45 градусах мороза. «Уже в марте 1942 года боевая продукция с маркой завода начала поступать на фронт», – скромно сообщают летописи предприятия.

Назад, в холодный Сталино

Очень долго представителям молодого поколения было нечем крыть, когда старики начинали довольно ворчать о том, что «раньше были зимы, а теперь – квашня!» Конечно,

Одна из холодных зим 30-х годов. Центр Сталино

случалось всякое и в последние десятилетия. В зиму 1986-1987 гг. в январе-феврале навалило столько снега, что трудовые коллективы не успевали на ежедневных субботниках расчищать дороги и подъездные пути, а жители частного сектора пробирались на Большую Землю с грабарками в руках, проделывая туннели в снежных завалах своих дворов.

В декабре 1997 года за одну ночь температура упала с плюсовой до минус 25. Если учесть, что накануне вечером несколько часов шел дождь, то можно себе представить картину, открывшуюся дончанам поутру: все, что видел глаз, было покрыто тонкой ледяной корочкой. Мир будто оделся в хрустальную оболочку. Красота, однако, требует жертв: отягощенные непривычной ледяной «добавкой» ветви деревьев начали отламываться и падать на землю. Бульвар Пушкина был похож на участок лесозаготовок. Машины на донецких дорогах скользили, как коровы на льду.

Но то были эпизоды. А зимой 2005-2006 годов произошел настоящий перелом: температура упала до 30 градусов

ниже нуля и целую неделю не поднималась выше отметки минус 25. Такого Донецк не видел с тех самых довоенных времен. Следующие зимы, пусть и не такие «злые», продолжили тенденцию. Возвращаемся к сталинским холодам?

Есть вопрос:
*а вы с ваших терриконов зимой
на лыжах катаетесь?*

Этот вопрос жителям Донецка приезжие задают очень часто. Гораздо чаще, чем допускает простое любопытство. Наверное, потому что на людей, впервые приехавших в Донбасс, терриконы производят по-настоящему магическое впечатление. Еще бы: едешь, едешь по одному из крупнейших городов восточноевропейской страны, и вдруг – бац! Чуть ли не в центре – здоровенная гора. Потом еще одна и еще... Не Кордильеры, конечно, и даже не Карпаты, но для жителей равнин – возвышенности солидные. Ну, а если есть горы, значит в городе просто обязано проживать несметное количество любителей горного слалома и скоростного спуска. Ведь для того, чтобы прокатиться с горы с ветерком, счастливым дончанам даже ехать никуда не нужно – вышел из дома и через 15-20 минут ты уже на горнолыжной трассе.

То, что никаких трасс и в помине нет, гостям просто не может прийти в голову: приезжие на 100% уверены, что не использовать столь щедрый дар индустриализации в спортивно-развлекательных целях просто глупо. Дончане, обычно не склонные к измыслам над иногородними, искренне признаются в том, что их любимый город на звание Мекки украинского горнолыжного спорта не претендует. Более того, не претендует даже на что-либо вообще связанное со словом «лыжи» (даже на Руслану Лыжичко). По одной, но веской причине – жидкое агрегатное состояние воды для Донецка более привычно, чем твердое. А против законов физики, как известно, не попрешь. К тому же существует масса более простых способов покончить жизнь самоубийством, чем съехать с террикона на лыжах или санях.

Война

Drang nach Osten

26 октября 1941 года Сталино оккупирован немецкими войсками. Город был включен в военную зону, подчиненную непосредственно командованию немецкой армии. На территории Сталино в годы оккупации существовало еврейское гетто, в котором убили 3 тысячи семей, 3 концентрационных лагеря, в которых были уничтожены 92 тысячи человек. Была введена система коллективной ответственности. За убийство немецкого военнослужащего расстреливали 100, а за полицейского 10 местных жителей. Оккупация Сталино длилась около 700 дней. На начало Великой Отечественной войны население города составляло около 507 тысяч человек, а после оккупации – 175 тысяч.

В конце октября 1941 года германская армия достигла Донбасса. В ноябре был занят город Сталино, которому местные энтузиасты, довольные поворотом истории, тут же возвратили название Юзовка (любопытно, что сами немцы без особой задней мысли всю оккупацию именовали город Stalino). Одной из первых акций вновь образованной городской управы стало издание ежедневной газеты «Донецкий вестник». В новогоднем номере наряду с передовицей, уснащенной крупным портретом фюрера, поменялся под рубрикой «Новогодняя реклама» образчик политической сатиры: «Меняю дачу под Москвой с большим садом, озером и всеми удобствами на теплую избушку в глухой сибирской тайге. Согласен на додачу. С предложением обращаться в Наркомвнешторг к Микояну». Таким был юмор периода оккупации.

Юзовка немецкой мечты

Известно, что немцы ушли из города в 1943 году, оставив после себя руины. Не так широко афишировался факт, что пришли они в город с мертвой промышленностью и дезорганизованными коммуникациями: советская власть постаралась сделать все, чтобы мощная база Донбасса не сыграла на руку врагу. А поскольку немцы планировали обосноваться на донецкой земле надолго, то прежде всего вынуждены были думать о восстановлении промышленного потенциала и городского хозяйства.

На начало 1942 года из 97 шахт комбината «Сталин-уголь» полностью уцелевших практически не было. Немцы подошли к делу с присущей им методичностью. Был составлен четкий план восстановительных мероприятий, не допускавший срыва сроков. Вот как рисовали перспективу оккупационные власти: «К стахановской каторге не будет возврата. Осуществится настоящая механизация всех процессов, о чем так долго болтали большевики. Намечена концентрация горных работ, сокращение числа шахт с последующим ростом их производительности. Будет внедряться металлическое крепление, от которого большевики постыдно отказались. После войны добыча Донбасса возрастет минимум на 50%».

Что касается непосредственно города, то тут планы были еще более наполеоновские. Немцы намечали коренную реконструкцию Юзовки, благоустройство жилья, безжалостный снос «шанхаев» и «нахаловок». В частности, насильственная смерть должна была постигнуть поселок кирпичного завода у Первого городского пруда, при входе в парк. Это скопление землянок просто позорило центр. Сгоревшие в боях здания (в том числе главный универсальный магазин) обещали восстановить с учетом новейших достижений архитектуры. На месте сгоревшего рынка (вблизи ЦУМа) планировали разбить еще один парк, создав зеленую зону между металлургическим заводом и центром. На углу 1-й

линии и Николаевского проспекта (нынешний – Павших коммунаров) отвели место еще одному скверу с павильоном для продажи цветов. Все недостроенные здания (например, библиотеку) обещали закончить в течение строительного сезона 1942 года. Тогда же город должен был получить «новые красивые места». Наконец, в конечной точке первой линии, у Студгородка, оккупационные власти вознамерились выстроить православный собор. Эта точка, являясь господствующей высотой для города, обеспечила бы хорошую видимость собора из любого места центра и прилегающих районов.

Любопытно, что примерно здесь собор в итоге и стоит...

Домбровский ансамбль и удаление бородавок

Не могли оставить без внимания немцы и большевистскую топонимику. Одним из первых проектов по исправлению реальности стало переименование улиц и площадей. Возвращалась в обиход прежняя система: реабилитировались юзовские «линии» с номерами от 1 до 25. Улицы и площади, возникшие при советской власти, получали «аполитичные» названия. Так, улица Розы Люксембург превращалась в Нефтяную, Щорса – в Типографскую, проспект Лагутенко – в Базарную, Комсомольский – в Почтовую и т.д. Слава Богу, имен Адольфа Гитлера или доктора Геббельса на карте города не появилось.

Немцы прилагали большие усилия, чтобы местное население почувствовало заботу новой власти. В феврале 1942 года были восстановлены клубы на Ветке, Мушкетово, Смолянке, Рутченково. 29 декабря заработало городское радио, которое вело ежедневные передачи с 12:00 до 14:15 и с 17:00 до 21:00 (в воскресенье с 10 до 20 часов). Программу составляли новости на украинском и немецком языках, музыкальные передачи из местных сил (домбровый ансамбль Жиленко, женский хор Пышкиной, солисты-

Лето 1942 г. Пересечение первой линии и проспекта Маяковского

инструменталисты). Велись музыкальные трансляции из Берлина, оттуда же передавали нередкие выступления фюрера (и, разумеется, доктора Геббельса).

Как и любой тоталитарный режим, фашистская управленческая система замыкала на себе все виды деятельности граждан. Но при этом частную инициативу слегка «рас-супонили». Вот это массы действительно встретили с одобрением. В Юзовке-Stalino довольно быстро начал расти негосударственный сектор, прежде всего в торговле и общепите. Уже в январе город имел 10 частных столовых и кафе-закусочных. В доме № 26 на 1-й линии открылся комиссионный магазин. В марте некий г-н Станкевич распахнул двери своего книжного магазина (на Базарной площади) – торговал идеологически выдержанной литературой, в основном классической. На Садовом проспекте (дом № 1) начал функционировать павильон «Под крышами Парижа» (ежедневно горячие и холодные закуски, чай, молоко, пирожки, булки, хлеб). Приблизительно тот

же ассортимент предлагала чайная закусочная С. Новикова на центральном базаре, но она славилась еще и «обедами на дом по льготным ценам». Упомянем также косметический кабинет (8-я линия, д. 151, кв. 41, Соцгородок) со следующим сервисом: удаление веснушек, бородавок, прыщей, угрей, оспинок, пятен, волосатости, перхоти и все виды массажа.

7 июня вновь открылся парк культуры. Были запущены аттракционы: «Лодка», «Вихри», «Аэроплан», «Вверх и вниз», карусель. Граждан призывали получить заряд оптимизма в комнате смеха. По субботам и воскресеньям в парке играл духовой оркестр городской полиции под управлением В. Кончина. При парке культуры был организован спортклуб «Авангард», на базе которого сформировали футбольную команду с привлечением мастеров «Стахановца» (Бикезина, Крекшина и прочих). 17 мая на реконструированном стадионе в присутствии 13 тысяч зрителей состоялась «дружеская встреча» немецкой и итальянской воинских частей (завершилась вничью – 2:2). Летом 1942 года встречи «Авангарда» с командами Донбасса и даже более отдельных регионов проводились регулярно.

Карательный и половой вопросы

Конечно, несмотря на парижские пирожки, жизнь при немцах была не сахар. Граждан сурово регламентировали практически во всем. Отступления от регламента грозили серьезными неприятностями.

Строжайше контролировали: использование автомобильного и гужевого транспорта, поголовье скота в частном использовании, предпринимательскую деятельность и многое, многое другое. О каких-то правах (или свободах) никто и не заикался. Зато все знали о существовании концлагеря (в квартале нынешнего ДК металлургического завода). Заключение работали в Белом карьере, где добывали

Зима 1942 г. Аэропорт Сталино

камень и щебенку для прокладки стратегической магистрали на Красноармейск. Это был не Освенцим, но и далеко не курорт. Заключение доводили до крайней степени измождения. Случалось, справляя нужду, они обессиленные падали в выгребные ямы и тут же шли ко дну. Впрочем, состоятельные родственники имели шанс выкупить заключенного за 10 тысяч рублей (по курсу 10 рублей – 1 марка).

Существовало и такое явление, как добровольно-принудительная отправка населения на работы в Германию. Везли в грузовых вагонах, приспособленных для перевозки скота... Ну то есть – людей (в каждом вагоне – печка, умывальник, ведро для воды, уборная и большое количество хорошей, мягкой соломы).

К половому вопросу оккупационные власти относились двояко. С одной стороны, немецкая чистоплотность привела к появлению следующего распоряжения полевого коменданта: «Кто вступает в половую связь, несмотря на то, что страдает заразной болезнью, наказуется лишением сво-

боды не менее чем на 3 месяца. В особо тяжелых случаях может последовать смертная казнь». С другой стороны, при открытии на 7-й линии гостиницы в газете появилось объявление: «Производится прием девушек-официанток по обслуживанию германского и итальянского командований. Все поступившие девушки обеспечиваются квартирой, питанием и всеми коммунальными услугами». В общем, немцы были за гигиенически безупречный секс.

Целомудренный бургомистр и последний трамвай

Характерно, что карательные функции осуществляли в основном свои же – земляки, пришедшие работать в полицию. Немцы старались не «светиться» в роли носителей возмездия. Понятно – дело грязное и неблагодарное, и какой смысл заниматься этим, если есть на кого спихнуть.

Начальником городской управы числился местный Н. Петушков. Бургомистром являлся немец А. Эйхман. Своеобразие его менталитета иллюстрируют следующие высказывания: «В некоторых домоуправлениях живут девушки и одинокие женщины, которые нигде не работают, а занимаются спекуляцией на базарах или своим поведением вызывают нарекания местных жильцов, честно работающих на восстановлении города или укреплении нового порядка. Таких девушек и женщин нужно немедленно лишать жилплощади в черте нашего города. Есть много случаев, когда сотрудницы являются на работу с накрашенными губами и напудренными лицами, много внимания уделяют косметике во время рабочего дня. Военный советник предложил мне не допускать к работе таких сотрудниц и отсылать их домой для приведения себя в надлежащий вид».

Последним месяцем, когда немцы могли хотеть что-то сделать для города, был август 1943 года. Они и сделали. 25 августа состоялся пуск трамвая из центра до железнодоро-

рожной станции в торжественной обстановке с криками «Хайль Гитлер!» Это событие освещается в последнем выпуске «Донецкого вестника». 2 недели спустя под ударами советских войск немцы оставили Юзовку, которая на следующий день вновь превратилась в Сталино. Уже в нормальном, русском написании.

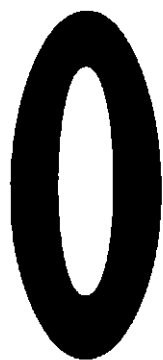
Есть вопрос: почему в Донецке так мало туалетов?

Вот вопрос, на который, кажется, как ни отвечай – непременно попадешь в неловкую ситуацию. И сам вопрос не очень хорошо пахнет, да и что скажешь? Общественных туалетов в Донецке, в самом деле, гораздо меньше, чем это положено приличному городу. Пара точек в подземных переходах да рестораны «Макдональдс», куда можно, в принципе, забежать, если сильно прижмет – вот и все, что сделал новый Донецк для развития туалетного бизнеса. Можно, конечно, толковать это скудосортие тем, что здешняя почва не очень богата, и местные

власти, урезая население по части отхожих мест, прямо провоцируют их удобрять донецкую почву. Есть, однако, другой вариант объяснения. В союзные времена существовало расхожее понятие – «донецкий характер». Все знали, что в нашем городе живут люди волевые, несгибаемые. Потом об этом как-то подзабыли. Предлагаем напомнить о донецком характере как раз в контексте туалетов. И рассказывать приезжим о железной воле, которую каждый из нас умеет собрать в кулак и донести до дома в случае особой нужды.

За Родину! За Сталино!

Бои за освобождение Сталино начались 7 сентября 1943 года. При взятии города наиболее отличились 50-я гвардейская стрелковая дивизия (войска вошли в Сталино со стороны Рутченково), 301-я и 302-я стрелковые дивизии. Город был освобожден в первой половине 8 сентября 1943 года. Освобождение осуществлялось через северные пригороды города (восточный берег Кальмиуса у Макеевки – по современному проспекту Мира), позже танковыми войсками (командир – полковник Франц Гринкевич) по восстановленным мостам через Кальмиус несколько южнее.

официальная история Великой Отечественной войны описывает операцию по освобождению Сталино как три четких, согласованных удара с разных направлений, а также дерзкий, почти хулиганский прорыв боевой группы капитана Ратникова в центр города. За последние пару десятилетий появилось несколько альтернативных версий. Вообще стали считать, что город был взят случайно.

Что, мол, Красную армию интересовали Мариуполь и Ясиноватая, а не областной центр, особой стратегической ценности не имевшей. А героический капитан Ратников просто оказался игрушкой в руках судьбы.

По крайней мере, так рассказывали о нем ветераны, освобождавшие Сталино, через 40 лет после Победы в одной из донецких школ молодому спасенному поколению. Рас-

сказывали, понятно, в теплой неформальной обстановке. А спустя еще 20 лет один из тех школьников вывалил эту историю на одном из интернет-форумов.

Альтернативный Ратников

Согласно этой версии, Сталино как таковой находился в стороне от главных операций. Немцы, понимая это, неспешно занимались эвакуацией города. Центр области взяли бы, наверно, немного позднее, если бы не стечение многих обстоятельств. Командир полка 96-й стрелковой дивизии, страдавший от тяжелой контузии, во время наступления на Мариуполь взял километров на 60 севернее, и 7 сентября в районе Марьинки напоролся на немецких саперов, которые с чисто немецкой аккуратностью ликвидировали железную дорогу Красногоровка – Очеретино. После недолгого и не особенно упорного боя немцы отошли в Сталино, а наши окопались в Марьинке. Пока штабы обеих сторон ломали головы над тем, что, собственно, происходит, контуженный командир полка выслал на разведку свою разведывательную роту во главе с капитаном Николаем Ратниковым, бывшим студентом-технологом пищевой промышленности (после войны он вроде бы стал директором фабрики то ли «Красный Октябрь», то ли «Рот Фронт»). В первые месяцы войны Ратников закончил ускоренные курсы подготовки офицеров. В общем, был готов выполнить боевую задачу. От командира он получил четкий приказ: «Наступать до соприкосновения с противником». Отряд Ратникова на четырех «виллисах» и двух «доджах» (всего человек 40) двинулся на разведку.

Без особых проблем проникли на южную окраину Сталино – скопление маленьких поселков, разделенных огромными полями. Оборону здесь занимали два батальона румын, которые не хотели воевать и при виде отряда Ратникова ускоренным маршем покидали свои позиции. В об-

Памятник полковнику Гринкевичу

цем, Ратников, который привык исполнять приказы буквально (такой был человек – ходячий устав), только в центре обнаружил противника, с которым должен был «вступить в соприкосновение». Это случилось возле гостиницы «Донбасс». Увидев толпу немцев и развевающиеся флаги со свастикой, бравый капитан забаррикадировался со своим отрядом в соседних относительно высотных зданиях: оперном театре и кинотеатре имени Шевченко. Чтобы не было страшно, ратниковцы периодически постреливали по сторонам.

Можно представить себя на месте командира немецкого гарнизона! Утром русскими и не пахло, в обед они появились на окраине, а вечером захватили центр и обстреливают комендатуру. Нервы его не выдержали, и он бе-

жал вместе с вверенным гарнизоном. Утром капитан Ратников увидел, что немцев нет, о чем и доложил начальству по связи. Командование рассудило логично: потерявшийся полк – это ЧП, а полк, проявивший инициативу и захвативший важный промышленный центр – орден. И превратило весь этот ералаш в операцию по освобождению города Сталино. Дивизия получила почетное наименование «Сталинской», а в честь капитана Ратникова называли улицу...

В этом месте стоит перейти от байки, рассказанной ветераном, к официальной версии событий. А заодно – и пройти по местам боев, что мы в свое время сделали с коллегой Дмитрием Забориным.

Как давили «крабов»

Вот как описывает беспримерный рейд капитана Ратникова генерал С. Бирюзов, начальник штаба Южного фронта: «2-я гвардейская армия, перед которой не стояла задача непосредственного участия в освобождении шахтерской столицы, направила туда отряд под командованием капитана Ратникова. Этот отряд к 19 часам 7 сентября вышел к шахте «Мария», а затем ворвался на восточную окраину города. Несколько позже гвардейцы из того же отряда тт. Жуйков и Герасименко достигли городского театра и водрузили над ним Красное знамя».

На подступах к Сталино красноармейцев на рубеже реки Грузской в районе Моспино встретили «крабы» – так немцы называли массивные бетонные и металлические колпаки обтекаемой формы, укрепленные над «колотцем». Внутри «крабов» стояли легкие орудия и пулеметы. По свидетельству подполковника запаса Б. Робула, участника тех событий, «конструкция предусматривала возможность ведения ближнего и дальнего боя. Когда наши атакующие подразделения находились еще вдали, окно открывалось полностью и из него велся огонь из пу-

шек малого калибра. С приближением атакующих цепей окно закрывалось, и через решетку начинал строчить пулемет».

Но недаром в русском языке есть пословица про хитрую гайку! Истребители танков пошли на вопиющее нарушение правил – сняли для маскировки предохранительные броневые щиты со своих пушек, тихо подкатили их по кукурузе и с 400 метров от всей души жажнули по колпаку. Окно «краба» тут же заклинило, пушка врага вышла из строя. Советские бойцы кинулись к колодцу, и увидели на его дне двух оглушенных штрафников-австрийцев, прикованных цепью...

Сегодня на берегах Грузской – тишина, спокойствие и дачный поселок. Сориентироваться на местности нам помог дед Алексей, проживающий на краю села. В 1943-м ему было пять лет, запомнил он немного. В частности, как подогнали «Катюши» и смешали оккупанта с землей. Помнит, как немцы строили на крутом правом берегу речки серьезную оборону, а на церкви сидел снайпер. Следы ходов сообщения, окопов и блиндажей по сей день на каменистых холмах видны прекрасно, хотя сейчас там обширная свалка Свято-Касперовского женского монастыря. Сельцо официально обошлось Красной армии в 79 бойцов, на могиле которых сейчас стоитobelisk, но захоронения есть и в других местах вокруг села. Отсюда освободители вышли на южную окраину Макеевки.

Драка за аэродром

В это время правое крыло 5-й ударной армии подходило к Сталино с северо-востока. Гвардии старший сержант Володин вспоминал, что немецкие батареи встретили части 127-й стрелковой дивизии у Авдеевки. Город был занят поздно вечером 7 сентября. Дивизия двинулась дальше и выбила противника из центральной усадьбы поселка Пес-

ки. Широкая полоса немецкой обороны шла у северо-восточной окраины города, захватывая нынешние земли совхоза «Спартак» – и дальше, к Авдесвке. Здесь немцы прикрывали свой аэродром.

Его остатки и сегодня можно увидеть у Путиловского автовокзала (в прошлом – Донецкого аэропорта). Немецкая взлетно-посадочная полоса еще существует как факт истории – полускрытая дерном бетонка справа от аэропортовского забора. У гостиницы «Полет» и гаражного кооператива через дорогу легко заметны небольшие холмы – это остатки мощных немецких дотов.

В июне 1943 года, всего за два месяца до подхода Красной армии, здесь еще кипела бурная деятельность. Вот воспоминания участника событий с той стороны фронта – 20-летнего фельдфебеля Клауса Фритцше. «На маленьком курьерском самолете долетел я до Сталино 11 июня 1943 года, пешком отправился в военгородок и... первое живое существо, встреченное мною на пути, – мой старший брат. В части дефицит радистов. Отдохнуть от дальней поездки не дают. Разместился в военгородке, познакомился с радией бомбардировщика, изучил фронтовые правила ведения радиосвязи, и 13 июня – вызов на подготовку ночного рейда».

Фритцше очень хотел стать героем. Но все его достижения – три боевых вылета. Потом его двухмоторный «Хейнкель-111» бомбардировочной эскадры «Викинг» был сбит, и как обороняли аэродром в Сталино его коллеги, молодой летчик не видел.

По сей день в посадках на северной окраине города можно найти огромные капониры от зенитных орудий, остатки окопов и блиндажей. Немцы дрались яростно. Сегодня прямо по их позициям проложена взлетная полоса. Нет-нет, да и наткнутся при земляных работах то на каску, то на штык вражеский. Тракторист, пахавший совхозное поле, рассказал нам, что находки постоянно случаются и на пашне. Да и прямо за аэропортовским забором можно насо-

Памятник генералу Гурову

бирать гильз, крышечек от сигнальных ракет и прочую военнно-историческую дребедень. А между огромных, наполненных водой ям блиндажного городка беспечные жители прилегающего микрорайона Октябрьский и хутора Веселый жарят шашлычок.

Как брали центр

По-настоящему за Сталино Красная армия взялась, когда 301-я и 50-я гвардейские стрелковые дивизии с боями прошли Макеевку. При этом прорвали серьезную оборону за поселком Щегловка – окопавшийся немецкий гарнизон выбили в ночь на 7 сентября. Как вспоминал генерал-майор (тогда полковник) Владимир Антонов, в результате этой атаки «дивизия обеспечила условия для броска непосредственно в город. ...К 10 часам все части заняли исходное положение на рубеже реки Кальмиус».

В это время бойцы полковника Антона Владычанского (50-я гвардейская стрелковая дивизия) вышли на Рутченково. До самой смерти два командира спорили, кто из них первым вошел в Сталино. Но тогда Антонову и Владычанскому было не до дискуссий. Основные силы пытались переправиться через Кальмиус в районе нынешнего проспекта Мира, резерв остался у Щегловки.

8 сентября в 14 часов началась артподготовка, поднялись штурмовики. Первые люди Антонова оказались на «юзовской» стороне, ворвались в студгородок Индустриального института, водрузили на одном из зданий красный флаг. Бои за город развернулись нешуточные – немцы особенно яростно сопротивлялись в районе Александрово-Григорьевки, где сейчас ходит автобус маршрута № 19, и даже сумели окружить наш стрелковый батальон. На выручку пришел щегловский резерв – по балочке, связывающей два поселка, он вышел в тыл и фланг врагу. А во время боя саперы наладили мосты через Кальмиус – и в Сталино проникли советские танки.

Так в город пришла Победа.

Город глазами освободителей

О том, каким увидели город освободители 8 сентября 1943 года, написал в «Правде» Борис Горбатов: «Тротуары усыпаны облупившимся камнем, битым стеклом, обрывками проводов. Пять дней фашистские поджигатели бегали по городу и жгли, жгли зло и исступленно. Лучшая улица города, его краса и гордость – Первая линия (ныне улица Артема), – превращена в руины, разрушены почти все культурные учреждения, многие из них были использованы для тюрем, лагерей, застенков...»

А вот какая картина нарисована в мемуарах генерала Бирюзова: «Грусть навевали руины. Почуввав неизбежность отступления, пять дней, как дикари, метались из конца в конец города команды поджигателей. Лучшая улица города, его краса и гордость – Первая линия – совсем перестала существовать. Почти все здания культурных учреждений и промышленные предприятия подверглись разрушению. У входа в кинотеатр имени Т. Г. Шевченко большими буквами было написано: «ВХОД ТОЛЬКО ГЕРМАНЦАМ».

Как вспоминал генерал Антонов, приказ верховного Главнокомандующего по поводу освобождения Донбасса занимал всю первую страницу «Красной звезды», а оставшееся внизу место было заполнено снимками разрушенного Сталино и жителей города, приветствующих наши войска. В приказе говорилось: «В знак торжества по случаю крупной победы в Донбассе сегодня, 8 сентября, в 20 часов столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует нашим доблестным войскам, освободившим Донбасс от немецких захватчиков, двадцатью артиллерийскими залпами из двухсот двадцати четырех орудий. За отличные боевые действия объявляю благодарность всем руководимым Вами войскам, участвовавшим в освобождении Донбасса. Вечная слава героям, павшим в борьбе за свободу и независимость нашей Ро-

дины! Смерть немецким захватчикам! Верховный Главнокомандующий Маршал Советского Союза И. СТАЛИН».

В тот день вечером весь Союз слушал по радио, как Москва салютует Донбассу...

Есть вопрос:
в кого целится ваша пушка?

Как известно, раз в жизни даже незаряженное ружье стреляет. Никто по-настоящему не проверял, насколько боеспособна наша Царь-пушка, стоящая у здания горисполкома. Поэтому не так уж глуп часто задаваемый вопрос приезжих о том, какому шведу грозит это оружие. Если посмотреть на непосредственную цель, то ею окажется торговый центр «Белый лебедь». Но поскольку явных неприятелей этого учреждения в Донецке не так много, мы вынуждены провести линию прицела дальше, строго на восток – именно в этом направлении смотрит Царь-пушка. Представив себя орудийным ядром, совершим, как дети капитана Гранта, круго-

светное путешествие по определенной параллели – только не по 37-й южной широты, как они, а по 48-й – северной. По пути на восток мы пересечем Калиновку, Макеевку, Харцызск, Снежное, город Свердловск Ростовской области, поселок Малые Дербеты (Калмыкия), пески Казахстана, Улан-Батор, Биробиджан, Хабаровск, Сахалин, Курильские острова, город Сизл (США), несколько канадских провинций, остров Ньюфаундленд. И после полета над Атлантикой – территории Франции, Германии, Австрии, Венгрии. Ну на закуску – вся Украина, начиная с Галичины. Целей достаточно, любой сможет выбрать по вкусу.

Холодная осень 43-го

26 октября 1943 г. Государственный Комитет Обороны принял постановление «О первоочередных мерах по восстановлению угольной промышленности Донецкого бассейна». Намеченные им задачи: в кратчайшие сроки вернуть к жизни шахты, заводы, скорее дать стране уголь, металл, машины. 21 декабря 1943 г. в областном центре начал издаваться газетный листок выездной редакции «Правды». В нем сообщалось: «В Сталино из Челябинска прибыл первый эшелон с оборудованием, инструментами и материалами для восстановления шахт Донбасса».

В начале сентября 1943 года немцы оставили Сталино. Половина города лежала в руинах, половина – горела. Чудом уцелели несколько домов. В принципе, при известной самоорганизации, жильцы могли договориться с командами разосланных во все концы поджигателей. Так поступили, например, люди из нынешнего дома № 5 по бульвару Пушкина: собрали деньги, вручили полицая, и тот в нужный момент забыл чиркнуть спичкой. Дом, построенный во второй половине 30-х, стоит до сих пор.

Полумертвый город отходил от шока сражений довольно быстро. Настолько быстро, что не все успевали сориентироваться. При немцах появилась мода разгуливать по первой линии с овчарками. Это перекликалось с нацистской стилистикой и как бы ставило на гуляющего печать благонадежности. Кое-кто так и не догадался, что пришли свои и «гульки» с собаками теперь будут восприниматься

ВИКТОР ИВАНОВ-65

ТЫ ВЕРНУЛ НАМ ЖИЗНЬ!

Художник В. И. Иванов
 Автор текста В. И. Иванов
 Композитор В. И. Иванов

Музыкальное оформление
 В. И. Иванов

© 1965 г. Издательство
 "Советский композитор"

иначе. Опрометчивые или просто глупые девицы, к тому же нарядно одетые, продолжали свои дефиле. Разумеется, недолго. В течение нескольких дней они исчезли с городских улиц. Овчарок переориентировали на охрану социалистической собственности, судьба девиц наверняка менее завидна.

Как народ в кино ходил

Молодая дончанка Таисия вернулась в родной город из эмиграции в ноябре. Она очень, как это говорится, «любила синематограф». Поэтому уже на второй день после возвращения побежала туда, где привыкла проводить счастливые минуты – к кинотеатру имени Шевченко. К ее немалому изумлению, кинотеатр работал! Снаружи он еще хранил следы пожара, но фильмы уже шли. Наша героиня навсегда запомнила ленту, которую посмотрела в тот день – «Антоша Рыбкин» (рассказ об отважном армейском поваре, перодетом в немецкого сфрейтора, чтобы помочь своим освободить село). Внутри кинотеатра, понятно, кое-что изменилось. В связи с всеобщим огрублением нравов, канул в небытие гардероб. До войны он находился на первом этаже, сиял хромированными поручнями и придавал заведению высококультурный статус – снимая верхнюю одежду, люди ощущали себя почти в театре.

Теперь гардероба не было (бесхозное помещение вскоре превратили в малый зал). Второй этаж представлял собой огромное фойе, откуда граждане с билетами попадали в два больших зала – «голубой» и «желтый». Уже вскоре после освобождения была эстрада, играла музыка, пары кружились в танце. Полноценный «выход в свет». Но главным, конечно, оставалось кино.

В первые годы после освобождения показывали все больше отечественную продукцию. Пламенной любовью пользовались фильмы вроде «В шесть часов вечера после войны», где присутствие любимых актеров накладывалось

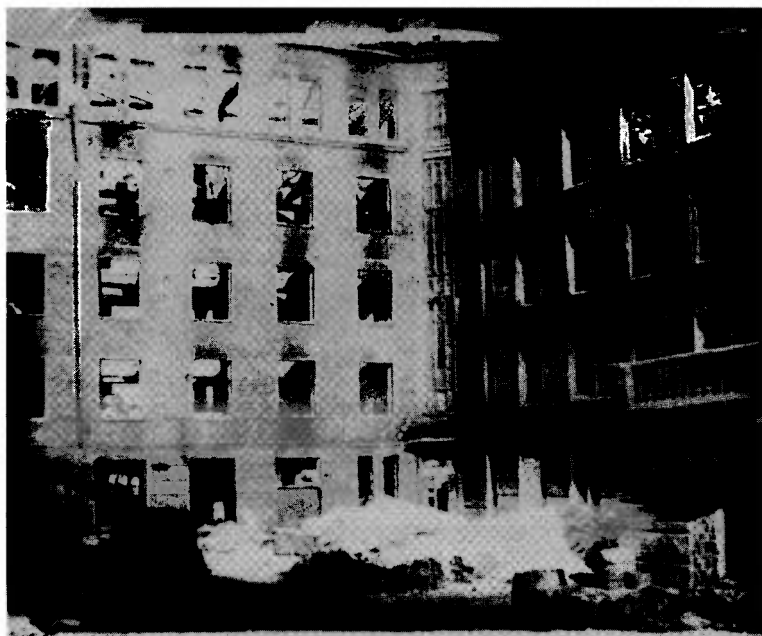
на пьянящее настроение близкой победы. Однако начали просачиваться уже и первые трофейные ленты. Такие как, например, «Девушка моей мечты» с Марикой Рекк. Никакого фашистского подтекста в ней не видели – просто невероятно красочное кино о сладкой жизни. Именно то, чего так не хватало в освобожденном Сталино. Ну а сцена, когда Рекк распахивала свою шубку и обнажала ножку под коротенькой комбинацией, была настоящей сенсацией, на это «жесткое порно» шли специально.

Как народ танцевал

Дефицит развлечений в послевоенном Сталино делал культовым любое место, где устраивали танцы. Помимо кинотеатра Шевченко, такие удовольствия предоставлял клуб медицинских работников в районе нынешней автостанции «Центр». Особо ценилось большое подвальное помещение в третьем корпусе политехнического института. Там играл шикарный джаз (ну или то, что вечеринка соглашалась считать джазом). Там зарождалась донецкая богема.

На политехнических джазовых вечерах блистали свои светские львы. Например, молодой человек по имени Кока. Мало кто знал его настоящее имя. Кока поражал публику чтением наизусть Есенина и невероятно смелым галстуком-бабочкой. Погубила его, очевидно, комбинация этих двух грехов: однажды Кока исчез, и политехнические вечера существенно поблекли. Впрочем, не Кокой единым была жива эта тусовка. Остались, например, Три сестры: девушки-блондинки, похожие, как фабричные куклы, с одинаковыми взбитыми прическами, феноменально выносливые в танцах и беспросветно тупые.

На вершине развлекательной пирамиды города Сталино находился оперный театр. Не то, чтобы сталинская молодежь так уж обожала высокое искусство, просто театральные вечера тоже завершались танцами. Это и было

Во дворе разрушенной гостиницы «Донбасс»

главной приманкой. Именно здесь поставили в декабре 1943-го первую послевоенную городскую елку. Праздничный вечер начинался спектаклем, заканчивался вальсами. В новый мирный 1944-й вплыли под чарующие звуки «Дунайских волн».

Как в Сталино фильмы снимали

Центральная часть города отстраивалась довольно быстро. Естественный энтузиазм подкрепляли «обязаловкой»: политически сознательной молодежи предлагалось после основной работы отпахать два часа на восстановлении Сталино. Предложение из разряда тех, от которых невозможно отказаться. Работали все, но темпы оживления города все равно не впечатляли – еще в 1945-м центр лежал в руинах. Не хватало людей...

Сразу после войны. Вид из Калиновки на центр

Но еще не вполне воскресший Сталино неожиданно для себя превратился в кинематографический центр. По крайней мере, два фильма в те годы здесь снимали, и оба – режиссера Леонида Лукова, уроженца Мариуполя. Первым стал военно-патриотический «Это было в Донбассе» – о молодых героях, боровшихся с фашистами (вышел на экраны в 1945-м). С Татьяной Окуневской, Иваном Переверзевым и папой артистки Татьяны Пельтцер.

Ну а потом случилось событие просто грандиозное: приехала съемочная бригада второй части знаменитой, всенародно чтимой «Большой жизни». В Сталино на некоторое время поселились любимцы страны Советов – Борис Андреев, Петр Алейников, Лидия Смирнова, Марк Бернес. Жили звезды в гостинице «Октябрь», нынешней «Великобритании». Утром их увозили на одну из донецких шахт, на специальной машине следовало кресло режиссера Лукова, а вслед за главным транспортом тархтели грузовички с массовойкой.

Восторженные любительницы кино даже не думали о том, чтобы получить за свое участие в съемках какое-то вознаграждение (хотя во все века, участникам массовойки полагалось пла-

тить). Для них главной наградой было само присутствие на одном пространстве с живыми легендами. Все девушки, конечно, хотели быть артистками. Пожилой Иван Пельтцер, желая уберечь молодые создания от обманчивого блеска шоу-бизнеса, рассказывал, насколько тяжел актерский хлеб, на какие компромиссы приходится идти для достижения успеха. Но разговоры действовали мало: девочки все равно мечтали приблизиться к волшебному миру, мечтали завести роман с кем-то из актеров. Преуспела, в итоге, только одна из них, да и то относительно: на звезд ее чар не хватило, на исполнителей ролей второго плана – тоже, пришлось довольствоваться начальником картины Виктором Викторовичем. После окончания съемок она поехала с ним в Москву, где, как и следовало ожидать, симпатия быстро испарилась. В театральный институт поступить не смогла, удовлетворилась текстильным. Так треснула еще одна хрустальная мечта.

А во второй части «Большой жизни» восторженные девочки города Сталино сыграли толпу, с цветами в руках встречающую трудовых героев из забоя. Увидеть себя на экране им не довелось: фильм заклеямили как идеологически слабый продукт и положили на полку...

Есть вопрос:

а где же ваш миллион роз?

Действительно, розы были – да сплыли. Не все, но многие. Но в ответ на вопрос «Куда?» достаточно спеть популярную некогда строчку: «Жил-был художник один...», чтобы пресечь дальнейшие разговоры на неприятную тему. К тому же переход на персоналии, о которых не принято говорить вслух, позволяет со-

здать вокруг нашего города ауру таинственности. Это модно. Это всегда было модно. Особо настойчивым приезжим можно выдать калькулятор и предложить пересчитать наши розы собственноручно. Как показывает практика, после пятой сотни человек либо отъезжает из города, либо просто отъезжает.

Bonus

Игра в классики

Мы с журналистом Андреем Зимоглядовым не приглашали их в Донецк – хотя, конечно, почли бы за честь и удовольствие прогуляться с ними по главной улице нашего города. Однако мы провели с ними столько времени, что могли без всякого напряжения представить себе, что бы сказали (а главное, написали) эти люди. Они – классики литературы XX века. Их литературная манера изучена досконально. Их легко представить на ключевой артерии нашего странного, многоликого и потому близкого каждому творческому человеку города. Что бы они написали, побывав здесь?

Борис Акунин
«Особые ощущения»

Молодой человек, вышедший будто бы из ниоткуда к площади у заводских ворот, был высок, строен, широкоплеч, на мир смотрел ясными голубыми глазами. Ему необычайно шли тонкие подкрученные усики, а черные, аккуратно причесанные волосы имели странную особенность – интригующе серебрились на висках.

– Боже, как Донецк-то переменялся, – прошептал молодой человек. – И город, и люди!

Взгляду его открылась широкая перспектива, уходящая вдаль. Раньше это именовалось Первая линия. Молодой человек двигался по тротуару, оставляя за своей спиной уже давно не дымящиеся домны, помахивая стеклом, и диву ди-

вился, оглядываясь окрест. Ну просто рай! Мостовая поллучше, чем в Токио. А чистой публики сколько! Есть и попроще – те толкуются у обочины, нетерпеливо ожидая лихачей в механических пролетках с цифрой «2» спереди и на боку. Пролеток было много, однако же всех желающих лихачи развезти никак не могли.

– Должно быть, торжество нынче, – предположил наш герой. – Впрочем, нет: тут наверняка дела поважнее...

Эрнест Хемингуэй
«В наше время»

Мы все были пьяны. Один из нас то и дело натыкался на фонарные столбы и говорил: «Я пьян, *mon vieux*, я здорово пьян. Ох! Ну и накачался же я!» Мы были в нескольких метрах от Северного автовокзала, впереди виднелась троллейбусная остановка. Кто-то сказал: «Троллейбусная остановка». Это показалось нам ужасно смешным. Мы свернули к троллейбусной остановке. Подъехал троллейбус – весь облепленный рекламой. Они, было, полезли, но мы стали бить их наверняка. Они брали троллейбус приступом, но мы растянулись цепью и держались насмерть. Заграждение получилось совершенно идеальное. Кто-то попытался пролезть на переднюю дверь, но мы его ухлопали. На нем была пропасть всякой амуниции: бейсболка с футбольным мячом на козырьке, и автомобильный гудок, и целая связка воздушных шаров. Мы просто рассвирепели, когда узнали, что пива у них нет и нам придется заезжать в «Белый лебедь». Мы зашли в вагон. Мы чувствовали себя победителями. Кто-то из наших сказал: «А хорошо бы ребя-

та из команды были сейчас с нами». Это показалось нам хорошей шуткой. В то время я был футбольным болельщиком.

Василий Аксенов «Площадь Идола»

Всякий знает в центре Донецка, среди его сумасшедших архитектурных экспрессий, дерзкий в своем шике, похожий на расписную бонбоньерку отель. К моменту нашего повествования мы видим 46-летнего плейбоя в отставке Андрея Арсениевича Лучникова в его личных апартаментах на «верхотуре». Этим советским словечком Лучников с удовольствием именовал свой исполненный пафоса гостиничный номер, который имел удачу снимать здесь каждый раз, когда наезжал в этот шелалутный, но неотразимый город.

Когда-то был ведь заштатный городишко, лежащий на унылых серых холмах, но после экономического бума перелома веков городская управа объявила Донецк полем соревнования самых смелых архитекторов мира, и вот теперь столица антрацитового края может поразить любое туристическое воображение. Лучников вышел на центральную площадь Идола, украшенную соответствующим многопудовым истуканом, стал активно перемещать свое 80-килограммовое поджарое тело между бесчисленными, диковатыми молодыми людьми.

Поискав вокруг православный крест, не нашел ничего подходящего, но привычно отмахнул знамение... На что? На светофор, что ли, ублюдок? Да нет – на громадный эк-

ран, перед которым как раз и концентрировались диковатого вида люди.

Что они смотреть-то собрались, Господи, в таком-то количестве?

Стивен Кинг
«Безнадега»

Он за столиком у окна, стараясь не привлекать к себе внимания и в то же время выглядеть так, будто для него это обычное дело – сидеть за столиками у окна в таких роскошных ресторанах. Еда не лезла в горло, желудок жгло, словно десятки гигантских отвратительных пауков перебирали там своими мохнатыми лапами, жалили его внутренности. Он потянулся к бокалу, зная, что если бокал звякнет о краешек тарелки, сердце его разорвется. «Ты – настырный сукин сын, – повторял он про себя, – настырный сукин сын, НАСТЫРНЫЙ СУКИН СЫН».

Все началось так просто, как будто не могло не начаться. Они возвращались со смены – ДДДТ, когда его отец остановился перед шикарным фасадом с золоченой табличкой Donbass Palace. «Знаешь, – сказал отец, – я всегда хотел для тебя другой жизни. Хотел, чтобы ты стал адвокатом или политиком. Я хотел, чтобы ты жил в таком вот месте. И чтобы от тебя пахло дорогим мылом и успехом». Отель, старый отель, хранящий под свежей штукатуркой свои древние тайны, будто бы наблюдал за ним. И когда он принял решение, тысячи огоньков, рассыпанных по каменному телу гостиницы (всего на мгновение, но он заметил) вспыхнули ярче.

Два месяца он экономил на всем, на чем можно сэкономить. Он даже продал старый мотоцикл брата (покупателю не нравилась надпись на баке «классный сукин сын», и цену пришлось сбросить). И вот теперь он сидит за столиком, стараясь стать прозрачным, чувствуя, как сдвигаются вокруг него каменные стены. ДДДТ. День – Другой, Дерьмо – все То же.

На белоснежную скатерть легла тяжелая тень официанта, и он почувствовал, что по ноге у него бежит горячая струйка мочи. Негнущимися пальцами он придвинул к себе счет. И вдруг понял, что кричит – пронзительно и страшно.

Курт Воннегут
«Фокус-покус»

Вот, что сделал Килгор Траут. Спустя 73 года с того момента, как он появился на свет, увидевшая его крошечную сморщенную мошонку медсестра воскликнула «Дин-дин-дон!» Спустя одну мировую войну и одну Нобелевскую премию мира, присужденную человеку, выдумавшему водородную бомбу. Спустя два тура президентских выборов и одну «оранжевую революцию». Килгор Траут зашел в «Белый лебедь», чтобы купить себе йогурт. О том, что йогурты обычно не продаются в универсамах, он не подумал. Такие дела.

Килгор Траут был небрит, а пахло от него горчичными газами и розами. Он стоял, источая запах горчичных газов, а вокруг него били фонтаны, светились витрины свежестроенных бутиков, сновали хорошо одетые, очень спеша-

щие по своим смешным делам люди. Килгор подумал, что напишет об этом рассказ и назовет его «Ничего смешного». А потом он увидел эскалатор и понял, что пространственно-временной континуум можно представить себе в виде эскалатора, где каждая ступенька – маленький отрезок времени или, если хотите, пространства. А значит, за 60 секунд, которые он потратил на эту мысль, случилось 60 Килгоров Траутов, стоящих у 60 эскалаторов в 60 магазинах с названием «Белый лебедь». «Дин-дин-дон! – подумал Траут. – Не многовато ли?»

Виктор Пелевин
«Шлагбаум и пустота»

В Донецке строят небоскребы, съедают тонны шаурмы и вчиняют миллиардные иски. Сюда стекаются деньги и немного увлажняют здешнюю жизнь перед уходом в оффшорное гиперпространство. Помнится, ты говорила, сестрица, что основное противоречие современной эпохи – противоречие между деньгами и кровью. В Донецке его остроту удастся сгладить за счет того, что кровь льется далеко, а деньги всегда у кого-то другого.

Я сижу возле стадиона с оранжевыми буквами по фронту. Оранжевый цвет – как он понятен нам, оборотням! Перед стадионом – изваяние в трусах и с длинным шестом в руках. Наверное, именно это сочетание – трусы и шест – и может служить квинтэссенцией здешнего мироощущения. Впрочем, донецкая жизнь настолько самобытна и неповторима, что нужен провидец вроде Освальда Шпенглера, чтобы верно ухватить ее суть. С точки зрения Шпенглера,

ра, в основе любой культуры лежит некий таинственный принцип, проявляющийся во множестве не связанных между собой феноменов. Например, есть глубокое внутреннее родство между круглой формой монеты и стеной, окружавшей античный город, и так далее. Я думаю, займись Шпенглер современным Донецком, он бы не упустил этой безусловной экзистенциальной связи между трусами и шестом. Мы-то с тобой понимаем, о чем речь.

Мы с тобой видели все это еще до того, как в здешних краях было совершено первое зачатие. Но есть и различие, и весьма принципиальное. В древние времена в Поднебесной любой чиновник стремился принести пользу на всеобщем пути вещей. А тут каждый ставит на этом пути свой шлагбаум, который поднимает только за деньги. Шест символизирует этот вот шлагбаум, а трусы – эти вот деньги...

Извини, допишу в следующий раз. Тороплюсь – на стадионе с оранжевыми буквами начинается зрелище, в котором будет участвовать команда в оранжевой одежде. Стараясь не пропускать ни одного их представления. Мне, как известной мастерице любви, выделяют шикарное место. Нам, оборотням, так легко заморочить людям голову...

Євген ЯСЕНОВ

МІСТО, ЯКЕ ВИГАДАВ ЮЗ

Публіцистичне видання

Дизайн та верстка – О. Сапельнікова

Літературний редактор та коректор – Л. Світлична

Технічний редактор – Т. Денісюк

Здано до складання 20.02.2009

Підписано до друку 9.03.2009. Формат 60х84 1/16

Гарнітура Petersburg

Папір офсетний. Друк офсетний

Тираж 1000 екз. Умов.-видав. арк 14,96. Умов. друк. арк. 15,81

Замовлення №3714.

АТЗТ «Видавництво «Донеччина»

83054, Донськ, Київський пр., 48

Евгений Ясенов родился в 1963 году в селе Маньковка Черкасской области, но считает себя коренным дончанином: его предки появились в Юзовке еще в конце XIX века, а родители просто оказались не в том месте, когда сыну настало время увидеть свет. Специальность по диплому – преподаватель английского языка, переводчик. Специальность по жизни – журналист. Работал в донецких газетах «Город», «Весть», «Салон Дона и Баса», «Газета по-донецки», нескольких центральных изданиях. Считает, что был причастен к формированию «журналистики нового времени». Написал два детективных романа и роман в жанре фэнтези, выпустил книгу «Прогулки по Донецку».

«Город, который придумал Юз» – книга, составленная на базе газетных публикаций Ясенова о прошлом города. На эту тему он пишет с 1992 года во всех изданиях, куда его заносила судьба. И останавливаться не собирается.

Донецк – молодой город. Как ни посчитай его историю – традиционно, с 1869 года, или новаторски, с 1779-го, все равно получается немного. Но город без прошлого не бывает. В этой книге представлены рассказы о прошлом Донецка, называвшегося сначала Юзовкой, а затем – Сталино. Автор собрал их, беседуя с земляками, ищущая исторические документы и подписки старых газет. «Книга получилась субъективной и пристрастной – правда, субъективизм этот дробится на множество составляющих. Автору кажется, что в этом kaleidosкопическом многообразии разных оценок и суждений скорее увидишь реальную картину прошлого, чем в солидной монографии», – так формулирует Е. Ясенов концепцию своего издания.